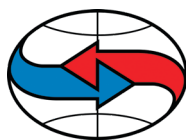

ISSN (PRINT) 2311-6412

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

2026 № 1 (49)

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

**№1 (49)
2026**

Учредитель и издатель – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ).

Редакционная коллегия:

В.Г. Егоров – главный редактор, доктор экономических наук,
доктор исторических наук, профессор.

С.Я. Лавренев – шеф-редактор, доктор политических наук, профессор.

О.В. Савина – редактор. **А.А. Львова** – корректор.

А.А. Горбунов – дизайн-верстка.

Редакционный совет:

К.Ф. Затулин – председатель редакционного совета, первый заместитель
председателя Комитета Государственной думы по делам СНГ, евразийской интеграции
и связям с соотечественниками, директор Института стран СНГ.

А.В. Манойло – доктор политических наук, профессор кафедры российской
политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.В. Штоль – доктор политических наук, профессор кафедры международных
отношений Дипломатической академии МИД России, главный редактор журнала
«Обозреватель-Observer».

А.А. Маркаров – доктор политических наук, профессор Ереванского
государственного университета.

М.В. Конотопов – доктор экономических наук, профессор, зам. заведующего
кафедры экономической теории ИЭ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

О.Д. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической
теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

С.А. Байбаков – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

М.А. Олимов – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения Таджикского национального университета.

Г. Майтдинова – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского)
Университета.

М.А. Рахимов – доктор исторических наук, профессор Координационно-
методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики
Узбекистан.

А.В. Абрамов – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной
политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
главный редактор Российского социально-гуманитарного журнала.

**Журнал «Постсоветский материк» рекомендован Высшей аттестационной
комиссией (ВАК) в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов, в
которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по специальностям:
5.2.5. Мировая экономика, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии,
5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история.**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ	4
КРАЙНОВ Г. Н., ПАНОВА А. И. ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КИТАЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	4
ДЖУЛЯК И. П., ШУЛИКОВ А. О. МОЛОДЕЖЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ ДОНБАССА.....	15
КОСОВ А. П. ОТНОШЕНИЯ БЕЛАРУСИ И НАТО В 2010 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-Х ГГ.: ОТ ПАРТНЕРСТВА К КОНФРОНТАЦИИ	28
ЮШКОВ И. П. ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНЫХ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ	41
СЕРЕБРЯКОВ А. И. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ЦИФРОВОГО ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО АДАПТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ	53
СОЛДАТЕНКО И. С., СИТАЛОВА В. А., ПОЛЫННИКОВА В. В. ПРИДНЕСТРОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	66
ЭКОНОМИКА	79
ЦАРЕГОРОДЦЕВА Е. Ю., ЖИГУНОВА Я. А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	79
БИКБУЛАТОВ Д. Р. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. ЧАСТЬ III.....	89
КРАСАВИН Е. В. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	104
ИСТОРИЯ	115
ИЩЕНКО О. В. МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ Г. НЖДЕ И Д. КАНАЯНА В НАУЧНОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА И АРМЕНИИ	115
НУРИЕВ Э. Э. ИСТОРИОГРАФИЯ ТВОРЧЕСТВА П.Н. МИЛЮКОВА: ОТ ФРАГМЕНТАРНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ К КОМПЛЕКСНОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ (2010–2020 гг.).....	128
ШИРОКОЖУХОВА А. А. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (2020–2025 ГГ.)	139
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»	150
ИНФОРМАЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	153

Григорий КРАЙНОВ,

Анатолий ПАНОВ

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КИТАЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация

В статье анализируется геоэкономическая активность Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве в контексте трансформации региональных и глобальных экономических связей. Целью исследования является выявление ключевых направлений, инструментов и последствий экономического присутствия Китая в государствах постсоветского региона, а также определение его системных эффектов для регионального развития и расстановки сил.

Методологическую основу работы составляют элементы геоэкономического и сравнительного анализа, а также изучение отдельных страновых кейсов. На основе рассмотрения инвестиционных проектов, торгово-экономических связей и инфраструктурных инициатив показано, что китайская стратегия в регионе носит дифференцированный характер и адаптируется к экономическим и политическим условиям конкретных государств. Установлено, что геоэкономическое продвижение Китая сопровождается как возможностями для экономического роста принимающих стран, так и рисками, связанными с усилением внешней зависимости и асимметрией экономических отношений.

КРАЙНОВ Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, Москва, email: krainovgn@mail.ru, SPIN-код: 3512-8931

ПАНОВ Анатолий Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного педагогического университета, Россия, Москва, email: ponchik.92@bk.ru, SPIN-код: 4063-6010

Ключевые слова: постсоветское пространство, геоэкономические проекты, Китай, инициативы «Один пояс, один путь», «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), «Морской Шелковый путь XXI века»

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_4

Сделан вывод о том, что деятельность Китая на постсоветском пространстве представляет собой не только совокупность отдельных проектов, но и долгосрочную стратегию, оказывающую влияние на региональную экономическую архитектуру и баланс интересов ключевых акторов.

Сегодня в геоэкономической стратегии и тактике Китая страны постсоветского пространства являются одним из важных приоритетов. Интерес КНР к постсоветским государствам вызван не только возможностью сбыта китайских товаров, но и глобальными геоэкономическими, геополитическими амбициями Пекина, выраженными в инициативах «Один пояс, один путь» (ОПОП), «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), «Морской Шелковый путь XXI века» и др. [1]. Президент России В. Путин 14 мая 2017 г. в Пекине на международном форуме, посвященном упомянутым выше проектам, сказал, что «основой для формирования большого евразийского партнерства» способно стать сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), «Один пояс, один путь», Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В то же время, по словам российского президента, инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕАЭС, и «Один пояс, один путь» могли бы в связке с Северным морским путем «создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента» [2].

После недолгой гегемонии США на роль мировых лидеров претендуют и другие страны, в частности Западная Европа в формате различных союзов; Китай, постепенно захватывающий мировую экономику и укрепляющий военное могущество; Индия, которая подpiraет лидеров своим быстрым развитием, а также Бразилия в Южной Америке [9, с. 266–267].

В.А. Шишкин утверждает, что в текущем веке грядут экономические и политические союзы нового типа, формируются субглобальные системы на базе объединения усилий народов и локальных цивилизаций, вроде ЕАЭС, ШОС, союзов между Россией-Китаем и Монголией, Россией-Индией. Конкуренция между ними не обязательно будет принимать характер военных конфликтов по С. Хантингтону, а скорее взаимовыгодного, но противоречивого сотрудничества политических и экономических интересов. Он подчеркивает, что в новых союзах России нужно успеть занять если не лидирующую роль, то одного из локомотивов развития субглобальных проектов [10, с. 600–601].

Китайское руководство с приходом на посты генерального секретаря ЦК КПК (2012 г.) и председателя КНР (2013 г.) Си Цзиньпина значительно усилило экономический и военно-технический потенциал сво-

ей страны. Китай начинает играть роль второго по совокупной мощи глобального центра силы. Это обусловлено как ростом потенциала самого Китая, так и такими обстоятельствами, как объективное ослабление Евросоюза, внутренние противоречия в США и приход к власти Д. Трампа, «увязание» России в украинском конфликте при неослабевающем на нее санкционном давлении. После встречи в Москве с Президентом В. Путиным 22 февраля 2023 г. начальник канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ван И сообщил, что Москва готова урегулировать конфликт с Киевом путем переговоров. 24 февраля 2023 г. был опубликован китайский план урегулирования. Следует отметить, что Пекин с начала российско-украинского конфликта в 2014 г. занимает сдержанную позицию, не признавая российский суверенитет над Крымом и четыремя новыми регионами, выступая за прекращение военных действий и начало переговоров.

Тем не менее, приоритетное значение на постсоветском пространстве в Пекине придают развитию отношений с Россией. Это обусловлено заинтересованностью Китая как в политической поддержке со стороны России, так и в сохранении стабильного доступа к ее энергетическим и иным ресурсам. Важную роль для подтверждения особого характера двустороннего стратегического партнерства на новом этапе сыграл визит Си Цзиньпина в Россию 20–22 марта 2023 г. Лидеры двух стран подписали два совмест-

ных заявления: об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия РФ и Китая, вступающих в новую эпоху, и о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 г. Как отметил В. Путин, Китай прочно занимает позицию ведущего внешнеторгового партнера России. По его словам, ожидается, что в нынешнем году РФ и КНР не только выйдут на объем торговли в 200 млрд долл., но и превайдут этот рубеж. Россия остается стратегическим поставщиком нефти, природного газа, в том числе СПГ, а также угля и электроэнергии в Китай. Президент РФ указал, что российский бизнес в состоянии удовлетворить растущий спрос со стороны китайской экономики в энергоносителях, кроме того, Россия будет наращивать поставки продовольствия на «емкий китайский рынок». Лидеры России и Китая обсудили строительство газопровода «Сила Сибири – 2», который пройдет через Монголию, обеспечивая ежегодно поставку 50 млрд м³ газа [3].

При некотором снижении роли Транссиба как сухопутного транспортно-логистического коридора ОПОР, в КНР проявляют растущий интерес к такому перспективному маршруту, как Севморпуть. В кратком совместном заявлении по экономике В. Путин и Си Цзиньпин поручили правительствам своих стран подготовить и утвердить план развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудни-

ничества до 2030 г. Выделено восемь таких направлений, включая наращивание торговли и повышение уровня финансовой кооперации (в том числе за счет повышения роли национальных валют), укрепление «всеобъемлющего партнерства в сфере энергетики» и усиление промышленной кооперации, а также «существенное повышение» уровня сотрудничества в сельском хозяйстве.

Новый импульс развитию двусторонних торгово-экономических и научно-технических связей придал визит в КНР 23–24 мая 2023 г. Председателя Правительства РФ М. Мишустина и прошедший в рамках этого визита в г. Шанхае Российско-Китайский бизнес-форум.

И еще более существенную роль в укреплении двусторонних отношений сыграл визит в Китай В. Путина в октябре 2023 г. Президент России уже в третий раз был основным и почетным гостем в Пекине на международном форуме «Один пояс, один путь» (ОПОП), посвященном десятилетнему юбилею одноименной китайской глобальной инициативы. В Пекине рассчитывают, что реализация инициативы ОПОП обеспечит Китаю столь необходимые для его огромного экспорта транзитные пути в Европу, выход на рынки ЕС.

«Заморозка» северного транспортно-логистического коридора через Россию и Белоруссию в страны ЕС из-за западных санкций против РФ и РБ рассматривается в Пекине не как «катастрофа инициативы ОПОП», а как временное затрудне-

ние на пути ее реализации. Общий объем китайских инвестиций в Белоруссию превысил 2,6 млрд долл., в том числе порядка 1,1 млрд долл. прямых. Наибольший объем прямых инвестиций привлекается в промышленность, строительство, транспорт и логистику. Одним из перспективных инвестиционных проектов обе стороны считают индустриальный парк «Великий камень». В 2022 г. китайско-белорусский товарооборот вырос на 33% и составил 5,8 млрд долл. [4].

Помимо морских маршрутов ОПОП, Китай намерен серьезно подойти к развитию альтернативных российско-белорусскому транспортно-логистических коридоров. Перспективными направлениями являются создание Транскаспийского коридора (Казахстан-Азербайджан-Грузия-Турция), «южного» маршрута Казахстан-Туркменистан-Иран и далее либо по суше в Турцию, либо к иранским портам Бендер-Аббас и Чабахар.

В ближайшее время активность Пекина на постсоветском пространстве будет нарастать. Данная тенденция набирает силу на фоне роста настроений в пользу «многовекторности» в руководстве стран, считающихся в том числе союзниками России по ОДКБ и ЕАЭС и партнерами по СНГ. Приоритетами Пекина являются Россия (ее нефтегазовый, горнорудный, химический и машиностроительный сектора), Казахстан (добыча нефти и газа и трубопроводная отрасль), Кыргызстан (добыча золота и нефтепереработка), Туркменистан (нефтегазодобыча) и

Таджикистан (добыча золота и цементный бизнес). Серьезное внимание уделяется также Белоруссии (как потенциальному окну не только в ЕАЭС, но и в Европу), Грузии, Армении и Азербайджану (как транзитным странам). В постковидный период наблюдается рост товарооборота КНР со всеми странами Центральной Азии. По данным Министерства торговли Китая, по состоянию на конец марта 2023 г. прямые инвестиции Китая в пять стран Центральной Азии превысили 15 млрд долл. Основным методом экономического «освоения» Китаем ЦА стало предоставление льготных кредитов под крупные инфраструктурные и промышленные проекты. Средства выделяются на длительные сроки формально коммерчески (а по сути, государственными) финансовыми структурами КНР, преимущественно «Экспортно-импортным банком Китая» («Эксимбанк»). При этом проекты обуславливают их реализацию использованием китайского оборудования и завозимой из КНР рабочей силы. В результате практически повсеместным результатом китайской «помощи» и «взаимовыгодного сотрудничества» стало нарастание долговой зависимости центральноазиатских государств от Пекина. В частности, долг Таджикистана перед КНР превышает 1,1 млрд долл., Киргизии 1,8 млрд долл., Казахстана – около 9 млрд долл., что усиливает опасения относительно формирования долговременной не только финансово-экономической, но и политической зависимости от КНР [5].

Знаковым событием стало проведение 18–19 мая 2023 г. в китайском Сиане (исторический и промышленный центр Западного Китая) саммита Китай – Центральная Азия с участием руководителей КНР и всех пяти государств ЦА. Выступая с программной речью, Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай предоставит странам Центральной Азии в общей сложности 26 млрд юаней (приблизительно 3,7 млрд долл.) в виде финансового сопровождения и безвозмездной помощи. По итогам встречи было подписано девять документов по основным направлениям торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. В частности, принято решение о создании совместного Делового совета для укрепления экономического сотрудничества, включая энергетику, строительство, логистику, продовольствие, информацию и коммуникации. В ходе саммита Си Цзиньпин высказался за расширение энергетического сотрудничества. В частности, он предложил ускорить строительство четвертой линии газопровода Китай – Центральная Азия и продолжить увеличение объема торговли углеводородами. Энергетический сектор является приоритетом сотрудничества КНР с Туркменией, Казахстаном и Узбекистаном. По завершении встречи шести лидеров было объявлено, что китайский Государственный банк развития выделил специальный кредит в размере 10 млрд юаней (около 1,43 млрд долл.) для поддержки проектов, реализуемых Китаем и странами Центральной Азии в области экономики

и торговли, инвестиций, транспорта, сельского хозяйства, энергетики и ресурсов, инфраструктуры. По состоянию на конец 2022 г. банк поддерживал 134 проекта в пяти странах Центральной Азии, в частности, такие крупные проекты, как три линии газопровода Центральная Азия – Китай, первая и вторая фазы разработки газового месторождения Южный Елутан в Туркмениии, производство полипропилена Казахстанской нефтехимической компанией (КПИ) годовой мощностью 500 тыс. тонн. Был запущен ряд проектов сотрудничества в области инфраструктуры, нефтегазовых разведочных работ, производства, медицины и здравоохранения, образования, технологий и цифровой экономики [5].

Китай является одним из крупнейших торговых партнеров Казахстана. В 2022 г. товарооборот увеличился на 35% и достиг рекордного объема в 24,2 млрд долл. За январь-сентябрь 2023 г. взаимная торговля выросла еще на 21% до 21,7 млрд долл. Китайские компании в основном заинтересованы в покупке в Казахстане сырьевых товаров (нефти, газа, железной руды, ферросплавов, урана). Сегодня Китай входит в пятерку крупнейших инвесторов в экономику Казахстана, значительный объем китайских инвестиций здесь связаны с проектами Китайской государственной нефтегазовой компании (КННГК) CNPC. С этой компанией связаны проекты разработки месторождения углеводородного сырья в Актюбинской области, строительства магистрального газопровода Казах-

стан – Китай, доли в нефтяных месторождениях в Мангистауской области, в Шымкентском НПЗ. Кроме того, в 2023 г. с участием китайских инвесторов реализованы проекты производства автомобилей Jetour, производства керамических покрытий и плит, переработки цинково-свинцовых отходов, производства электроэнергии ветровыми электростанциями «Борей» мощностью 100 мегаватт.

Китай рассматривает Узбекистан как страну с огромным потребительским рынком, дешевой рабочей силой, стабильной политической ситуацией и сильной государственной властью. Отношения стратегического партнерства между двумя странами, установленные в июне 2012 г., в 2022 г. были выведены на уровень «всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху». Развитие стратегического партнерства обеспечивается регулярным диалогом на высшем уровне. Только за 2016-2023 гг. состоялось более 10 встреч и телефонных переговоров между лидерами двух стран. В 2022 г. товарооборот между Китаем и Узбекистаном вырос на 20% и достиг 8,9 млрд долл. Стабильный рост отмечается двусторонней торговле и в инвестиционной сфере. Общий объем освоенных китайских инвестиций составил 11,4 млрд долл. Совместные инвестиционные проекты охватывают нефть и газ, текстильную промышленность, телекоммуникации, сельское хозяйство, фармацевтику, химическую промышленность и производство

строительных материалов. По территории республики проходят все четыре ветки газопровода Центральная Азия – Китай, мощность которого (80 млрд куб. м в год) формируется, в том числе и за счет 10 млрд куб. м узбекского природного газа [5].

В ходе узбекско-китайского бизнес-форума и ярмарки, состоявшихся в Сиане 18–19 мая 2023 г., было подписано инвестиционных соглашений и торговых контрактов на общую сумму 25 млрд долл. Поддержка создания общей трансграничной транспортной сети, предоставляемая инициативой ОПОП, выгодна для транспортной системы Узбекистана. Благодаря участию в инициативе производители Узбекистана могут выйти на рынки Китая, Ирана, Западной Азии и Индии, Европы и Турции. В целом Узбекистан и Китай рассматривают друг друга как надежных партнеров, заинтересованы в укреплении всестороннего стратегического партнерства и выводе сотрудничества на новый уровень.

Отношения между КНР и Киргизией оставались стабильными и дружественными в течение последних трёх десятилетий. Китай является крупнейшим торговым партнером Киргизии. Товарооборот между странами в 2022 г. превысил 4 млрд долл. В рамках ОПОП в Киргизии реализуются проекты в области восстановления дорожной и энергетической инфраструктуры, городского развития, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности.

31 августа 2017 года Китай и Таджикистан подписали совместное заявление о создании всеобъемлющего стратегического партнерства. Обе страны также едины в своей общей цели предотвращения роста числа террористических группировок в регионе. Таджикская сторона опасается нарушения стабильности в республике, Китай стремится не допустить, чтобы террористические организации укрывали уйгурских сепаратистов и активизировали террористическую деятельность в Синьцзян. Китай и Таджикистан, наряду с Афганистаном и Пакистаном, создали «Четырехсторонний механизм сотрудничества и координации в борьбе с терроризмом», а Китай выдвинул предложение о военных аванпостах для Таджикистана, чтобы охранять его южную границу с Афганистаном. По официальным данным таджикской стороны, объем китайских инвестиций в экономику республики за 2007–2021 годы составил 3,2 млрд долл., что составляет около трети от общего притока иностранных инвестиций за это время. Между двумя странами реализуется ряд инфраструктурных проектов в сфере транспорта, энергетики и промышленности. Китай вкладывает средства в Таджикистане в разработку полезных ископаемых (компания ТВЕА в золотодобычу в Согдийской области), в газотранспортную сеть (линия газопровода Центральная Азия–Китай), в электроэнергетику (ТЭЦ «Душанбе-2»). Таджикистан богат минеральными ресурсами, с более

чем 50 известными полезными ископаемыми и более чем 600 областями залежей, которые предстоит освоить. Китайские компании разрабатывают там месторождения золота, свинца и цинка.

Товарооборот между Туркменистаном и Китаем в 2022 г. превысил 11,181 млрд долл., что на 52% больше, чем в 2021 г. Туркменский экспорт составил большую часть товарооборота (более 10,31 млрд долл.). Основной составляющей туркменского экспорта в Китай является природный газ, поставляемый по трубопроводу, который проходит по территории Узбекистана и Казахстана. Участвует Туркменистан и в разрабатываемых Китаем транспортно-логистических проектах по железнодорожному коридору Казахстан–Туркменистан–Иран. Нарастить объемы экспорта в Китай Ашхабад надеется по завершении строительства железной дороги Туркменистан–Афганистан–Таджикистан (часть этой дороги достроена на территории Туркменистана еще в ноябре 2016 г.). Фактически Китай, во многом благодаря проложенному главным образом на его кредиты и открытому в 2009 г. газопроводу Центральная Азия–Китай, заменил в Туркмении Газпром, который раньше был основным покупателем туркменского газа.

Значение Азербайджана для китайского проекта ОПОП определяется его центральным положением в «среднем» или Транскаспийском транспортно-логистическом коридоре. В 2015 г. обе страны подписали «Меморандум о взаимопонимании по

совместному поощрению создания экономического пояса Шелкового пути». Самый короткий железнодорожный маршрут для доставки китайских грузов в Европу пролегает через Азербайджан. «Средний» коридор имеет ряд преимуществ перед другими трансконтинентальными коридорами с точки зрения существующей инфраструктуры и нынешней ситуации вокруг украинского конфликта. Бакинский грузовой терминал, порт Баку, современные грузовые суда на Каспийском море и железная дорога Баку–Тбилиси–Карс являются важной частью этого транспортно-логистического направления. Развивается также сотрудничество между Китаем и Азербайджаном в крупных проектах по разведке и добыче углеводородов, строительству промышленных парков, цифровой экологии, в аэрокосмической области. Китай оказывает помощь Азербайджану в таких проектах, как передача оборудования для мобильных электростанций, ирригационного оборудования для водных хозяйств и создание электронных баз данных.

Перспективы китайско-армянского сотрудничества, по мнению китайской стороны, зависят от скорейшего принятия Ереваном мер по либерализации торговли, созданию благоприятного инвестиционного климата, продвижению армянской продукции на китайский рынок. Важным фактором является также мирное урегулирование конфликта между Ереваном и Баку. Грузия играет все более важную роль как транзитная страна.

На Украинском направлении успешная реализация проекта ОПОП в самом начале столкнулась с проблемами, связанными с госпереворотом в Киеве в 2014 г. и его последствиями. Отношения сторон были омрачены также отказом украинской стороны (под давлением США) от передачи под контроль КНР фактически выкупленного китайской стороной концерна Мотор Сич в Запорожье.

Китайская активность в постсоветской Евразии обеспечивается в

том числе методами так называемой «мягкой силы» [6]. Речь идет прежде всего о формировании у местного населения привлекательного образа Китая как динамично развивающейся, дружественной, миролюбивой державы, способной самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику и успешно противостоять давлению извне. Решение этой задачи обеспечивается реализацией государственных программ сотрудничества в сфере культуры, науки, просвещения.

Список литературы

1. Крайнов Г.Н. История современной России (1990–2022 гг.). М.: ПЕРО. 2022. 226 с.
2. Малышева Д.Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 101–108.
3. Крайнов Г.Н. История России. Новейшее время (1990–2023). М.: КноРус, 2024. 231 с.
4. Крайнов Г.Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. № 1 (42). С. 47–54.
5. Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития / отв. ред. Э.Г. Соловьев. Москва: ИМЭМО РАН. 2024. 209 с.
6. Андреев И.А. «Мягкая сила» Китая и ее проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 90–106.
7. Панов А.И. Куда ведет нас глобализация? // Вестник МГОУ: Серия: История и политические науки. 2015. №3. С. 266–269.
8. Шишкин В.А. Проблемы развития военного самосознания России и Германии в XIX–XX веках: социально-философский и антропологический анализ. Монография. М.: Новые технологии. 2021. 608 с.

KRAINOV Grigory N. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian University of Transport (MIIT), email: krainovgn@mail.ru

PANOV Anatoly I. – Doctor of Political Sciences, Professor, Moscow Region State Pedagogical University, e-mail: ponchik.92@bk.ru

Keywords: post-Soviet space, geoeconomic projects, China, “One Belt, One Road” initiatives, “Silk Road Economic Belt” (SREB), “Maritime Silk Road of the 21st Century”

GEOECONOMIC PROJECTS OF CHINA IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract

The article analyzes the geo-economic activity of the People's Republic of China in the post-Soviet space in the context of the transformation of regional and global economic relations. The purpose of the study is to identify the key directions, instruments, and consequences of China's economic presence in the post-Soviet region, as well as to determine its systemic effects on regional development and the balance of power.

The methodological framework of the study is based on elements of geo-economic and comparative analysis, as well as the examination of selected country case studies. Based on an analysis of investment projects, trade and economic relations, and infrastructure initiatives, the article demonstrates that China's strategy in the region is differentiated and adapted to the economic and political conditions of specific states. It is shown that China's geo-economic expansion creates both opportunities for economic growth in host countries and risks associated with increasing external dependence and asymmetric economic relations.

The article concludes that China's activities in the post-Soviet space represent not merely a set of isolated projects, but a long-term strategy that shapes the regional economic architecture and influences the balance of interests among key actors.

References

1. Krainov G. N. The History of Modern Russia (1990–2022). Moscow: PERO, 2022. 226 p.

2. Malysheva D. B. Post-Soviet States of Central Asia in China's Policy. World Economy and International Relations. 2019. Vol. 63. № 5. Pp. 101–108.
3. Krainov G. N. The History of Russia. Contemporary Period (1990–2023). Moscow: KnoRus. 2024. 231 p.
4. Krainov G. N. The Evolution of the International Relations System and Its Features at the Present Stage. Scholarly Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series: Humanities and Social Sciences. 2015. №. 1 (42). Pp. 47–54.
5. Post-Soviet States at the Present Stage: Domestic Political Dynamics and the Search for Development Paths. Ed. by E. G. Solovyov. Moscow: IMEMO RAS. 2024. 209 p.
6. Andreev I. A. China's "Soft Power" and Its Projection onto the Post-Soviet Eurasian Space. Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 90–106.
7. Panov A. I. Where Is Globalization Leading Us? Bulletin of Moscow Region State University: Series «History and Political Sciences». 2015. №. 3, Pp. 266–269.
8. Shishkin V. A. Problems of the Development of Military Self-Consciousness in Russia and Germany in the 19th–20th Centuries: A Socio-Philosophical and Anthropological Analysis. Monograph. Moscow: Novye Tekhnologii. 2021. 608 p.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

Принята к публикации 17.01.2026 г.

Иван ДЖУЛЯК,
Алексей ШУЛИКОВ

МОЛОДЕЖЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ ДОНБАССА

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики формирования новой политической элиты в Донецкой Народной Республике (ДНР) через рекрутирование молодежи. Рассматриваются исторические и современные каналы интеграции от добровольческих формирований и общественных организаций («Молодая Республика») до институтов российской системы молодежной политики («Движение Первых», «Молодая Гвардия»).

Выявляются ключевые проблемы и предлагаются меры по совершенствованию механизмов обновления элиты для обеспечения устойчивой интеграции региона в политическое пространство России.

Введение

Формирование новой политической элиты на территории Донбасса является важным процессом ин-

теграции в политическое пространство России, а также одним из главных факторов стабильности и

ДЖУЛЯК Иван Петрович – доцент кафедры «Экономика и менеджмент» Камчатского государственного технического университета, полномочный представитель губернатора Камчатского края Правительства Камчатского края, Россия, Петропавловск-Камчатский, email: dzyliak@mail.ru, SPIN-код: 6326-7074, <https://orcid.org/0009-0007-6428-4283>

ШУЛИКОВ Алексей Олегович – кандидат политических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент» Камчатского государственного технического университета, Россия, Петропавловск-Камчатский, email: aoshulikov@yandex.ru, SPIN-код: 1679-8435, <https://orcid.org/0000-0002-9785-7128>

Ключевые слова: политическая элита, рекрутирование элит, молодежная политика, Донецкая Народная Республика (ДНР), интеграция, социально-политическая трансформация, молодежные организации

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_15

восстановления нормальной жизнедеятельности на освобожденных территориях.

Эффективно работать, заниматься восстановлением гражданской инфраструктуры и обеспечивать достойные условия для жизни людей в ситуации непрекращающегося военного конфликта является непростой задачей. Поэтому к тем, кто сегодня составляет политическую элиту на территории ДНР предъявляются серьезные требования. Умение работать в непростых условиях, в очень короткие сроки решать сложные задачи с ограниченными ресурсами, иногда с риском для жизни следует отнести к базовым компетенциям, которыми сегодня должны обладать те, кто претендует быть политической элитой в ДНР.

Именно поэтому представляется важным, как происходит циркуляция политических элит в регионе. Через какие каналы сегодня формируется элита ДНР и какова в этом процессе роль молодежи? Могут ли молодые люди составить сегодня основу для новой политической элиты Донбасса и как они это могут сделать?

Это лишь часть вопросов, рассматриваемых в статье.

Стоит отметить, что интеграция молодежи в политические элиты на территории субъектов Российской Федерации протекает неоднородно. В то же время на федеральном уровне мы видим большое количество молодых людей до 35 лет, занимающих различные высокие должности, как в представительных, так и в исполнительных органах власти. Если в целом в России циркуляция элит исследована на достаточно высоком уровне, то на Донбассе эта тема изучена мало.

Как продолжение существует проблема недостаточной изученности каналов и механизмов рекрутирования молодежи в формирующуюся политическую элиту Донбасса, а также ценностных ориентаций и политических установок данной группы.

В статье авторами предпринята попытка восполнить существующие пробелы. Таким образом, целью данной статьи, является рассмотреть, выявить и проанализировать специфику, каналы и потенциал формирования новой политической элиты Донбасса из числа молодежи.

Основные каналы рекрутирования молодежи в политическую элиту Донбасса

Важной характеристикой молодежи, как и всего населения Донбасса являются разные периоды его кооптации в интеграционные процессы с Россией в зависимости от территории расположения населенного пункта проживания.

Часть этих населенных пунктов с 2014 года находились в составе независимой Донецкой Народной Республики, со своей политической и государственной системой, и тесным сотрудничеством с Россией, а часть присое-

динилась начиная с февраля 2022 года по мере освобождения территории Донбасса в ходе Специальной военной операции и которые раньше являлись территорией Украины.

Сегодня жители населенных пунктов, которые раньше существовали в двух разных противоборствующих государствах нередко объединены в границах единых городских округов. При этом разница в их мышлении и уровни адаптации к российским реалиям остается.

Ярким примером описанной ситуации является городской округ Дебальцево, где нами была собрана часть эмпирической базы для данной статьи. На сегодняшний день в него входят сам г. Дебальцево, который находится в составе ДНР с 2015 года, а также другие населенные пункты в том числе г. Светлодарск и пгт. Миროновский, освобожденные в мае 2022 года. На протяжении длительного периода между этими населенными пунктами была линия разграничения с большим количеством вооруженных формирований с обеих сторон, и, по сути, для разных государств эти населенные пункты были прифронтовыми, что не могло не сказаться на проживающем в них население, в том числе молодежи.

Немаловажным является факт, что на территориях, которые находились под властью Украины до 2022 года на протяжении длительного периода начиная с 2014 года среди молодежи велась ак-

тивная антироссийская пропаганда. Также вели свою активную работу проамериканские НКО, которые оказывали гуманитарную помощь населению и проводили свои образовательные и просветительские мероприятия. В 2022 году у молодежи освобожденных населенных пунктов произошла резкая смена идеологического и политического курса, психологические последствия которого еще предстоит изучить.

До 2014 года на территории населенных пунктов, входящих в состав Донецкой области Украины, одним из основных каналов рекрутирования в политическую элиту, являлись крупные предприятия.

Молодежь после получения образования стремилась устроиться на работу на объекты энергетики, крупные промышленные или добывающие предприятия. Такая карьерная траектория позволяла обеспечить хороший заработок и при определенном развитии событий появлялась возможность быть продвинутым на политические позиции.

Конечно, в политическую элиту могли попасть и молодые люди, которые проявили выдающиеся достижения в спорте или других областях. Но это скорее носило точечный, несистемный характер и во многом отвечало на запросы общества в справедливости.

Политические партии также старались рекрутировать молодежь в свои ряды, но в большей степени для обеспечения в проведении раз-

личных политических акций. Они являлись во многом лишь инструментом в руках политической элиты, которая была достаточно неоднородна.

Помимо крупных предприятий, которые контролировались федеральным руководством Украины на территории Донбасса большое влияние имели региональные элиты. В нее входили помимо представителей власти, крупные местные предприниматели и общественные деятели. Нередко также эти элиты были переплетены и с криминальными структурами. Через создание и поддержку различных общественных организаций и движений региональные элиты продвигали свои интересы. В эту орбиту также вовлекалась и молодежь, которая имела шанс на политическое будущее при определенном опыте и лояльности. Ярким примером подобного рода элиты, являются элиты г. Енакиево, а после и всего Донбасса, которые оказали большое влияние на избрание на пост Президента Украины Виктора Януковича в 2010 году.

С началом военного конфликта в 2014 году на территории Донецкой Народной Республики в формировании элит произошли существенные изменения. Одним из главных каналов для их рекрутирования становятся добровольческие отряды, которые с оружием в руках встали на защиту Донбасса от «киевской военной агрессии».

Молодые люди, которые достойно проявили себя в боевых действиях, стали активно присутствовать в политическом поле. Боевой опыт имел огромное значение для интеграции в политическую элиту того времени. Этот период подарил большое количество значимых политических фигур, многие из которых в достаточно молодом возрасте стали настоящими Героями Донбасса. Они стали примером для молодежи в этот период и оказали большое влияние на подрастающее поколение.

В этот период главной политической силой на территории ДНР становится общественное движение «Донецкая Республика», которую возглавил Александр Захарченко. В разные периоды движение насчитывало до 200 тысяч человек. Именно это движение победило на всеобщих выборах депутатов Народного совета ДНР 2 ноября 2014 года, получив 68 мест из 100¹.

После гибели А. Захарченко в августе 2018 года произошла трансформация политической элиты. В этом контуре помимо героев ополченцев все больше появляется аппаратчиков и лидеров, которые занимались администрированием политических процессов.

Общественная организация «Молодая Республика», которая стала молодежным крылом движения «Донецкая Республика» становится главным каналом по-

¹ Общественное движение «Донецкая республика» // РИА новости // <https://ria.ru/20141103/1031547404.html> (дата обращения: 27.12.2025).

падения молодежи в политическую элиту Донбасса. Об этом можно утверждать, исходя из карьерных траекторий лидеров указанной организации. Кирилл Макаров, возглавлявший организацию с 2019 года, 6 октября 2022 года стал министром молодежной политики ДНР, а 17 сентября 2025 года указом Главы ДНР назначен на должность заместителем Председателя Правительства Республики².

Таким образом Кирилл Макаров в 29 лет стал самым молодым зампредом регионального правительства в России. Новым министром молодежи в этот же день был назначен Денис Шимановский, который также свой полити-

ческий путь начал в «Молодой Республике»³.

Организация «Молодая Республика», молодежное крыло «Оплота Донбасса», представляло собой сеть студенческих профсоюзных организаций и военно-патриотических клубов, которые до 2022 года, предоставляли возможности для деятельности политически активной молодежи в Донецкой Народной Республике⁴.

Такое положение дел в целом соответствует общему подходу, когда именно общественные организации политической и неполитической направленности становятся основными каналами рекрутирования политической элиты территории [1].

Молодежная политика в ДНР после 2022 года

В 2022 году после вхождения Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации начинается активный комплексный системный процесс встраивания в единую российскую систему работы с молодежью. Во всех школах, помимо перехода на российские образовательные стандарты, развивается деятельность Россий-

ского движения детей и молодежи «Движения Первых».

Школьникам и молодежи предлагается большой выбор мероприятий и проектов, в которых они могут принять участие, проявить себя и реализовать свой потенциал. Большой упор делается на патриотическое воспитание и добровольчество. Как и в целом по всей стране добро-

² Дмитриева И. Новый этап в карьере: Кирилл Макаров назначен вице-премьером ДНР // Комсомольская правда // <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27752/5143634/> (дата обращения: 27.12.2025).

³ Гуцин В. Денис Пушилин назначил исполняющего обязанности министра молодежной политики ДНР // Комсомольская правда // <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/6575808/> (дата обращения: 27.12.2025).

⁴ Филин О. Как живет Донецк: политические движения и организации // RUBALTIC RU // <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/14012018-kak-zhivet-donetsk-obshchestvenno-politicheskie-dvizheniya-i-organizatsii/> (дата обращения: 27.12.2025).

вольчество является самым распространенным видом социальной активности молодежи [2].

Через добровольчество многие молодые люди получают первый опыт решений общественно-значимых задач. В дальнейшем часть добровольцев при должной мотивации включается в деятельность крупных общественных организаций, а некоторые переходят и в различные политические движения.

Свой вклад в патриотической работе со школьниками вносят регионы-шефы, закрепленные за населенными пунктами Донбасса и призванные оказывать всестороннюю поддержку в создании нормальных условий жизнедеятельности населения на освобожденных территориях.

Закрепленные субъекты РФ организуют летний отдых школьников из ДНР в оздоровительных лагерях, восстанавливают школы и прилегающую инфраструктуру, организуют мероприятия патриотической направленности как на территории населенных пунктов ДНР, так и на территории своего региона, с привлечением молодежи подшефных территорий. Регионы-шефы своей деятельности решают важную задачу: дают почувствовать молодежи, что они являются частью большой и сильной страны.

29 сентября 2022 года создается Министерство молодежной политики Донецкой Народной Республики.

Начинается процесс разворачивания проектов Росмолодежи. Молодежи становится доступна вся линейка проектов агентства, включая грантовые конкурсы и участие в форумной кампании. Работа с молодежью «новых территорий» является для всех федеральных структур безусловным приоритетом. Главная задача – вовлечь в молодежную политику, как можно больше молодежи. Параллельно этому все крупные российские молодежные общественные организации открывают свои региональные отделения на Донбассе с вовлечением молодежи в свои ряды. Во многом эта работа строится на базе общественной организации «Молодая Республика»⁵.

В этот период для молодежи Донбасса открывается больше возможностей для приложения своих сил, разнообразие проектов и организаций, где можно проявить себя и в перспективе войти в политическую элиту страны. Поддержка со стороны федерального центра становится все более значимой. Участие в деятельности всероссийских общественных организаций, образовательных проектах и форумах становится одним из главных критериев в построении успешной карьерной траектории молодежи Донбасса в политической деятельности.

Молодежные крылья политических партий, некоммерческие орга-

⁵ Подарова В. В ДНР открыты представительства семи российских общественных движений на базе «Молодой Республики» // Комсомольская правда // <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/5087094/> (дата обращения: 27.12.2025).

низации, молодежные парламенты и всероссийские проекты неополитической направленности становятся главными каналами для рекрутирования молодежи в политическую элиту Донбасса [3].

После того, как большинство участников общественного движения «Донецкая Республика» стали членами правящей партии «Единая Россия», ее молодежное крыло «Молодая Республика» перешло в большей степени во всероссийскую общественную организацию «Молодая Гвардия Единой России».

Сегодня обе эти организации на уровне ДНР возглавляет Сергей Добровольский, который 16 ноября 2025 года на заседании координационного совета МГЕР в Москве был избран заместителем руководителя всей всероссийской организации, что говорит об особом внимании деятельности регионального отделения⁶.

Сегодня «Молодая Гвардия» на территории ДНР реализует большую линейку проектов различной направленности. В основном они носят добровольческий характер, связанный с помощью местным жителям и гуманитарными миссиями. Также одним из самых известных можно считать проект «Волонтерская Рота», реализуемый совместно с «Боевым братством».

«Молодежка ОНФ» также ведет свою активную работу на терри-

тории Республики. Активисты движения доставляют гуманитарную помощь жителям, а также военнослужащим в населенные пункты, близкие к линии боевого соприкосновения. Бойцы «Российских студенческих отрядов» со всей России активно включены в восстановление и строительство различных объектов на территории Республики. В свою очередь бойцы регионального отделения принимают активное участие в работе на объектах в других субъектах РФ.

Все эти примеры наглядно показывают, что у молодежи субъектов РФ есть большое количество возможностей внести свой вклад в восстановление и помощь жителям Донбасса. В свою очередь у молодежи Донбасса появилась возможность участвовать в проектах и учиться на территории всей России, обмениваясь опытом и перенимая лучшие практики в стране. Все это создает единую молодежную среду с общими ценностями и видением будущего России.

Также необходимо отметить, что в процессе этой работы молодые лидеры ДНР из региональной элиты, по сути, входят в общенациональную молодежную элиту регионального уровня, что значительно ускоряет процесс интеграции новых территорий в общее политическое пространство России.

⁶ Гуцин В. Глава «Молодой Гвардии» ДНР получил повышение на федеральном уровне // Комсомольская правда // <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/6682290/> (дата обращения: 24.12.2025).

Молодежь Донбасса как социально-политический актор

По данным из открытых источников на 1 ноября 2025 года молодежи от 18 до 29 лет на территории Донбасса насчитывается 254 574 чел., что составляет 12% от общей численности всего населения и около 22–25% трудоспособного населения Республики⁷. Молодежь Донбасса обладает большим политическим ресурсом, который важно включить в процессы выстраивания новой жизни региона. Однако эффективность проводимой политики в отношении молодежи Донецкой Народной Республики еще предстоит оценить.

Наряду с широким вовлечением школьников в различные программы, охват мероприятиями молодежной политики и деятельностью молодежных общественных организаций студенческой и работающей молодежи оценить сложно. Отдельные лидеры из числа молодежи Донбасса действительно вошли в политическую элиту региона, но на наш взгляд этого недостаточно для качественного изменения молодежной среды в ДНР.

В отдельных случаях можно наблюдать ситуацию, которая складывалась в регионах России в 2008–2012 годах, когда одни и те же активные молодые люди входили сразу в несколько молодежных организаций, пользующихся наиболь-

шей поддержкой власти в регионе. Из-за этого количество молодежи, активно участвующих в деятельности молодежных организаций часто дублируется, что искажает реальную картину охвата молодежи.

В этой ситуации необходимо создавать больше каналов, через которые у молодежи будет иметь возможность попасть в политическую элиту Донбасса.

Шансы интеграции в правящий класс заметно повышаются, например в результате профессиональной деятельности в государственном аппарате или службе в вооруженных силах и силовых структурах. Партийная принадлежность к лидирующей партии, деятельность в технологических структурах или наличие профессиональных компетенций в сфере цифровых технологий могут также стать важным шагом в карьерной траектории [4].

Особое внимание стоит уделить реализации образовательных и кадровых проектов. Молодежь со школы необходимо учить решать насущные проблемы своих населенных пунктов, объединять вокруг этого людей и учиться искать под это ресурсы.

Студенческая молодежь уже сейчас может пользоваться системой грантовой поддержки на реализацию своих проектов. Образователь-

⁷ Население Донецкой Народной Республики // BDEX // https://bdex.ru/naselenie/doneckaya-narodnaya-respublika/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 23.12.2025).

ные проекты и кадровые конкурсы обязательно должны учитывать специфику Донбасса, а также степень интеграции молодежи в российский общественно-политическое пространство.

Для примера, с 2000-х в РФ молодежная среда прошла несколько стадий своего развития. И сегодня сама молодежная политика соответствует определенному уровню развития молодежной среды. На новых территориях молодежная среда развивалась схожим, но не тем же путем, поэтому многие программы и проекты необходимо адаптировать под существующую молодежную среду при их реализации.

В идеале необходимо выстроить свою систему формирования молодых политических лидеров на Донбассе [5].

В нее можно включить лучшие практики, которые уже наработаны за последние 10 лет, в число которых входит конкурс «Лидеры России». Именно лидеры в достаточном количестве могут качественно изменить молодежную среду.

Также вызывают настороженность некоторые ценностные ориентации и политические установки молодежи. Проведенные исследования среди жителей ДНР и ЛНР показывают достаточно большой разрыв между молодым и старшим поколением. Так, к примеру, приоритетной ценностью для себя считают служение Отечеству и ответственность за его судьбу лишь 14,9 % молодежи и вдвое больше лиц старших возрастных групп (30,3 %). И еще более примечатель-

но, что 11,3 % людей в возрасте до 19 лет видят себя через 5 лет за рубежом, а среди респондентов старшего поколения таких нет. При этом 41,6 % опрошенной молодежи предпочитают остаться в своем населенном пункте против 96,6 % людей пожилого возраста.

Исследователи подчеркивают, что молодые люди подвержены наибольшим рискам в процессе реинтеграции и ресоциализации новых регионов. Они испытывающие сложности переходного периода и ориентированные на личное благополучие и комфорт как главные жизненные ценности. Также именно молодые люди в большей степени уязвимы перед внешним информационным давлением [6].

Все эти особенности нужно учитывать при создании стратегии развития Донбасса на ближайшие 10 лет. Формирование уникального образа будущего Донбасса с интересными большими проектами развития могут стать основой для изменения миграционных настроений молодежи, сформировать у них устойчивое желание жить и строить свою карьеру на территории ДНР.

В процессе выстраивания механизмов обновления политической элиты из числа молодежи необходимо также учитывать, что для молодежи в России в целом сегодня не модно заниматься политикой и поддерживать власть. Публичным политическим активизмом занимается небольшая группа молодых людей. Это не значит, что остальные не интересуются политикой. Скорее многих молодых людей не

совсем устраивает форма его проявления, которая заключается в участии в субботниках, достаточно

формальных политических акциях и фотоотчетах с лидерами общественного мнения [7].

Заключение

Модель взращивания политического лидера из числа молодежи на территории Донецкой Народной Республики универсальна.

В школе молодые люди получают первый опыт социально-значимой деятельности. Во время обучения в ВУЗе или колледже этот опыт получает развитие при участии в деятельности политических партий, избирательных кампаниях и выборах, а также участии в движениях и организациях неполитической направленности. Наиболее активные молодые люди попадают в руководство таких организаций и при получении определенного опыта встраиваются в действующие политические элиты региона.

Для совершенствования механизмов рекрутирования молодежи в политическую элиту Донбасса необходимо реализовать ряд мероприятий.

Во-первых, необходимо расширить количество каналов рекрутирования молодежи в политическую элиту. Основной в этом направлении могут стать новые образовательные и кадровые проекты для молодежи ДНР, а также расширение

направлений деятельности действующих на территории организаций политической и неполитической направленности.

Во-вторых, нужно продолжить разворачивание всей экосистемы поддержки молодежи, включая соответствующую инфраструктуру и грантовые конкурсы различной направленности.

В-третьих, необходимо создание привлекательного образа будущего Донбасса. Развита инфраструктура для работы и жизни, а также крупные экономические проекты могут привлечь внимание не только молодежи Донбасса, но и молодежь других субъектов РФ.

У молодежи ДНР большой потенциал. Молодые люди могут стать основой для новой политической элиты Донбасса на ближайшие 20 лет, а также стать частью общенациональной элиты регионального уровня. Важно создать для этого необходимые условия, а также проявлять гибкость в подходах с учетом действующей и исторической специфики Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Столбинская А. С. Основные каналы рекрутации молодежи в политические элиты современного российского общества // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 60–64.

2. Калинин В.С. Динамика структуры социальной активности российской молодежи в 2022–2024 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 173–182.
3. Палитай И.С., Девочкина А.С. Государственная молодежная политика в системе рекрутирования политических лидеров // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. No 103. С. 126–136.
4. Козенюк В. В. Трансформация механизмов рекрутирования политико-административной элиты в современной России: вызовы и угрозы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 181–190.
5. Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77.
6. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ДНР: результаты социологического исследования в 2023 году // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т.18. № 6. С. 88–102.
7. Токарев А. А. Массовое сознание российской молодежи: образ будущего. Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 154–169.

DZHULYAK Ivan P. –Associate Professor of the Department “Economics and Management” Kamchatka State Technical University, Plenipotentiary Representative of the Governor of the Kamchatka Territory, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky, email dzyliak@mail.ru

SHULIKOV Aleksey O. –Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department “Economics and Management” Kamchatka State Technical University, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky, email aoshulikov@yandex.ru

Keywords: Political elite, elite recruitment, youth policy, Donetsk People's Republic (DPR), integration, socio-political transformation, youth organizations

YOUTH AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE DONBASS ELITE

Abstract

The article is devoted to the analysis of the specifics of the formation of a new political elite in the Donetsk People's Republic (DPR) through the recruitment of young people. The historical and modern channels of integration from volunteer formations and public organizations (the “Young Republic”) to the institutions of the Russian youth policy system (the “Movement of the First”, the “Young Guard”) are considered. The key problems are identified and measures are proposed to improve the mechanisms of elite renewal to ensure sustainable integration of the region into the political space of Russia.

References

1. Stolbinskaia, A. S. Main Channels of Youth Recruitment into the Political Elites of Modern Russian Society // *Razvitie territorii*. 2024. No. 3. Pp. 60–64.
2. Kalinich, V. S. Dynamics of the Structure of Social Activity of Russian Youth in 2022–2024 // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*. 2024. No. 82. Pp. 173–182.

3. Palitai, I. S., Devochkina, A. S. State Youth Policy in the System of Recruitment of Political Leaders // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2024. No. 103. Pp. 126–136.
4. Kozeniuk, V. V. Transformation of Recruitment Mechanisms for the Political-Administrative Elite in Modern Russia: Challenges and Threats // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2025. No. 2. Pp. 181–190.
5. Palitai, I. S., Popova, S. Yu., Selezneva, A. V. Recruitment of Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. No. 455. Pp. 68–77.
6. Brodovskaia, E. V., Dombrovskaia, A. Yu. Value Orientations and Political Attitudes of Residents of the LPR and DPR: Results of a Sociological Study in 2023 // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2023. Vol. 18. No. 6. Pp. 88–102.
7. Tokarev, A. A. Mass Consciousness of Russian Youth: The Image of the Future // Polis. Politicheskie issledovaniia. 2024. No. 6. Pp. 154–169.

Статья поступила в редакцию 31.12.2025 г.

Принята к публикации 16.01.2026 г.

ОТНОШЕНИЯ БЕЛАРУСИ И НАТО В 2010 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-Х ГГ.: ОТ ПАРТНЕРСТВА К КОНФРОНТАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена изучению отношений Республики Беларусь и НАТО в контексте меняющейся региональной ситуации в Европе. На основе актуальных данных автор выделил ряд ключевых факторов, влияющих на взаимодействие Беларуси и Североатлантического альянса в рассматриваемый период. Показаны основные направления сотрудничества и имеющиеся у сторон противоречия. Сделан вывод о стремлении Минска в целях обеспечения европейской безопасности развивать сотрудничество с НАТО на взаимоприемлемых условиях.

Введение

Отношения Беларуси и Организации Североатлантического договора начались в начале 1990-х гг. после того, как республика вышла на международную арену в качестве самостоятельного игрока. За прошедшие три десятилетия в истории взаимодействия сторон

имели место и сотрудничество, и противоречия. При этом Минск всегда подчеркивал стремление к расширению конструктивных, взаимовыгодных отношений с НАТО. Однако Брюссель обуславливал партнерство с Беларусью демократизацией страны, соблюдением

КОСОВ Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, Республика Беларусь, Витебск, email: interrel21@yandex.ru, SPIN-код: 8293-5947

Ключевые слова: Республика Беларусь, НАТО, отношения Беларусь – НАТО, Индивидуальная программа партнерства и сотрудничества, ПАРП, программа «Партнерство ради мира», сотрудничество, конфронтация

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_28

прав человека и внешнеполитической ориентацией на Запад, что вело к усилению напряженности между сторонами. В отличие от Украины, Грузии и некоторых других постсоветских стран Республика Беларусь никогда не стремилась в состав НАТО. Главным для Минска всегда было обеспечение национальной безопасности за счет развития конструктивных отношений с альянсом.

Цель исследования – выявить сущность взаимодействия Беларуси и НАТО в условиях трансформации европейской системы безопасности в 2010–2025 гг.

На наш взгляд, в белорусско-натовских отношениях можно выделить следующие периоды: 2010–2014 гг., когда сотрудничество осуществлялось в условиях охлаждения отношений Беларуси и Запада; 2014–2020 гг., ознаменовавшиеся интенсификацией взаимодействия сторон в связи с улучшением общей атмосферы отношений Беларуси и

Запада; 2020 г. – по настоящее время, характеризующийся конфронтационным состоянием.

В Беларуси основная роль в процессе осуществления отношений с НАТО принадлежат Секретариату Совета безопасности Республики Беларусь, Министерству иностранных дел Республики Беларусь и Министерству обороны Республики Беларусь. В Североатлантическом альянсе основными органами, ответственными за реализацию взаимодействия с государствами, не входящими в блок, являются Политический комитет и Международный секретариат. Кроме того, существуют такие формы сотрудничества как контактное посольство на базе посольства государства-члена НАТО в стране-партнере, Индивидуальная программа партнерства и сотрудничества (ИППС) в рамках натовской программы «Партнерство ради мира» (ПРМ), Процесс планирования и анализа (ПАП) [1, с. 53].

Отношения Беларуси и НАТО в 2010–2014 гг.

В целом 2010 г. оказался знаковым для дальнейшего развития отношений Беларуси и НАТО. В частности, в Беларуси была принята новая Концепция национальной безопасности, в которой в интересах укрепления безопасности в Европе обозначалось намерение сотрудни-

чать с НАТО на равноправной основе. При этом в ней отмечались и потенциальные опасности для страны, исходящие от альянса¹.

В ноябре 2010 г. на саммите альянса в Лиссабоне приняли новую Стратегическую концепцию НАТО, где утверждалось, что «Се-

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Указ Президента Респ. Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p=31000575> (дата обращения: 18.04.2025).

роатлантический союз не рассматривает никакую страну в качестве своего противника. Тем не менее, ни у кого не должно быть сомнений в решимости НАТО в том случае, если возникнет угроза кому-либо из ее членов»². Тем самым принятие новой стратегии открыло новую страницу в отношениях альянса с другими государствами, включая Беларусь. Однако многие ее положения так и остались лишь декларацией о намерениях.

Среди приоритетных направлений прагматичного сотрудничества Беларуси и НАТО были следующие: транзит грузов через белорусскую территорию грузов для нужд Международных сил содействия безопасности в Афганистане; противодействие вызовам и угрозам трансграничного характера; предотвращение и ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; борьба с терроризмом, наркотрафиком, нелегальной миграцией и торговлей людьми; противодействие транснациональной организованной преступности. Как подчеркивал министр иностранных дел Республики Беларусь С. Мартынов, взаимодействие сторон – важный шаг на пути достижения стратегической цели – предотвращения создания новых разделительных линий в Европе и дальнейшей интеграции Республики Беларусь в

общеевропейскую структуру безопасности» [2, с. 15].

Взаимодействие сторон осуществлялось в двух плоскостях: военной и гражданской. Основной объем сотрудничества Беларуси с НАТО был сосредоточен в рамках Индивидуальной программы партнерства и сотрудничества. Республика получила доступ к широкому спектру образовательных и учебных программ, предлагаемых учреждениями альянса, и к курсам, организованным союзниками и партнерами. В рамках ИППС белорусские военнослужащие посещали различные курсы и программы в странах НАТО³. Например, ИППС на 2010–2011 гг. предусматривала развитие сотрудничества с альянсом в 24 областях. Приоритетными для Минска сферами сотрудничества являлись: консультации, командование и управление; оборонная политика и стратегия; концепция, планирование и оперативные вопросы проведения миротворческих операций; военное образование, подготовка и доктрина; чрезвычайное гражданское планирование; языковая подготовка [3, с. 37].

С целью повышения прозрачности и содействия стране в развитии потенциала и оперативной совместимости для осуществления международных операций по поддержанию мира Беларусь участвовала в ПАРП. НАТО помогло установить

² Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 18.04.2025).

³ Relations with Belarus // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49119.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.08.2025).

плановые показатели, которые позволили республике развить часть своих сил и средств для потенциального участия в мероприятиях программы «Партнерство ради мира», включая операции ПРМ под руководством альянса⁴.

В 2013–2014 гг. по инициативе белорусской стороны в брюссельской штаб-квартире альянса были организованы и проведены мероприятия по реагированию на чрезвычайные ситуации в ходе проведения спортивных мероприятий [4, с. 44]. Это объяснялось проведением в 2014 г. в Минске чемпионата мира по хоккею, где требовалось обеспечить надлежащую безопасность.

Положительной динамикой характеризовалось сотрудничество Беларуси с Организацией Североатлантического договора в области науки и технологий в рамках программы «Наука ради мира и безопасности» (ПНМБ), в которой Минск участвовал с 1992 г.⁵ Одним из его результатов стало открытие в начале декабря 2011 г. при финансовой поддержке альянса первой в стране автоматической станции гидрометеорологического мониторинга⁶.

Беларусь и НАТО активно реализовывали ряд инновационных проектов в сфере коммуникаций и информационных технологий. По-

скольку после президентских выборов в Республике Беларусь, состоявшихся в декабре 2010 г., альянс придерживался общей линии Запада на ограничение контактов с белорусским руководством, натовцы проявляли определенный интерес к развитию сотрудничества на неправительственном уровне, прежде всего в сфере информации. Различные мероприятия с участием журналистов и экспертов проводились с помощью Контактного посольства НАТО Департаментом общественной дипломатии Международного секретариата НАТО на ежегодной основе с целью развития гражданской составляющей сотрудничества между НАТО и странами – членами Совета Евроатлантического партнерства [5]. Тем самым альянс стремился создать в общественных и экспертных кругах данных государств, включая Беларусь, широкий слой лиц прозападной ориентации.

Для НАТО Республика Беларусь представляла интерес с точки зрения логистики для переброски грузов в Афганистан. В результате в 2010 г. стороны заключили соглашение о железнодорожном транзите невоенных грузов в Афганистан в рамках операции Международных сил содействия и безопасности. В 2013 г. было заключено дополнительное соглашение, рас-

⁴ Там же.

⁵ Об участии заместителя Министра иностранных дел А. Дашкюнаса в открытии информационного дня НАТО и встрече с заместителем Генерального секретаря НАТО // https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b14224ef64e97089.html (дата обращения: 13.08.2025).

⁶ НАТО помогает Беларуси и Украине справляться с рисками паводков // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_81242.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 13.08.2025).

ширяющее условия предыдущих договоренностей о транзите [6].

Таким образом, в указанные годы Беларусь и НАТО демонстрировали стремление к взаимовыгодному партнерству при наличии

ряда проблем. Углубление отношений с альянсом сдерживалось институциональными и идеологическими барьерами, включая западную критику политического режима в Республике Беларусь.

Развитие сотрудничества Беларуси и НАТО в 2014–2020 гг.

Минск стремился к расширению конструктивного диалога с Организацией Североатлантического договора на основе доверия, равенства и взаимного уважения. Однако дальнейшему развитию сотрудничества с НАТО мешал ряд противоречий военно-политического характера. Существенное влияние на взаимоотношения оказал украинский кризис. Занятая белорусским руководством позиция привела к активизации контактов с альянсом. Позиционирование Беларуси себя в качестве донора региональной безопасности вызвало одобрение Запада. Нейтралитет в украинском конфликте, предоставление переговорной площадки в Минске, а также возросшая геостратегическая значимость Беларуси подтолкнули НАТО к пересмотру политики в отношении страны. В результате с 2015 по 2020 г. между сторонами состоялось 4 раунда консультаций

по мерам укрепления доверия и безопасности [1, с. 52]. Взаимодействуя с Беларусью, Запад допускал потенциальную возможность создания из нее одного из оплотов против российского неоимпериализма. В частности, именно так себе представлял ситуацию бывший помощник госсекретаря У. Митчелл в октябре 2018 г.⁷

Белорусская сторона подчеркивала, что НАТО – это не только военная организация. В принятой в 2016 г. Военной доктрине Республики Беларусь в качестве потенциальной опасности признавалось «расширение военно-политических союзов, в которые не входит Республика Беларусь». Однако прямо НАТО не признавалась угрозой для страны⁸. Как отмечал первый заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь А.Ю. Михневич, сферы деятельности альянса гораздо шире. Поэтому Минск рассчитывал именно на сотрудничество, включая финан-

⁷ Howard G.E. The Growing Importance of Belarus on NATO's Baltic Flank / The Jamestown Foundation. Washington. 2019. С. 28 // <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2019/09/Howard-Why-Belarus-Matters-web.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

⁸ Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-З // https://www.pravo.by/upload/docs/op/h11600412_1469480400.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

совую помощь, в сфере борьбы с терроризмом, контрабандой, торговлей людьми и т.д.⁹

Именно подобного курса в отношении Североатлантического альянса белорусское руководство придерживалось в последующие годы, о чем свидетельствуют неоднократные заявления официальных лиц. Так, 10 декабря 2018 г. состоялась встреча заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь А.В. Дапкюнаса с директором Центра по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению оружия массового уничтожения международного секретариата НАТО У. Альберком, в ходе которой белорусский дипломат разъяснил приросту обеспокоенности Минска ростом напряженности и усиления в мире атмосферы взаимного подозрения и враждебности. Поэтому необходимо продолжать работать над укреплением уровня доверия и сотрудничества в области международной безопасности¹⁰.

В марте 2019 г. на совещании по вопросам участия в интеграционных структурах и сотрудничества с европейскими организациями

А.Г. Лукашенко отметил, что Беларуси не нужны новые разделительные линии в Европе. Поэтому, по словам белорусского президента, «следует налаживать взаимоуважительные отношения с НАТО, которые в конечном итоге укрепляли бы безопасность нашей страны. Мы с ними должны разговаривать. Мы не должны на них смотреть, как на врагов»¹¹. Подобную мысль выразил в ноябре 2019 г. и глава белорусского внешнеполитического ведомства В.В. Макей, заявивший, что Беларусь не рассматривает действия НАТО как прямую военную угрозу. К слову, аналогичное заявление сделал и генсек НАТО Й. Столтенберг, отметив, что альянс стремится к более тесному сотрудничеству с Минском. По его словам, отношения с Беларусью «основаны на общем интересе и открытом диалоге» и их стоит развивать¹².

16 октября 2019 г. в Минске впервые прошел Информационный день НАТО, организованный в рамках натовской программы «Наука ради мира и безопасности» [4, с. 44]. Для участия в мероприятии в белорусскую столицу прибыл заместитель генсека Североатлан-

⁹ Интервью Первого заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь Александра Михневича программе «Картина мира» (19 июня 2016 г., г. Минск) // <https://mfa.gov.by/press/smi/e0003b955015d1ca.html> (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁰ О встрече заместителя Министра иностранных дел Беларуси А. Дапкюнаса с директором Центра по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению оружия массового уничтожения международного секретариата НАТО. 10 декабря 2018 г. // https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e1a1cab059ad8a31.html (дата обращения: 13.08.2025).

¹¹ Лукашенко выступает за налаживание взаимоуважительных отношений с НАТО // <https://belta.by/president/view/lukashenko-vystupaet-za-nalazhivanie-vzaimouvazhitelnyh-otnoshenij-s-nato-338920-2019/> (дата обращения: 13.08.2025).

¹² Не забыть про Россию: Белоруссия готова к учениям с НАТО // <https://www.gazeta.ru/army/2019/12/11/12858674.shtml> (дата обращения: 22.06.2025).

тического альянса А. Миссироли, который призвал Беларусь активнее участвовать в партнерских мероприятиях НАТО. В свою очередь, А.В. Дапкюнас подчеркнул готовность Минска к конструктивному диалогу и взаимодействию с блоком на основе взаимного уважения и равенства [1, р. 51]. Например, в рамках достигнутых между сторонами договоренностей в марте 2020 г. на полигоне под Витебском прошли совместные учения подразделения командос британской морской пехоты и миротворческой

роты белорусских десантников [7, р. 3–4].

На фоне углубления противоречий с Россией Запад рассчитывал на поступательное вовлечение Беларуси в орбиту собственного влияния. Как отметила в феврале 2020 г. постпред США при альянсе К.Б. Хатчисон, Вашингтон и Брюссель намерены активно работать с белорусскими властями¹³.

В целом можно отметить, что до августа 2020 г. наблюдалось усиление взаимодействия Беларуси и НАТО по многим направлениям.

Беларусь и НАТО в условиях конфронтации (2020–2025 гг.)

Реакция Запада на результаты президентских выборов в Беларуси, состоявшихся в августе 2020 г., привела к кардинальному изменению белорусско-натовских отношений. Руководство альянса осудило действия «режима Лукашенко» против оппозиции. В результате атмосфера взаимодействия стала ухудшаться. Инцидент с рейсом Ryanair в мае 2021 г. еще больше осложнил отношения Беларуси и НАТО¹⁴. На Брюссельском саммите 14 июня 2021 г. было заявлено, что действия белорусских властей на-

рушают принципы, лежащие в основе партнерства между Североатлантическим альянсом и Беларусью¹⁵. А уже в ноябре 2021 г. генсек организации Й. Столтенберг обвинил Минск в создании кризиса с мигрантами на границах с Польшей, Литвой и Латвией¹⁶. Поскольку руководство Беларуси не поддастся политико-дипломатическому и финансово-экономическому давлению Запада, 19 ноября 2021 г. НАТО приостановила практическое сотрудничество с республикой, поддерживая при этом диалог по

¹³ Постпред США: Вашингтон поддерживает Минск в развитии отношений с НАТО // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7734629> (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁴ Relations with Belarus // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49119.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Заявление Североатлантического совета о ситуации на польско-белорусской границе // https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_188529.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 13.08.2025).

мере необходимости¹⁷. Одновременно натовцы активизировали действия военного характера, которые были крайне негативно восприняты в Минске. Так, 23 ноября 2021 г. начальник Генштаба Вооруженных сил Республики Беларусь генерал В.В. Гулевич подчеркнул, что агрессивное поведение Украины и действия натовских стран формируют вокруг страны пояс недружественных государств¹⁸.

Таким образом, как справедливо отметил Ю.В. Баранчик, до 24 февраля 2022 г. отношения Беларуси с НАТО осложнялись вмешательством Запада во внутреннюю политику Республики Беларусь на стороне политических противников А.Г. Лукашенко [4, с. 48].

После начала Россией специальной военной операции на Украине Минск был обвинен руководством альянса в «соучастии в агрессии», поскольку белорусские власти предоставили россиянам территорию и инфраструктуру страны¹⁹. Но даже в условиях конфронтации с Западом Беларусь не спешила отказываться от взаимодействия с НАТО по отдельным направлениям. Так, по

словам начальника департамента международного военного сотрудничества Минобороны Республики Беларусь В.А. Ревенко, «находясь в эпицентре событий в Европе, находясь в таком важном геостратегическом положении, которое занимает Республика Беларусь, конечно, надо думать об установлении взаимовыгодных отношений, в том числе и со странами – членами блока НАТО. Это позволяет говорить нам о том, что мы с вами [НАТО] сотрудничаем, вот наши интересы, но давайте исходить из того, что Российская Федерация наш стратегический союзник. Если вас устраивает данный тезис, данное положение, то давайте продолжать нашу работу»²⁰. По мнению белорусской стороны, укрепление региональной безопасности должно осуществляться «не за счет наращивания военного потенциала НАТО, а посредством двусторонних и многосторонних механизмов контроля над вооружениями и мер укрепления доверия, а также через равноправный и взаимоважительный диалог, направленный на устранение разногласий, снижение рисков и предотвраще-

¹⁷ Relations with Belarus // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49119.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁸ Ситуация накаляется: НАТО свернуло сотрудничество с Белоруссией // <https://easaily.com/ru/news/2021/11/23/situaciya-nakalyaetsya-nato-svernulo-sotrudnichestvo-s-belorussiey> (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁹ Relations with Belarus // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49119.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.08.2025).

²⁰ Белоруссия выразила готовность сотрудничать с НАТО с учетом стратегических отношений с РФ // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15441159?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 13.08.2025).

ние роста конфронтации в военной сфере»²¹.

Однако реалии складывались таким образом, что Беларусь и НАТО продолжали обвинять друг друга в нагнетании напряженности, воспринимая шаги противоположной стороны в качестве враждебных акций. Так, наращивание альянсом военных усилий вблизи белорусских границ вынудили А.Г. Лукашенко в октябре 2022 г. принять решение о формировании региональной группировки войск, включающей подразделение белорусской и российской армий [7, р. 5]. В подобном ключе следует рассматривать и последовавшее размещение в Беларуси российского тактического ядерного оружия²². В свою очередь, натовцы всю вину за дестабилизацию региональной обстановки возлагали на Москву и Минск и призывали «Беларусь прекратить свою злонамеренную деятельность против своих соседей, уважать права человека и ос-

новные свободы, а также соблюдать международное право»²³.

Учитывая складывавшиеся обстоятельства и вытекающие из них озабоченности и риски для национальной безопасности, Минск вынуждено предпринимает ответные действия по минимизации имеющихся угроз. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной в 2024 г., прямо об угрозе со стороны блока НАТО для страны не сказано, но подчеркнута необходимость своевременного выявления, предупреждения и пресечения политико-дипломатическими методами попыток вмешательства во внутренние дела со стороны зарубежных государств, их объединений и союзов²⁴. Зато в Военной доктрине Республики Беларусь прямо говорится о Североатлантическом альянсе как потенциальной угрозе для страны²⁵. Расширение военного присутствия НАТО у белорусских границ и увеличение во-

²¹ Ответ пресс-секретаря МИД Беларуси А. Глаза на вопрос агентства «РИА Новости» о решении НАТО пригласить в Альянс Финляндию и Швецию // https://mfa.gov.by/press/news_mfa/c73b18e0a395ad30.html (дата обращения: 13.08.2025).

²² Ответ пресс-службы МИД Беларуси на вопрос агентства «ТАСС» о размещении тактического ядерного оружия России на территории Беларуси // https://mfa.gov.by/press/news_mfa/d73d30578e49412b.html (дата обращения: 13.08.2025).

²³ Заявление по итогам встречи в верхах в Вильнюсе: обнародовано главами государств и правительств государств-членов НАТО, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Вильнюсе 11 июля 2023 года // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 13.08.2025).

²⁴ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 18.04.2022).

²⁵ Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 6 // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0006> (дата обращения: 13.08.2025).

енных расходов свидетельствуют о том, что блок фактически готовится к вооруженному противостоянию с Беларусью и Россией. Как отметил заместитель начальника Генштаба ВС Республики Беларусь генерал-майор В.Н. Куприянюк, в восточноевропейских странах НАТО «модернизируются аэродромы, военно-морские базы, полигоны, создаются новые учебные центры, а также передовые

базы для заблаговременного размещения и хранения техники, вооружения и материальных средств»²⁶. Тем не менее, по словам В.А. Ревенко, Беларусь продолжает контактировать с некоторыми государствами – членами Североатлантического альянса по обмену информацией об оперативной и боевой подготовке, уточняет взгляды сторон на происходящие военно-политические события²⁷.

Заключение

Таким образом, в рассматриваемый период отношения Республики Беларусь и Организации Североатлантического договора имели противоречивый и циклический характер. Для Беларуси взаимодействие с НАТО являлось одним из направлений многовекторной внешней политики. Официальный Минск был настроен на конструктивное сотрудничество с альянсом. Белорусское руководство не видело в НАТО прямой угрозы национальной безопасности, но воспринимало многие действия блока как вызовы, требующие адекватных ответов. Поэтому отношения Беларуси и Североатлантического альянса характеризовались спадами и подъемами, сотрудничеством и противоречиями сторон. С начала 2020-х гг. по вине Запада они но-

сят исключительно конфронтационный характер. Натовское руководство всегда считало Минск сложным партнером, пытаясь оказывать давление на белорусские власти по целому ряду вопросов, тем самым вмешиваясь во внутренние дела Республики Беларусь. Сегодня НАТО всячески стремится максимально ослабить Россию и Беларусь, которую ошибочно воспринимает в качестве зависимой марионетки Москвы. Несмотря на враждебную позицию Запада Республика Беларусь по-прежнему открыта для возобновления прагматичного взаимодействия с Организацией Североатлантического договора, но исключительно на равноправной основе с учетом взаимных озабоченностей в сфере безопасности.

²⁶ МО Белоруссии: НАТО готовится к вооруженному конфликту с Минском и Москвой // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22317101> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁷ Белоруссия контактирует с отдельными странами НАТО по обмену информацией // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23197431> (дата обращения: 13.08.2025).

Список литературы

1. Zhuravskaya O.S. The Republic of Belarus Participation in NATO Programme "Partnership For Peace" (1995–2016) // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2020. № 2. P. 47–53.
2. Мартынов С.Н. Реализация национальных интересов. Международные аспекты обеспечения политической безопасности Республики Беларусь // Беларуская думка. 2011. № 3. С. 11–15.
3. Розанов А., Бычковская О. Политика Республики Беларусь в сфере обеспечения безопасности // Труды факультета международных отношений 2012: науч. сб. Минск: БГУ, 2012. Вып. 3. С. 33–41.
4. Баранчик Ю.В. Белоруссия в условиях противостояния России и НАТО. Часть I // *Постсоветский материк*. 2023. № 4. С. 37–52. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_4_37
5. Русакович А.В. Беларусь – НАТО: противоречивое партнерство // <https://web.archive.org/web/20160920010807/http://ru.forsecurity.org/belarus-nato-protivorechivoe-partnerstvo> (дата обращения: 13.08.2025).
6. Иванова А. Отношения Беларуси и НАТО // <https://minskdialogue.by/research/memorable-notes/otnosheniia-belarusi-i-nato> (дата обращения: 18.04.2025).
7. Dyner A.M., Terlikowski M. The Belarusian Vector of the Russian Threat to NATO // PISM. Strategic File. 2023. July. № 11 // <https://s3.amazonaws.com/fara2.opensecrets.org/7134-Informational-Materials-20230831-2.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

KOSOV Alexandr P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Cultural Heritage, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus Vitebsk, email: interrel21@yandex.ru

Keywords: Republic of Belarus, NATO, Belarus – NATO relations, Individual partnership and cooperation program, PARP, Partnership for Peace program, cooperation, confrontation

RELATIONS BETWEEN BELARUS AND NATO IN 2010 – FIRST HALF OF THE 2020S: FROM PARTNERSHIP TO CONFRONTATION

Abstract

The article is devoted to the study of relations between the Republic of Belarus and NATO in the context of the changing regional situation in Europe. Based on current data, the author identified a number of key factors influencing the interaction of Belarus and the North Atlantic Alliance in the period under review. The main areas of cooperation and the contradictions between the parties are shown. A conclusion is made about Minsk's desire to develop cooperation with NATO on mutually acceptable terms in order to ensure European security.

References

1. Zhuravskaya O.S. The Republic of Belarus Participation in NATO Programme "Partnership for Peace" (1995–2016). Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2020. № 2. Pp. 47-53.
2. Martynov S.N. Implementation of National Interests. International Aspects of Ensuring Political Security of the Republic of Belarus. Belaruskaya dumka. 2011. № 3. Pp. 11-15.
3. Rozanov A., Bychkouskaya O. Security Policy of the Republic of Belarus. Actual problems of international relations and global development: a collection of scientific papers / A. Dastanka (scientific

editor); A. Baichorov (Editor-in-Chief). [et al.]. Minsk: BSU. 2012. №3. Pp. 33-41.

4. Baranchik Yu.V. Belarus in the Conditions of Confrontation between Russia and NATO. Part I. Post-Soviet Continent. 2023. № 4. Pp. 37-52. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_4_37

5. Rusakovich A.V. Belarus – NATO: a Contradictory Partnership // <https://web.archive.org/web/20160920010807/http://ru.forsecurity.org/belarus-nato-protivorechivoe-partnerstvo> (accessed: 13.08.2025).

6. Ivanova A. Belarus – NATO Relations. 2020. May 7 // <https://minskdialogue.by/research/memorable-notes/otnosheniia-belarusi-i-nato> (accessed: 18.04.2025).

7. Dyner A.M., Terlikowski M. The Belarusian Vector of the Russian Threat to NATO. PISM. Strategic File. 2023. № 11. <https://s3.amazonaws.com/fara2.opensecrets.org/7134-Informational-Materials-20230831-2.pdf> (accessed: 13.08.2025).

Статья поступила в редакцию 18.12.2025 г.

Принята к публикации 16.01.2026 г.

ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

В 2026 году наш учредитель и издатель, Институт стран СНГ, отмечает 30-летие со дня основания. Это важная дата в истории российского аналитического сообщества, занимающегося всесторонним исследованием постсоветского пространства и проблемами российской диаспоры. Приглашаем коллег и партнеров принять участие в юбилейных мероприятиях, информация о которых будет размещена на сайте института <https://i-sng.ru/>

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНЫХ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье исследуется интеграционный потенциал молодежных патриотических объединений России и Беларуси. На основе анализа нормативно-правовой базы, социологических данных и практик ведущих организаций выявлены ключевые направления деятельности: военно-патриотическое воспитание, сохранение исторической памяти, волонтерство и формирование единого культурно-образовательного пространства. Рассмотрены роль совместных проектов в консолидации молодежи, существующие ограничения и перспективные решения, включая разработку единой Концепции патриотического воспитания и развитие цифровых платформ для укрепления общей идентичности.

Современный этап российско-белорусской интеграции характеризуется качественным усилением межобщественных связей. Это выражается в институционализации совместных структур гражданского

общества. Особое внимание уделяется развитию патриотической составляющей молодежной политики как ключевого элемента формирования единого культурно-исторического пространства между Российской Фе-

ЮШКОВ Илья Петрович – аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Россия, Саранск, email: ilya.yushkov.97@mail.ru, SPIN-код: 4091-8376

Ключевые слова: молодежные организации, патриотическое воспитание, российско-белорусская интеграция, историческая память, Союзное государство

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_41

дерацией (РФ) и Республикой Беларусь (РБ). Патриотическое воспитание становится не только инструментом социализации молодого поколения, но и важным фактором укрепления интеграционных процессов, что способствует утверждению общих ценностных ориентиров.

В Российской Федерации патриотическое воспитание молодежи реализуется через массовые объединения, среди которых особое место занимает движение «Юнармия»¹ под эгидой Министерства обороны РФ. Движение применяет системный подход с использованием программно-целевых методов, вовлекая участников в военно-спортивные игры («Зарница»), историко-мемориальные акции («Бессмертный полк») и масштабные государственные мероприятия (парады Победы). Эмпирические исследования среди старшеклассников подтверждают, что систематические формы патриотического воспитания оцениваются респондентами как содержательные и эффективные [4, с. 28; 1, с. 103]. Данные формы работы способствуют росту вовлеченности молодежи в общественную жизнь и формированию установки на активное гражданское участие, развивая не только чувство гордости за страну, но и практические навыки, необходимые для защиты Родины.

Заметную роль в рассматриваемой области выполняет Российское движение школьников (РДШ), которое отличается комплексным подходом к развитию социальной активности подростков². Хотя данная структура не ограничивается исключительно патриотическим направлением, она эффективно сочетает его с другими формами деятельности, такими как волонтерские проекты, лидерские программы и образовательные инициативы. Важно отметить, что деятельность РДШ способствует не только патриотическому воспитанию, но и развитию навыков коллективной работы, лидерства и социальной активности.

Еще одним значимым институциональным компонентом системы патриотического воспитания в России выступает добровольческое движение «Волонтеры Победы»³. Данное объединение специализируется на сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне и обретает особую актуальность в условиях информационной конфронтации и попыток фальсификации исторических фактов. Участники движения проводят масштабные акции, направленные на помощь ветеранам, организацию памятных мероприятий и популяризацию героического прошлого страны.

¹ Официальный сайт движения «Юнармия» // <https://yunarmy.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).

² Официальный сайт «Российское движение школьников» // <https://рдш.рф/> (дата обращения: 27.10.2025).

³ Официальный сайт «Волонтеры Победы» // <https://волонтерыпобеды.рф/> (дата обращения: 27.10.2025).

Наряду с вышеперечисленными объединениями в РФ активно действует Российский Союз Молодежи (РСМ)⁴. Широкий спектр направлений, включая патриотическое воспитание, волонтерство, профессиональное развитие и культурные инициативы, позволяет РСМ выделиться среди всех остальных своей универсальностью и способностью адаптироваться под различные социальные и политические условия. Комплексный подход, сочетающий традиционные формы патриотической работы с инновационными практиками гражданского воспитания, помогает сохранять преемственность с традиционными ценностями, активно включаясь в мемориальные проекты и военно-патриотические инициативы.

В Республике Беларусь механизмы патриотического воспитания демонстрируют схожие черты, адаптированные под национальную специфику. Центральным звеном здесь выступает Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ), который выполняет функцию социализации молодых граждан через профессиональную ориентацию, участие в общественной деятельности и реализацию образовательных программ⁵. БРСМ активно сотрудни-

чает с государственными структурами, что обеспечивает четкую вертикаль управления и координацию деятельности. Это позволяет успешно интегрировать патриотические инициативы в общую систему государственной политики.

Эффективность молодежных организаций подтверждается ростом общественно-политической активности. По данным Н. Сухотского (Институт социологии НАН Беларуси), отмечается увеличение числа молодых граждан, участвующих в деятельности молодежных объединений, включая Молодежный парламент и проекты БИСИ⁶. Это опровергает стереотип о политической апатии молодежи и демонстрирует успешность государственной поддержки. Исследования исторической памяти белорусской молодежи подтверждают ее устойчивую значимость как ресурса национальной идентичности [6, с. 39]. Данный фактор усиливает потенциал БРСМ в патриотическом воспитании, позволяя опереться на исторически сложившиеся ценностные ориентации молодого поколения.

Параллельно с БРСМ действуют и другие объединения, такие как «Патриоты Беларуси»⁷ и Республиканское общественное движение

⁴ Официальный сайт «Российский союз молодежи» // <https://www.ruym.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).

⁵ Официальный сайт «Белорусский республиканский союз молодежи» // <https://brsm.by/ru> (дата обращения: 27.10.2025).

⁶ Николай Сухотский – об общественно-политической активности современной белорусской молодежи // <https://socio.bas-net.by/ob-obshhestvenno-politicheskoy-aktivnosti-sovremennoj-belorusskoj-molodezhi/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁷ Официальный сайт «Патриоты Беларуси» // <https://patriots.by/> (дата обращения: 28.10.2025).

«Белая Русь»⁸, которые сосредотачиваются на культурно-историческом измерении патриотизма. Их деятельность строится на популяризации национального наследия через образовательные и культурные проекты, что способствует формированию у молодежи глубокого понимания своей исторической идентичности. Эти организации играют важную роль в укреплении национального самосознания и продвижении идей единства двух народов.

Молодежные патриотические объединения России и Беларуси демонстрируют высокую степень институционализации и эффективно сочетают военно-патриотическую, историко-культурную и социально-гражданскую деятельность. Их совместные проекты способствуют формированию у молодежи чувства принадлежности к единому культурно-истори-

ческому пространству, укрепляя интеграционные процессы в Союзном государстве. Вместе с тем, как отмечают исследователи, нормативно-правовое регулирование молодежных инициатив характеризуется формальным подходом, где понятия «молодежная инициатива» и «социально значимая деятельность» не имеют четкого содержательного наполнения, что ограничивает субъектность молодежи [7, с. 120].

Следует подчеркнуть, что в существующих исследованиях недостаточно изучены механизмы горизонтальных связей между организациями двух стран, влияние цифровизации на патриотическое воспитание. Требуют осмысления новые формы молодежной активности в медиапространстве. Эти аспекты выступают предметом особого внимания в настоящей работе.

Вызовы и перспективы взаимодействия молодежных объединений патриотической направленности в Союзном государстве

Процесс интеграции России и Беларуси, инициированный в 1996 году подписанием Договора о создании Сообщества⁹ и углубленный в

1999 году Договором о создании Союзного государства¹⁰, продолжает сталкиваться с комплексом политических, экономических и социаль-

⁸ Официальный сайт движения «Белая Русь» // <https://1br.by/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁹ Правительство Российской Федерации Правительство Республики Беларусь Договор об образовании Сообщества от 2 апреля 1996 года / Контур.Норматив: справочно-правовая система // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=24588> (дата обращения: 28.10.2025).

¹⁰ Договор между Правительством Российской Федерации и Республикой Беларусь «О создании Союзного государства» от 08 декабря 1999 года / Контур.Норматив: справочно-правовая система // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=35743> (дата обращения: 28.10.2025).

ных вызовов. Несмотря на институциональное оформление интеграционных структур и декларируемые цели укрепления многоаспектного единства, практическая реализация союзного проекта встречает объективные трудности. В этих условиях диалог молодежных патриотических организаций двух стран приобретает стратегическое значение, как механизм формирования устойчивой общей идентичности новых поколений и преодоления накопленных разногласий через воспитание взаимопонимания и солидарности.

Анализ перспектив взаимодействия молодежных организаций патриотического толка в контексте строительства Союзного государства выявляет ряд взаимосвязанных вызовов, коренящихся в экономической конъюнктуре, геополитических реалиях и информационном пространстве. Эти вызовы, носящие комплексный характер, требуют глубокого осмысления и выработки адекватных стратегий.

Серьезным вызовом для интеграции остаются экономические противоречия между Россией и Беларусью, включая споры о таможенных тарифах и распределении прибыли. Эти разногласия, активно обсуждаемые в медиа, создают ощущение неравноправных отношений и снижают энтузиазм молодежи к совместным проектам.

Не менее остро стоит вопрос суверенитета. Опасения относительно

возможного его ограничения сдерживают активное участие в интеграционных инициативах. При этом социологические данные показывают, что для белорусского общества независимость (88,9%) и национальная культура (84,3%) сохраняют высокую значимость, однако интеграция с Россией остается важной для 77,5% граждан, что создает благоприятную основу для совместных молодежных проектов¹¹.

Информационные вызовы в условиях цифровизации представляют особую угрозу. Распространение альтернативных трактовок истории и ценностей через социальные сети требует от молодежных организаций усиления работы по защите общего культурного наследия, повышения медиаграмотности и создания конкурентоспособных информационных ресурсов.

Следовательно, формирование эффективного взаимодействия молодежных организаций патриотической направленности в рамках Союзного государства требует комплексного подхода, учитывающего экономические, политические и информационные факторы. Преодоление существующих разногласий, укрепление диалога и формирование общей идентичности являются ключевыми условиями успешной интеграции и устойчивого развития Союзного государства.

¹¹ Единство и патриотизм в оценках белорусов (ко Дню народного Единства) // <https://socio.bas-net.by/edinstvo-i-patriotizm-v-otsenkah-belorusov-ko-dnyu-narodnogo-edinstva/> (дата обращения: 28.10.2025).

Основные направления молодежной интеграции в контексте укрепления Союзного государства

Молодежные патриотические объединения России и Беларуси являются значимым институтом гражданского общества, способствующим как формированию патриотического сознания, так и укреплению интеграционных процессов в Союзном государстве. Их деятельность характеризуется комплексным, последовательным, системным, межведомственным подходом к реализации совместных проектов, создающих единое культурно-историческое пространство.

Ключевым направлением остается военно-патриотическое воспитание, реализуемое через международные слеты («Юные патриоты Союзного государства»¹²), спортивно-военные соревнования и сборы военно-патриотических клубов. Эти мероприятия развивают у молодежи навыки командной работы, дисциплину и углубленное изучение общей военной истории, консолидируя молодое поколение вокруг ценностей защиты Родины, исторической преемственности и гражданского долга.

Значительное внимание уделяется сохранению исторической памяти, особенно связанной с событиями Великой Отечественной войны. Совместные проекты в этой сфере, включая акцию «Бессмертный полк»¹³, благоустройство военных мемориалов (например, Брестской крепости¹⁴) и проведение патриотических автопробегов по местам боевой славы, играют важную идеологическую роль¹⁵. Эти инициативы способствуют формированию у молодежи осознания героического прошлого своих народов, что, в свою очередь, становится основой для укрепления национальной идентичности. Также данные мероприятия выполняют функцию репрезентации исторического опыта как неотъемлемой части культурного наследия, объединяющей два народа.

Образовательное направление деятельности молодежных организаций представлено реализацией программ, направленных на формирование единого образовательного пространства. Летние патри-

¹² О воспитании юных патриотов Союзного государства шла речь на круглом столе в Москве // <https://soyuz.by/molodezhnaya-territoriya/o-vospitanii-yunyh-patriotov-soyuznogo-gosudarstva-shla-rech-na-kruglom-stole-v-moskve> (дата обращения: 29.10.2025).

¹³ Путин: акцию «Бессмертный полк» организуют во многих городах Беларуси // <https://ria.ru/20250313/putin-2004838926.html> (дата обращения: 29.10.2025).

¹⁴ Новая жизнь Брестской крепости как Беларусь и Россия сохраняют историческую память // <https://soyuz.by/multimedi/novaya-zhizn-brestskoy-kreposti-kak-belarus-i-rossiya-sohranyayut-istoricheskuyu-pamyat> (дата обращения: 29.10.2025).

¹⁵ Автопробег «Дороги славы – наша история» отправляется в путь по дорогам России и Беларуси // <https://rs.gov.ru/news/avtoprobeg-dorogi-slavy-nasha-istoriya-otpravlyaetsya-v-put-po-gorodam-rossii-i-belarusi/> (дата обращения: 29.10.2025).

отические лагеря¹⁶, конкурсы чтецов¹⁷ и исполнителей военной тематики, а также тематические выставки¹⁸ предоставляют участникам возможность не только углубить свои знания о героическом прошлом, но и укрепить чувство принадлежности к общему культурному наследию. В контексте социального капитала такие мероприятия способствуют созданию сетей взаимодействия между представителями молодежи двух стран, что усиливает уровень доверия и готовности к сотрудничеству на межличностном уровне.

Волонтерское движение представляет собой еще одно важное направление интеграции молодежных организаций. Кросс-границные проекты¹⁹ направлены на оказание помощи ветеранам, сохранение исторической памяти и поддержку семей участников боевых действий. Экологические акции и благотворительные инициативы формируют у

молодежи чувство ответственности за будущее своих стран, что согласуется с концепцией гражданской активности как одного из базовых элементов демократического общества. Волонтерство также выполняет функцию социальной мобилизации, способствуя вовлечению молодежи в решение актуальных общественных задач.

Развитие информационного пространства играет ключевую роль в популяризации патриотических ценностей. Создание общих информационных ресурсов²⁰, проведение медиафорумов²¹ и разработка методических материалов для педагогов и руководителей патриотических клубов²² обеспечивают эффективное распространение идей патриотизма среди молодежи. В условиях активной фальсификации исторических фактов и нарастающего давления западных нарративов, «формирование единого образовательного пространства

¹⁶ Военно-патриотический лагерь «Курган Дружбы – 2025» объединит молодежь из России и Белоруссии // <https://informpskov.ru/news/474576.html> (дата обращения: 30.10.2025).

¹⁷ Онлайн-конкурс чтецов литературных произведений России и Беларуси «Читаем классику – Чытаем класіку» // <https://asrfrb.ru/news/onlajn-konkurs-chtecov-literaturnyh-proizvedenij-rossii-i-balarusi-chitaem-klassniku-chytaem-klasiku/> (дата обращения: 30.10.2025).

¹⁸ XII Форум регионов России и Беларуси // <https://www.belinterexpo.by/events/mezhdunarodnye-vystavki/xii-forum-regionov-rossii-i-belarusi/> (дата обращения: 30.10.2025).

¹⁹ Волонтеры России и Белоруссии объединяются, чтобы почтить память героев // <https://ivbg.ru/8192136-volontery-rossii-i-belorussii-obedinyatsya-chtoby-pochtit-pamyat-geroev.html> (дата обращения: 30.10.2025).

²⁰ Официальный сайт «Союзного государства» // <https://soyuz.by/> (дата обращения: 31.10.2025).

²¹ Белорусско-российский медиафорум «Молодежь Союзного государства за мир единство» // <http://bru.by/news/post/68992> (дата обращения: 31.10.2025).

²² Создание единого образовательного пространства России и Белоруссии, патриотическое воспитание молодежи и сохранение исторической памяти // <https://asrfrb.ru/news/sozдание-edinogo-obrazovatel'nogo-prostranstva-rossii-i-belorussii-patrioticheskoe-vozpitanie-molodezhi-i-sohranenie-istoricheskoy-pamyati/> (дата обращения: 31.10.2025).

между Россией и Беларусью приобретает особую актуальность, как механизм защиты исторической правды и укрепления союзной идентичности» [3, с. 437]. Ярким примером успешной реализации такого подхода служит мультимедийный проект «Поезд Памяти» – передвижная интерактивная выставка, которая в 2022–2023 гг. посетила 23 города России и Беларуси, объединив более 50 тысяч молодых участников²³. Этот проект, организованный по инициативе председателей верхних палат парламентов обеих стран, вовлекает молодежь через современные цифровые форматы, что значительно повышает их эффективность по сравнению с традиционными методами. Полевые данные по студенческой молодежи подтверждают, что цифровые гражданско-патриотические практики усиливают ценностную консолида-

цию и вовлеченность, делая коммуникацию с молодежной аудиторией более устойчивой [5, с. 32].

Также в русле имплементации соответствующих установок в интеграционное нормативное поле перспективным направлением могла бы стать разработка единой Концепции патриотического воспитания Союзного государства, которая бы учитывала как российский акцент на «традиционных ценностях» (ориентиром выступает Указ Президента №809 от 09.11.2022), так и белорусский опыт централизованного управления через БРСМ. Как отмечают исследователи, отсутствие подобных предписаний связано с «аморфностью модели российско-белорусской интеграции», однако инициатива создания Центра патриотического воспитания на средства союзного бюджета свидетельствует о подвижках в этом направлении [2, с. 948].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что молодежные патриотические объединения России и Беларуси осуществляют многоплановую деятельность, охватывающую военно-патриотическое, историко-культурное, образовательное, волонтерское и информационное направления. Такой комплексный подход способствует формированию у молодежи чувства единства, гордости за общую исто-

рию и готовности к совместному строительству будущего, выполняя важную функцию институционализации патриотических ценностей в рамках Союзного государства.

Перспективы развития сотрудничества связаны с созданием цифровых платформ, расширением образовательных инициатив, усилением волонтерской деятельности и популяризацией спортивно-па-

²³ Официальный сайт «Поезд Памяти» // <https://поездпамяти.рф/> (дата обращения 31.10.2025).

триотических мероприятий. Однако реализации этого потенциала препятствуют экономико-политическая асимметрия, различия в методологии воспитания и вызовы цифровизации. Для системного развития сотрудничества необходимо нормативное закрепление определений молодежных инициатив, создание платформ профессионального взаимодействия и включение патриотического воспитания в стратегические документы

Союзного государства как элемента «гуманитарного измерения» интеграции [2, с. 940].

Таким образом, углубление программной интеграции через разработку совместных образовательных стандартов и формирование единого информационно-коммуникационного поля позволит молодежным объединениям стать катализатором позитивных изменений, создавая прочную основу для укрепления связей между двумя народами.

Список литературы

1. Асеев С.Ю., Качусов Д.А. Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 97–106. DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-1-97-106
2. Бахлова О.В., Бахлов И.В., Уляшкина Е.Г. Политика патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России: потенциал институционализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 940–952. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-4-940-952
3. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Формирование единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в ракурсе политики патриотического воспитания // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 3 (128). С. 426–445. DOI 10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445
4. Дейч Б.А., Чельцов М.В., Кошман Н.В. Патриотическое воспитание молодежи: исследование эффективности современной практики // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 4. С. 23–33. DOI 10.15293/1813-4718.2104.03
5. Кульбачевская О.В. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 20–36. DOI 10.33876/2311-0546/2023-4/20-36
6. Мысливец Н.Л. Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодежи (из опыта социологических исследований) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 26–43. DOI 10.19181/vis.2022.13.1.772

7. Певная М.В., Гаврилик О.Н., Минченко Д.В. Нормативно-правовой дискурс государственного содействия молодежным социальным инициативам в Российской Федерации и Республике Беларусь // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 118-135. DOI 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-118-135

YUSHKOV Ilya P. – Postgraduate student of the Department of General History, Political Science and Regional Studies National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, email: ilya.yushkov.97@mail.ru

Keywords: youth organizations, patriotic education, Russian-Belarusian integration, historical memory, the Union State

INTEGRATION POTENTIAL OF PATRIOTIC YOUTH ASSOCIATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE UNION STATE: THE INSTITUTIONAL AND COMMUNICATIVE ASPECT

Abstract

The article examines the integration potential of youth patriotic associations of Russia and Belarus. Based on the analysis of the regulatory framework, sociological data and practices of leading organizations, key areas of activity have been identified: military-patriotic education, preservation of historical memory, volunteerism and the formation of a unified cultural and educational space. The role of joint projects in consolidating youth, existing constraints and promising solutions, including the development of a unified concept of patriotic education and the development of digital platforms to strengthen a common identity, are considered.

References

1. Aseev S.Yu., Kachusov D.A. Assessment of the effectiveness of patriotic education programs by senior school students in the regions of the Siberian Federal District // RUDN Journal of Political Science. No. 1. 2021. pp. 97–106.
2. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V., Ulyashkina E.G. The policy of patriotic education within the Union State of Belarus and Russia: the potential

for institutionalization // RUDN Journal of Political Science. No. 4. 2023. pp. 940–952.

3. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. The formation of a unified educational space of the Union State of Belarus and Russia through the lens of patriotic education policy // Regionology. No. 3(128). 2024. pp. 426–445.

4. Deich B.A., Cheltsov M.V., Koshman N.V. Patriotic education of youth: a study of the effectiveness of current practice // Siberian Pedagogical Journal. No. 4. 2021. pp. 23–33.

5. Kulbachevskaya O.V. Youth patriotism as a strategic resource for Russia's development: potential, challenges, risks // Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology). No. 4. 2023. pp. 20–36.

6. Myslivets N.L. The formation and evolution of historical memory among Belarusian youth (from the experience of sociological research) // Bulletin of the Institute of Sociology. No. 1. 2022. pp. 26–43.

7. Pevnaya M.V., Gavrilik O.N., Minchenko D.V. The regulatory discourse of state support for youth social initiatives in the Russian Federation and the Republic of Belarus // Public Administration. E-Journal. No. 105. 2024. pp. 118–135.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

Принята к публикации 23.01.2026 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ЦИФРОВОГО ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО АДАПТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация

В статье анализируется международный опыт цифрового диалога власти и общества в США, странах Европы и Азии с позиций институционального подхода. Показано, что эффективность цифровых коммуникаций определяется не технологическим уровнем, а степенью их встроенности в систему публичного управления. Обосновываются возможности и ограничения адаптации зарубежных практик цифрового диалога в российском политико-административном контексте.

Введение

Цифровизация публичного управления в последние годы привела к качественному расширению каналов политической коммуникации между государством и обществом. Социальные медиа, специализированные цифровые платформы об-

ратной связи, онлайн-консультации и сервисы мониторинга общественных запросов стали неотъемлемой частью современной публичной политики как в зарубежных странах, так и в России. Однако расширение цифровых каналов взаи-

СЕРЕБРЯКОВ Александр Игоревич – аспирант кафедры политологии и политического анализа Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: aiserebryakov@yandex.ru

Ключевые слова: цифровой диалог, цифровая среда, государство и общество, цифровая политическая коммуникация, социальные медиа, публичное управление

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_53

модействия между государством и обществом не всегда сопровождается формированием устойчивого цифрового диалога, что актуализирует вопрос о реальном содержании и институциональной роли цифровых коммуникаций в публичной политике

Одновременно с этим цифровая среда становится пространством нарастания кризиса доверия и легитимности публичной власти. В условиях фрагментации публичной сферы, платформенной сегментации аудитории и усиления поляризации цифровых дискуссий формирование управляемого и результа-

тивного диалога между государством и обществом оказывается одной из ключевых задач современного публичного управления.

В этой связи актуальной научной задачей становится комплексный сравнительный анализ международного опыта цифрового диалога власти и общества, прежде всего в странах Европы, США и Китая с целью выявления тех элементов и механизмов, которые потенциально могут быть адаптированы в российской практике, а также тех, перенос которых ограничен институциональными, политико-правовыми и социокультурными особенностями.

Цифровой диалог власти и общества как объект политологического анализа

Преимущества присутствия органов власти в социальных сетях признаются в научной литературе практически единодушно [1], поскольку данные платформы предоставляют новые возможности для оперативного взаимодействия между гражданами и государством. За относительно короткий период времени социальные медиа стали значительным элементом электронного правительства [2] и важной составляющей отношений между публичными организациями и населением [3].

Современные исследования подчеркивают, что цифровые коммуникации органов власти могут реализовываться в различных форматах, отличающихся по глубине взаимодействия и степени

вовлеченности граждан в управленческие процессы [4, с. 7]. Использование социальных медиа органами власти нередко описывается через поэтапные модели, отражающие различную глубину цифрового взаимодействия между государством и гражданами. Одним из распространенных подходов является выделение трех фаз коммуникации: распространения информации, взаимодействия и транзакций [5, с. 45; 6, с. 5]. Первая фаза предполагает использование социальных сетей преимущественно как канала одностороннего информирования, при котором граждане выступают пассивными получателями сообщений. На фазе взаимодействия коммуникация приобретает дву-

сторонний характер за счет комментариев, откликов, репостов пользователей и ответов со стороны органов власти, однако влияние граждан на принятие решений остается ограниченным. Наиболее развитая фаза транзакций характеризуется интеграцией цифровых платформ в управленческие и административные процессы, что позволяет использовать социальные медиа не только для коммуникации, но и для реализации публичных функций и участия граждан в управленческом цикле. Данная типология позволяет аналитически разграничить уровни цифрового взаимодействия и оценить степень институционализации цифрового диалога власти и общества.

В научной литературе цифровой диалог рассматривается как элемент более широкого процесса сетевизации публичной политики, связанного с ослаблением иерархических моделей управления и развитием горизонтальных коммуникаций [4, с. 11; 7, с. 259]. Вместе с тем эмпирические исследования муниципальных практик в странах Центральной и Восточной Европы показывают, что использование цифровых платформ органами власти нередко ограничивается функциями информирования, тогда как интерактивность и влияние граждан на процесс принятия решений остается несущественным [6]. Аналогичные тенденции выявляются и в российской практике, где цифровые коммуникации органов власти часто находятся на ста-

диях «регистрации и информирования» [5, с. 48].

Существенное влияние на характер цифрового диалога оказывает институциональный контекст. В странах Европы и США цифровые коммуникации развиваются в условиях децентрализованного публичного управления и активного использования частных цифровых платформ, что способствует расширению форм участия, но одновременно ведет к фрагментации публичной сферы и усилению платформенной сегментации общественного дискурса [8]. В российской практике цифровой диалог формируется в рамках более централизованной модели публичного управления и опирается на государственные платформы и специализированные структуры обратной связи, что повышает управляемость коммуникаций, но ограничивает разнообразие форм участия.

Для сопоставительного анализа международного и российского опыта цифрового диалога целесообразно выделить критерии его эффективности. Во-первых, инклюзивность, предполагающая доступность цифровых каналов для различных социальных групп и возможность участия широкого круга граждан. Во-вторых, интерактивность и наличие обратной связи, выражающиеся не только в сборе обращений, но и в их системной обработке, анализе и публичном учете. В-третьих, влияние на управленческие решения, позволяющее отличить цифровой диалог от формальных консультационных практик. В-четвертых,

институциональная устойчивость, включающая нормативное закрепление цифровых форм взаимодействия и их интеграцию в систему публичного управления.

Таким образом, цифровой диалог власти и общества следует рас-

сматривать как сложный институциональный механизм, эффективность которого определяется не уровнем технологической оснащенности, а качеством обратной связи и особенностями политико-управленческого контекста.

Международный опыт цифрового диалога власти и общества

Международный опыт цифрового диалога власти и общества демонстрирует многообразие институциональных моделей и практик, эффективность которых во многом определяется политико-управленческим контекстом, степенью децентрализации власти и ролью цифровых платформ в публичной сфере.

В США цифровой диалог власти и общества формируется в условиях высокой децентрализации публичного управления и активного использования негосударственных цифровых платформ. Так, платформы Twitter, Facebook¹ и YouTube активно применяются политиками не только как каналы распространения информации, но и как инструменты прямого общения с гражданами. Характерным примером является практика использования социальной сети X (до 2023 г. – Twitter) Дональдом Трампом для обращения к широкой аудитории без посредничества традиционных средств массовой информации. Такой формат коммуникации обеспе-

чивает оперативную обратную связь, однако одновременно способствует усилению общественной поляризации и становится источником острых политических дискуссий [4, с. 20].

Исследования показывают, что различные цифровые платформы формируют неоднородные модели политического участия: от пассивного потребления информации до активного создания и распространения политического контента. Так, платформа We the People предоставляет пользователям возможность инициировать петиции, которые при достижении установленного порога подписей подлежат официальному рассмотрению органами власти [8]. Такая платформенная сегментация приводит к фрагментации публичной сферы и затрудняет формирование единого пространства цифрового диалога между властью и обществом. В результате цифровые коммуникации в США нередко приобретают мобилизационный или конфликтный

¹ Принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией, деятельность на территории России запрещена.

характер, а их вклад в институционализированный диалог с органами власти остается ограниченным.

Европейский опыт цифрового диалога отличается большей степенью институционализации и ориентацией на публичные консультационные механизмы, в том числе на муниципальном уровне. Вместе с тем эмпирические исследования показывают, что даже в условиях развитых цифровых инфраструктур органы власти часто используют социальные сети и цифровые платформы преимущественно в информационных целях. Анализ практик городских администраций в странах Центральной и Восточной Европы свидетельствует о доминировании односторонней коммуникации и ограниченной интерактивности, а также о слабой связи цифровых каналов с процессом принятия управленческих решений. Говоря о конкретных инструментах, в странах ЕС высока активность использования социальной сети Facebook², реже используется Instagram³ и крайне редко – X (Twitter) [6].

Одним из примеров успешного вовлечения граждан в обсуждение социально значимых и стратегических решений с использованием онлайн-платформ в Евросоюзе является платформа Futurium, применяемая в рамках консультаций по вопросам цифрового развития и

другим направлениям политики. Данная платформа ориентирована на коллективную выработку идей и предложений с использованием социальных сетей, открытых данных и современных аналитических инструментов [4, с. 21].

В странах Азии цифровой диалог власти и общества развивается в рамках более централизованных моделей публичного управления, где ключевую роль играет государство как организатор и регулятор цифровых коммуникаций. Показательным в этом отношении является кейс региональных правительственных инициатив в Индонезии, где цифровой диалог рассматривается как управляемый инструмент вовлечения граждан в обсуждение социально значимых вопросов. Исследования показывают, что эффективность таких инициатив обеспечивается за счет политической воли руководства, стратегического планирования, формализации целей и показателей взаимодействия, а также постоянной оценки результатов цифровой коммуникации [9]. При этом цифровой диалог не носит спонтанного характера, а встроен в систему публичного управления, что позволяет сочетать расширение участия граждан с сохранением управляемости и институционального контроля.

Китайская модель взаимодействия государства и общества в

² Принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией, деятельность на территории России запрещена.

³ Принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией, деятельность на территории России запрещена.

цифровой среде также отличается высоким уровнем государственного регулирования и контроля над интернет-пространством. Национальные платформы, такие как Weibo и WeChat, используются не только в качестве каналов коммуникации и распространения информации, но и как инструменты мониторинга общественной активности. Операторы данных платформ обязаны по запросу предоставлять информацию о пользователях государственным органам, а публикуемый контент проходит строгую проверку на соответствие официальной политике [4, с. 21]. Изначально платформа Weibo занималась только информированием о деятельности правительства, но со временем ее ресурс стал использоваться для сбора общественного мнения. Сервис WeChat имеет по сравнению с Weibo более широкий функционал и позволяет предоставлять государственные услуги онлайн, однако не предполагает обратной связи. Сервис TikTok используется правительством Китая для коммуникации с молодежью. В нем размещают короткие

информационные видео и проводят прямые эфиры [10, с. 156].

Сопоставление американского, европейского и азиатского опыта позволяет сделать вывод о том, что цифровой диалог власти и общества не имеет универсальной модели и развивается в зависимости от институциональных условий и политико-административной логики конкретных государств. В то время как в США цифровые коммуникации преимущественно формируются вне рамок государственных институтов и характеризуются высокой степенью фрагментации, в Европе цифровой диалог чаще принимает консультативные формы, а в азиатских странах – развивается как управляемый и институционально встроенный механизм. Данный опыт демонстрирует, что успешность цифрового диалога определяется не столько технологическими возможностями, сколько степенью его институционализации и включенности в систему публичного управления, что имеет принципиальное значение для анализа перспектив адаптации международных практик в российском контексте.

Цифровой диалог власти и общества в российской практике

Российская практика цифрового диалога власти и общества формируется в условиях централизованной модели публичного управления и характеризуется высокой степенью институционализации цифро-

вых каналов коммуникации. В отличие от ряда зарубежных стран, где цифровые формы взаимодействия нередко развиваются фрагментарно и зависят от инициатив отдельных органов власти или му-

ниципалитетов, в России цифровая коммуникация государства с гражданами закреплена как обязательный элемент деятельности публичных институтов.

Одной из базовых характеристик российской модели является наличие у каждого органа государственной власти официального интернет-сайта, выполняющего функцию основного канала цифрового информирования. Через сайты обеспечивается доступ к нормативным актам, сведениям о деятельности органов власти, государственным услугам и официальным сообщениям. Данный уровень цифрового взаимодействия ориентирован прежде всего на повышение прозрачности и доступности информации и в меньшей степени предполагает диалоговый формат взаимодействия.

Существенным этапом в развитии цифровой коммуникации стало нормативное закрепление присутствия органов власти в социальных сетях. В 2022 году был принят федеральный закон об обязательном ведении в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» официальных аккаунтов государственных органов, органов местного самоуправления и подведомственных организаций [11]. Это решение институционализировало социальные медиа как обязательный канал вза-

имодействия власти и общества и расширило возможности оперативной коммуникации с гражданами.

Ключевым элементом российской модели цифрового диалога является формирование централизованной инфраструктуры обратной связи, связанной с деятельностью всероссийского межведомственного центра компетенций в сфере интернет-коммуникаций «Диалог»⁴. В рамках данной системы в каждом субъекте Российской Федерации созданы центры управления регионом, ориентированные на мониторинг общественных запросов, поступающих через цифровые каналы, включая социальные сети, официальные сайты и платформы обращений граждан. Деятельность центров управления регионами направлена на агрегирование и анализ обращений, координацию взаимодействия органов власти и сокращение сроков реагирования на проблемы, поднимаемые гражданами. Отмечается рост доверия населения к таким форматам взаимодействия граждан с органами власти⁵.

Говоря о трендах этой системы, замгендиректора АНО «Диалог Регионы» Андрей Цепелев подчеркнул, что «госдиджитал выходит за рамки SMM. Губернатору интересны не отдельные жалобы в Сети, а анализ системных проблем и пред-

⁴ Диалог. Цифровые коммуникации // [https://dialog.info/about/ano-dialog/](https://dialog.info/about/ano-dialog/(дата обращения: 27.11.2025)) (дата обращения: 27.11.2025).

⁵ Доверие жителей к диалогу с муниципальной властью в интернете растёт // <https://dialog.info/doverie-zhitelej-k-dialogu-s-municipalnoj-vlastju-v-internete-rastet/> (дата обращения: 19.11.2025).

ложения по их решению»⁶. Для этого используются такие инструменты, как онлайн-опросы, мониторинг обращений граждан, анализ медиополя и комментариев.

Создание единой сети центров управления регионами свидетельствует о стремлении государства выстроить управляемую и стандартизированную систему цифрового взаимодействия с обществом. В отличие от децентрализованных моделей цифрового диалога, характерных для США, российская практика ориентирована на интеграцию цифровых каналов коммуникации в вертикаль публичного управления. Это позволяет обеспечить сопоставимость данных, централизованный мониторинг общественных настроений и повышение управленческой эффективности, однако одновременно ограничивает вариативность форм цифрового участия и снижает автономию гражданских инициатив.

Положительным примером персонализированного цифрового диалога власти и общества является Telegram-канал Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина⁷. Канал функционирует не только как средство политического

информирования, но и как площадка для регулярной обратной связи с гражданами: комментарии к публикациям остаются открытыми, пользователи имеют возможность высказывать мнение и формулировать вопросы по актуальным социально-политическим темам. Сам спикер Госдумы неоднократно подчеркивал значимость такого формата взаимодействия, отмечая, что «обратная связь необходима, поскольку без диалога нет доверия, а без доверия – развития»⁸. Обращения и позиции, высказанные пользователями в комментариях, используются при подготовке и обсуждении вопросов в рамках отчета Правительства РФ перед Государственной Думой. По данным аналитической компании Медиалогия, канал В. Володина стабильно входит в число наиболее просматриваемых политических каналов платформы⁹, что свидетельствует о высокой вовлеченности аудитории и востребованности данного формата взаимодействия. Указанный пример демонстрирует, что в российской практике цифровой диалог может эффективно реализовываться не только через формализованные институциональные структуры, но

⁶ Литвинов С. Чем запомнится госдиджитал в 2024 году: рассказывает замгендиректора АНО «Диалог Регионы» Андрей Цепелев // <https://fedpress.ru/article/3348293> (дата обращения: 27.11.2025).

⁷ Официальный канал Вячеслава Володина в Telegram // t.me/vv_volodin (дата обращения: 23.11.2025).

⁸ Володин: Комментарии в Telegram-канале воспринимаю как личное обращение // <https://www.pnp.ru/politics/volodin-kommentarii-v-telegram-kanale-vosprinimayu-kak-lichnoe-obrashhenie.html> (дата обращения: 23.11.2025).

⁹ Топ-20 политических каналов Telegram по просмотрам – октябрь 2025 // <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/14313/> (дата обращения: 23.11.2025).

и через персонализированные каналы политической коммуникации, встроенные в процесс принятия публичных решений.

В целом российская модель цифрового диалога власти и общества сочетает развитую инфраструктуру цифрового информирования и обратной связи с ограниченным использованием диалоговых и соуча-

ствующих механизмов. Цифровые коммуникации в значительной степени выполняют сервисную и управленческую функции, способствуя выявлению проблем и повышению оперативности реакции органов власти, но в меньшей степени ориентированы на включение граждан в выработку и корректировку публичных решений.

Заключение

Сопоставительный анализ международного и российского опыта цифрового диалога власти и общества показывает, что возможности адаптации зарубежных практик в России носят избирательный и контекстно обусловленный характер. Эффективность заимствования определяется не уровнем технологического развития, а институциональной логикой публичного управления и характером взаимоотношений государства и общества.

К числу адаптируемых элементов международного опыта относятся институционализация цифровых каналов обратной связи и их интеграция в управленческий цикл. Европейские и азиатские практики демонстрируют значимость формализованных процедур обработки обращений, прозрачных сроков реагирования и аналитического использования цифровых данных для корректировки управленческих решений. В российской практике данные элементы в значительной степени уже реализуются через систему официальных сайтов органов

власти, обязательное присутствие в социальных сетях и деятельность центров управления регионами, что создает основу для дальнейшего развития цифрового диалога в управляемом формате.

В то же время ограниченно применимыми в российском контексте являются модели цифрового диалога, основанные на высокой децентрализации, автономии местного самоуправления и доминировании негосударственных цифровых платформ, характерные для США. Платформенная фрагментация публичной сферы и мобилизационный характер цифровых коммуникаций в таких моделях снижают управляемость диалога и повышают конфликтный потенциал, что делает их прямой перенос в российскую систему публичного управления институционально затруднительным.

Аналогичным образом ограничен потенциал заимствования европейских практик цифрового участия, ориентированных на широкие общественные консультации и соучастие граждан в выработке реше-

ний. В условиях российской централизованной модели управления данные механизмы без соответствующего нормативного и институционального переосмысления рискуют носить формальный характер и не приводить к росту доверия к цифровым каналам взаимодействия.

В целом международный опыт показывает, что цифровой диалог власти и общества не является универсальным инструментом демократизации или повышения легитимности власти, а выступает управленческой технологией, эф-

фективность которой зависит от степени ее институциональной встроенности и ответственности органов власти за результаты взаимодействия. Для российской практики перспективным направлением является развитие цифрового диалога как управляемого и аналитически ориентированного механизма обратной связи, при одновременном ограничении попыток механического переноса зарубежных моделей, не соответствующих отечественным политико-административным условиям.

Список литературы

1. Faber B., Budding T., Gradus R. Assessing social media use in Dutch municipalities: Political, institutional, and socio-economic determinants // *Government Information Quarterly*. 2020. № 37 (3). P. 101484.
2. Bertot J.C., Jaeger P.T., Grimes J.M. Using ICTs to create a culture of transparency: e-government and social media as openness and anti-corruption tools for societies // *Government Information Quarterly*. 2010. № 27 (3). P. 264–271.
3. Mabillard V., Zumofen R., Keuffer N. Digital communication in Swiss cities: A closer look at the low adoption and usage of social media platforms in a technologically advanced and innovative country // *Information Polity*. 2021. № 26 (4). P. 341–354.
4. Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // *Креативная экономика*. 2025. Том 19. № 1. С. 9–30. DOI: 10.18334/ce.19.1.122329
5. Рослякова М.В. Социальные сети в деятельности органов исполнительной власти: адаптация к новым способам взаимодействия // *Социодинамика*. 2022. № 7. С. 42–56. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467
6. Zumofen R., Mabillard V., Pasquier M. Social media use in Central and Eastern European cities: Defining government-citizen relationships through phases // *NISPAcee 30th Annual Conference*. Bucharest, Romania (2–4 June 2022).

7. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс. 2018. 384 с.
8. Boulianne S., Copeland L., Koc-Michalska K. Digital media and political consumerism in the United States, United Kingdom, and France // *New Media and Society*. 2024. № 26. P. 2110–2130. DOI: 10.1177/14614448221083025
9. Praratya A., Sukmayadi V., Kamil D. Fostering Digital Dialogue: A Case Study of Government Social Media Initiatives in Advocating Social Participation // *Malaysian Journal of Communication*. 2024. № 40 (2). P. 362–379.
10. Вэй Чжан, Панкратова Л.С. Трансформация публичной коммуникации органов власти и граждан в Китае и России в условиях цифровизации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2023. Т. 28. № 3. С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.14>
11. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” и статью 10 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48052> (дата обращения: 21.11.2025).

SEREBRYAKOV Alexander I. – PhD Student at the Department of Political Science and Political Analysis, Russian State Social University, Moscow, Russia, e-mail: aiserebryakov@yandex.ru

Keywords: digital dialogue, digital environment, state and society, digital political communication, social media, public administration

Abstract

The article examines international practices of digital dialogue between government and society in the United States, Europe, and Asia from an institutional perspective. It demonstrates that the effectiveness of digital communication depends not on technological sophistication but on its integration into public governance structures. The study identifies both the potential and the limitations of adapting foreign digital dialogue practices to the Russian political and administrative context.

THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF THE DIGITAL DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY AND THE POSSIBILITIES OF ITS ADAPTATION IN RUSSIAN PRACTICE

References

1. Faber B., Budding T., Gradus R. Assessing social media use in Dutch municipalities: Political, institutional, and socio-economic determinants // Government Information Quarterly. 2020. № 37 (3). P. 101484.
2. Bertot J.C., Jaeger P.T., Grimes J.M. Using ICTs to create a culture of transparency: e-government and social media as openness and anti-corruption tools for societies // Government Information Quarterly. 2010. № 27 (3). P. 264–271.
3. Mabillard V., Zumofen R., Keuffer N. Digital communication in Swiss cities: A closer look at the low adoption and usage of social

media platforms in a technologically advanced and innovative country // Information Polity. 2021. № 26 (4). P. 341–354.

4. Morozova S.S. Digital dialogue: the role of social media and digital platforms in communication between the state and the citizen // Creative Economy. 2025. Volume 19. No. 1. P. 9-30. DOI: 10.18334/ce.19.1.122329

5. Roslyakova M.V. Social networks in the activities of executive authorities: adaptation to new ways of interaction // Sociodynamics. 2022. No. 7. P. 42–56. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467

6. Zumofen R., Mabillard V., Pasquier M. Social media use in Central and Eastern European cities: Defining government-citizen relationships through phases // NISPAcee 30th Annual Conference. Bucharest, Romania (2–4 June 2022).

7. Public policy: Institutions, digitalization, development: Collective monograph / Edited by L.V. Smorgunov. Moscow: Aspect Press. 2018. 384 p.

8. Boulianne S., Copeland L., Koc-Michalska K. Digital media and political consumerism in the United States, United Kingdom, and France // New Media and Society. 2024. № 26. P. 2110–2130. DOI: 10.1177/14614448221083025

9. Praratya A., Sukmayadi V., Kamil D. Fostering Digital Dialogue: A Case Study of Government Social Media Initiatives in Advocating Social Participation // Malaysian Journal of Communication. 2024. № 40 (2). P. 362–379.

10. Wei Zhang, Pankratova L.S. Transformation of public communication between authorities and citizens in China and Russia in the context of digitalization // Bulletin of Volgograd State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.14>

11. Federal Law No. 270-FZ of 07/14/2022 “On Amendments to the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies” and Article 10 of the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48052> (accessed: 21.11.2025).

Статья поступила в редакцию 13.01.2025 г.

Принята к публикации 27.01.2026 г.

**Игорь СОЛДАТЕНКО,
Виктория СИТАЛОВА,
Валерия ПОЛЫННИКОВА**

ПРИДНЕСТРОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается приднестровская идентичность сквозь призму концепции онтологической безопасности. Акцентируется внимание на двух направлениях формирования приднестровской идентичности: цивилизационной и гражданской. Особое место в работе уделяется вопросам мнемонического противостояния между Молдовой и Приднестровьем.

СОЛДАТЕНКО Игорь Сергеевич – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, email: i.soldatenko2001@yandex.ru, SPIN-код: 8846-7436

СИТАЛОВА Виктория Андреевна – магистр кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления, Россия, Москва, email: vikasit999@yandex.ru, SPIN-код: 6763-0224

ПОЛЫННИКОВА Валерия Владимировна – магистр кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва, email: martozaVR2002@yandex.ru, SPIN-код: 8022-6051

Ключевые слова: Приднестровье, онтологическая безопасность, историческая политика, идентичность, непризнанные государства

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_66

Введение

Приднестровская Молдавская Республика (далее – ПМР) – специфическая полития в Восточной Европе. Ее специфика заключается в непризнанном статусе республики. Современные исследователи дают следующую трактовку понятию «непризнанное государство»: территориальное образование, имеющее все признаки государства, но при этом не являющееся субъектом международных отношений в силу отсутствия международного признания [1, с. 4]. Приднестровье объявило о своей независимости от Молдовы в 1990 г., затем в 1992 г. последовал вооруженный конфликт, который закрепил де-факто отделение ПМР от Молдовы [2, с. 38]. Как и перед другими политиями, которые возникли на постсоветском пространстве после развала единого Союза, перед ПМР остро встал вопрос поиска и обретения собственной идентичности. Цель статьи – про-

анализировать процесс конструирования приднестровской идентичности в контексте феномена онтологической безопасности. Изучением приднестровской идентичности занимаются следующие специалисты: О.В. Леонтьева акцентирует внимание на современном состоянии приднестровской идентичности [3], М.С. Бабченко анализирует эволюцию приднестровской идентичности в контексте продолжающегося политического конфликта ПМР с Республикой Молдова [4], И.А. Войт изучает становление особой общности – приднестровский народ, как проявление формирования приднестровской идентичности [5], В.П. Степанов проводит компаративный анализ формирования идентичности в Молдове и в Приднестровье [6], А.А. Воронович и А.Ф. Фелькер изучают особенности реализации исторической политики в Приднестровье [7].

Методы

Изначально концепт онтологической безопасности развивался в контексте изучения психологии индивида. Онтологическая безопасность как безопасность макрополитического сообщества представлена в современной науке двумя основными подходами: рутинный подход и подход смыслов. Первый подход сфокусирован на рассмотрении способности государства к

обыденному (рутинному) взаимодействию с другими субъектами (в первую очередь с другими государствами) и его способности к поддержанию обычной жизнедеятельности, в то время как подход смыслов акцентирует внимание на нарративах, связанной истории конкретного государства, макрополитического сообщества. Эксперты отмечают, что эти два подхода не

вступают в конфликт друг с другом, а органично дополняют друг друга [8, с. 100]. Вопрос взаимодействия специфических политий, к которым относятся в том числе и непризнанные государства, между собой и с международными признанными государствами и организациями довольно сложен и обширен, требует отдельного досконального изучения, поэтому в данной работе мы сосредоточимся на нарративной составляющей онтологической безопасности. Воплощением нарративного подхода считается такое понятие как «биография нации», представляющее в своей сути биографический нарратив, поддерживающий коллективную субъектность, самосознание сообщества, через ретрансляцию представлений о его прошлом и возможном будущем. В этом контексте роль исторической политики заключается в инкорпорировании в нарратив конкретных коллективов разделяемых воспоминаний [9, с. 11–12].

В качестве методологической основы исследования использовались следующие подходы: исследование идентичности (национальной и цивилизационной), также использовались методы, используемые для исследования коллективной памяти – Memory studies.

Под национальной идентичностью в исследовании мы будем понимать одну из форм коллективной идентичности, в данном случае это идентичность определенного сообщества, претендующего на статус национально-государственного,

ключевой характеристикой которого является самосознание граждан этого сообщества как членов данного объединения, базирующееся на чувстве сопричастности с нацией [10, с. 405]. Под цивилизационной идентичностью мы будем понимать соотношение некоторой общности с той или иной локальной цивилизацией [11, с. 303]. В фокусе нашего исследования находится русский цивилизационный проект. Стержнем русского культурно-цивилизационного пространства выступают русский язык и русская культура, являющиеся базисом историко-культурного и геополитического проекта мирового значения, цивилизационные границы которого не всегда совпадают с государственной территорией [12, с. 53–54]. Ключевые системообразующие компоненты русского культурно-цивилизационного пространства (русский язык, русская культура, русская история) в научной литературе принято обозначать термином «русская культурная доминанта» [13, с. 8].

Русская культурная доминанта выступает одним из элементов культурного суверенитета. Культурный суверенитет не только обеспечивает конструирование, репродуцирование и укрепление национальной (макрополитической) идентичности, но выступает в качестве одного из центральных элементов обеспечения национальной безопасности, применительно к культурной сфере, своеобразным гарантом культурной безопасности.

Приднестровье как фронтир Русской цивилизации

Приднестровская политическая элита позиционирует непризнанную республику как неотъемлемую и органичную часть русского культурно-цивилизационного пространства¹. Также как и официальный российский исторический нарратив, приднестровский исторический нарратив базируется на принципах исторического континуитета².

Важную роль в формировании исторического сознания играет образовательный компонент. Естественным образом эта задача возлагается на дисциплины, связанные с общественными науками, и в первую очередь на предмет «История». В нормативных документах Министерства просвещения ПМР, делается акцент на необходимости формирования у обучающихся приднестровской гражданской идентичности и привития обучающимся идеи о неразрывности исторической судьбы Приднестровья и России. Также подчеркивается не-

обходимость формирования у приднестровцев представления о России как о большой общей родине и Приднестровья – как о малой родине [14, с. 8].

Монументальная политика, как часть исторической политики, играет значимую роль в продвижении нарратива о единении, истории Приднестровья и России. Сохраняются памятники, посвященные значимым личностям и моментам российской истории³, и устанавливаются новые: так, в 2020 г. в Тирасполе был торжественно открыт памятник Екатерине II⁴.

Политический символизм акцентирует внимание на визуальной составляющей идеи о неразрывности России и Приднестровья. Так, с 2017 г. российский триколор используется в республике наравне с государственным флагом ПМР⁵. Активно проводится политика по возвращению городам Приднестровья исторических (дореволюционных) гербов, на символическом уровне отсылаю-

¹ Вадим Красносельский: мы видим фактический срыв переговорного процесса между Молдавией и Приднестровьем // <https://www.pnp.ru/politics/vadim-krasnoselskiy-my-vidim-fakticheskiy-sryv-peregovornogo-processa-mezhdu-moldaviei-i-pridnestrovem.html> (дата обращения: 29.06.2025).

² Вадим Красносельский: Приднестровье — часть Русского мира // <https://www.pnp.ru/in-world/vadim-krasnoselskiy-pridnestrovo-chast-russkogo-mira.html> (дата обращения: 29.06.2025).

³ С 2024 года начнет работу Программа благоустройства и сохранения памятных мест и Мемориалов воинской Славы Великой Отечественной войны // <https://government.gospmr.org/s-2024-goda-nachnet-rabotu-programma-blagoustrojstva-i-sohraneniya-pamyatnyh-mest-i-memorialov-voinskoj-slavy-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения: 29.06.2025).

⁴ В Тирасполе открыли памятник Екатерине Великой // <https://novostipmr.com/ru/news/20-09-01/v-tiraspole-otkryli-pamyatnik-ekaterine-velikoy> (дата обращения: 29.06.2025).

⁵ В ПМР разрешено использовать российский флаг наравне с государственным // <https://novostipmr.com/ru/news/17-04-12/v-pmr-razresheno-ispolzovat-rossiyskiy-flag-naravne-s> (дата обращения: 29.06.2025).

щих к эпохе, когда эти города входили в состав Российской империи⁶.

Важное значение для поддержания цивилизационной идентичности имеют различные праздники, отмечаемые по случаю значимых исторических событий и дат. К примеру, с 2012 г. в ПМР на государственном уровне отмечается День народного единства (4 ноября). Любопытно, что в политическом дискурсе республики данный праздник инкорпорируется в локальный исторический нарратив, приобретая свою специфику: в поздравлении по случаю Дня народного единства президент ПМР В.Н. Красносельский заявил, что именно народное единство является основой приднестровской идентичности,

именно это единство позволило приднестровцам отстоять свою независимость в 1990-е гг.⁷

Можно констатировать что элементы русской культурной доминанты органично вплетены в политический дискурс ПМР, они служат инструментом манифестации сопричастности республики с русским цивилизационным проектом. А данная сопричастность может быть интерпретирована как проявление онтологической безопасности (обоснования собственной субъектности) ПМР в виду инкорпорирования республики в большой геополитический проект, продвигаемый и реализуемый государством-патроном Приднестровья.

Приднестровский народ: право на идентичность

Приднестровская гражданская идентичность представлена концептом –приднестровский народ. По мнению приднестровских историков, данная общность сформировалась в 1980-е–1990-е гг. [15, с. 6]. Высказывалась также идея о формировании особого этноса «приднестровцы», хотя сами приднестровские историки настаивают на том,

что понятие «приднестровский народ» следует трактовать как политическую нацию [16, с. 14]. В Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы формирование общности «приднестровский народ» названо одним из базовых элементов идеологии Приднестровского государства⁸.

⁶ Городам Приднестровья хотят вернуть исторические гербы и флаги // <https://novostipmr.com/ru/news/18-08-20/gorodam-pridnestrovya-hotyat-vernut-istoricheskie-gerby-i-flagi> (дата обращения: 29.06.2025).

⁷ Президент поздравил приднестровцев с Днем народного единства // <https://novostipmr.com/ru/news/24-11-04/prezident-pozdravil-pridnestrovcev-s-dnyom-narodnogo-edinstva> (дата обращения: 29.06.2025).

⁸ Указ Президента ПМР от 12 декабря 2018 года № 460 «Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019-2026 годы» // <https://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverjdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html> (дата обращения: 29.06.2025).

Становление приднестровской гражданской идентичности неразрывно связано со становлением и развитием самой ПМР. Приднестровская сторона выдвигает несколько тезисов, подкрепляющих право на самоопределение Приднестровья как самостоятельного политического субъекта. В частности, это нарративы, продвигающие следующие идеи: исторически Приднестровье никогда не входило в состав молдавского государства, приднестровская государственность возникла раньше молдавской (с 1924 по 1940 г. существовала Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика на территории современной ПМР), в то время как территория современной Молдовы в этот период находилась под румынской оккупацией. Молдавская ССР же была создана лишь в 1940 г. путем присоединения Приднестровья к Бессарабии, в 1990 г. молдавское политическое руководство признало создание МССР незаконным, тем самым выйдя из общего с Приднестровьем государства⁹. Вследствие этого приднестровской стороной активно продвигается идея воссоздания республики в конце 1980-х в – начале 1990-х в этом контексте МАССР позиционируется как первая приднестровская государственность, а незаконность провозгла-

шения Молдавской ССР 2 августа 1940 г., задокументированная в «Заключении комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г.», рассматривается приднестровской стороной как юридическая легитимация восстановления приднестровской независимости, которая была провозглашена 2 сентября 1990 г.¹⁰

Важным аспектом для формирования макрополитической идентичности является наличие конституирующего (значимого) «иного» на противопоставление, с которым и конструируется идентичность. Для Приднестровья таким значимым «иным» является Республика Молдова. Стоит отметить, что в этом контексте в первую очередь под «иным» следует понимать прорумынски настроенное политическое руководство Молдовы, а не молдаван как этнос (молдаване составляют значительную часть населения ПМР, а сама республика позиционируется приднестровской политической элитой, как страна, в которой защищается исконная молдавская культура). Антирумынизм является одной из определяющих черт приднестровской идентичности и одним из центральных

⁹ Наглядно о том, почему Приднестровье и Молдова разные государства, как была создана Молдавская ССР и почему Приднестровье имеет историческое право на самоопределение // <https://t.me/historypmr/4287?single> (дата обращения: 29.06.2025).

¹⁰ 23 июня 1990 года парламент Молдовы признал незаконным создание Молдавской ССР (МССР). Тем самым Кишинев расколол союзную республику, предоставив Приднестровью право на самоопределение // <https://t.me/historypmr/4286> (дата обращения: 29.06.2025).

нарративов в исторической политике. Связано это в первую очередь с травматической памятью о периоде нахождения территории будущего Приднестровья под румынской оккупацией в годы Великой Отечественной войны. В тот период территория будущего Приднестровья входила в состав губернаторства Транснистрия. В 2024 г. в ПМР был принят закон о запрете использования термина «Транснистрия» по отношению к Приднестровью¹¹. В.Н. Красносельский в своем телеграм-канале выпустил несколько постов, в которых обосновывал такое решение, заявив, что термин «Транснистрия» ассоциируется у приднестровцев с самым темным и страшным периодом в истории региона¹². Даже в условиях тяжелейшего энергокризиса, охватившего регион зимой 2025 г., эта тема осталась по-прежнему актуальной: в одном из постов в своем телеграм-канале Президент ПМР, поблагодарив иностранных журналистов за освещение ситуации в республике, обратился с просьбой не использовать по отношению к При-

днестровью термин «Transnistria», который оскорбляет историческую память приднестровцев¹³.

Мнемоническое противостояние развернулось и вокруг недавно вышедшего в Молдове учебника по истории для старших классов средних школ, в который включено «наследие» режима Антонеску [17, с. 5–6]. Свое негативное отношение относительно нового учебника истории высказал Президент ПМР, отметив, что в данном учебнике искажается роль участия режима Антонеску во Второй мировой войне¹⁴. Критический разбор содержания учебника был представлен на «Приднестровском историческом портале» в рамках интервью с кандидатом исторических наук В.А. Содолем¹⁵. В интервью экспертом подчеркивается, что помимо искажения истории Второй мировой войны в учебнике подвергаются искажению и причины конфликта между Молдовой и Приднестровьем, данный конфликт является своеобразным мифом-основанием для современной ПМР, позиционируется приднестровской стороной

¹¹ Запрет наименования «Транснистрия» // <https://vspmr.org/news/supreme-council/zapret-naimenovaniya-transnistriya-.html> (дата обращения: 29.06.2025).

¹² В Конституции ПМР черным по белому написано, что наше государство называется Приднестровская Молдавская Республика либо Приднестровье // <https://t.me/VadimKrasnoselsky/500> (дата обращения: 29.06.2025).

¹³ К Приднестровью сейчас повышенный интерес. Повод, к сожалению, безрадостный, но я благодарен СМИ за то, что пытаются рассказать о нашей проблеме, разобраться в ее причинах, содействовать решению // <https://t.me/VadimKrasnoselsky/554> (дата обращения: 29.06.2025).

¹⁴ Цитирую выдержки со страниц учебника для 12 класса молдавских школ «История румын и всеобщая история», выпущенного в 2024 году // <https://t.me/VadimKrasnoselsky/596> (дата обращения: 29.06.2025)

¹⁵ Фальсификация истории как метод когнитивной войны. О новом учебнике истории в Молдове // <https://rutube.ru/video/fe3b1f4a12b7f533de6904d92eac3cac/?r=wd> (дата обращения: 29.06.2025).

как борьба за независимость, а искаженная трактовка событий тех лет, в том числе и с помощью подобного учебника, гипотетически может привести к возобновлению горячей фазы конфликта¹⁶.

Сохранение и укрепление приднестровского народа, как особой общности разнообразных этниче-

ских групп, населяющих Приднестровье, является средством консолидации, которое позволяет мобилизовать приднестровцев как политическую нацию. А официальный исторический нарратив ПМР призван легитимизировать право республики на независимость.

Заключение

Приднестровье в современном виде возникло как ответ на кризис, закончившийся по итогу крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Тем не менее республика сумела выстоять, несмотря на многочисленные вызовы. Она продолжает существовать, продолжается укрепление особой общности «приднестровский народ». Как и предыдущий, 2026-й год в Приднестровье официально объявлен Годом

приднестровского народа, планируется проведение многочисленных тематических мероприятий¹⁷. Репродуцирование и укрепление приднестровской идентичности служит ключевым инструментом сохранения независимости Приднестровья. Центральное место в политике идентичности ПМР занимает формирование исторической памяти, выступающей одним из базисов онтологической безопасности.

Список литературы

1. Жмилевский В.Д. Специфические территории и особенности их существования: Справочник по международно-правовой специфике территорий. Казань: «Бук». 2018. 128 с.
2. Астахова С.В. Приднестровье: ситуация вокруг непризнанной республики // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2(63). С. 38–46. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-38-46
3. Леонтьева О.В. Приднестровская гражданская идентичность на современном этапе: основные риски и вызовы // Вестник

¹⁶ О новом учебнике истории в Молдове. Сознательное искажение причин конфликта между Молдовой и Приднестровьем // <https://t.me/historypmr/4169> (дата обращения: 29.06.2025).

¹⁷ Указ Президента ПМР от 28 августа 2025 года № 346 «Об объявлении 2026 года в Приднестровской Молдавской Республике Годом приднестровского народа» // <https://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-obyavlenii-2026-goda-v-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike-godom-pridnestrovskogo-naroda.html> (дата обращения: 21.01.2026).

Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 1 (76). С. 282–288.

4. Бабченко М. С. Эволюция приднестровской идентичности в условиях неурегулированного конфликта с Республикой Молдова // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 56–66. DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.5

5. Войт И. А. формирование приднестровского народа как процесс формирования приднестровской идентичности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 32–36.

6. Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). Москва; Тирасполь. РИСИ. 2015. 222 с.

7. Воронович А.А., Фелькер А.В В поисках прошлого: мемориальный ландшафт непризнанной ПМР // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2020. С. 572–590.

8. Лемешевский О.О. Концепция онтологической безопасности в политической науке: теоретические и прикладные аспекты / О. О. Лемешевский // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2024. № 23-1. С. 97–104.

9. Понамарева А.М., Растегаев Д.О. Международное измерение проблематики исторической памяти: Учебно-методические материалы РСМД № 12 / 2025 / А. М. Понамарева, М.: Российский совет по международным делам. 2025. 52 с.

10. Семененко И.С. Национальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Москва: Весь Мир. 2017. С. 405–413.

11. Пантин В.И. Цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Издательство «Весь Мир». 2023. С. 302–309.

12. Яхшиян О.Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика // Вестник университета. 2019. № 10. С. 52–58. DOI 10.26425/1816-4277-2019-10-52-58.

13. Яхшиян О.Ю., Омельченко Н.А. Русская культурная доминанта и российская национальная идентичность // PolitBook. 2019. № 3. С. 6–31.

14. Методические рекомендации по разработке рабочих программ по учебному предмету «История» для 5–9 классов. Тирасполь: ИРОиПК. 2022. 149 с.

15. Феномен Приднестровья / Н.В. Бабилунга, С.И Берил и др.; 2-е изд., перераб. и доп. Тирасполь: РИО ПГУ. 2003. 336 с.
16. Бомешко, Б. Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990-1992 гг. Бендеры: Полиграфист. 2010. 520 с.
17. Лавренов С. Я. Молдова накануне решающего выбора: Парламентские выборы-2025 // Постсоветский материк. 2025. № 2(46). С. 4-17. DOI 10.48137/23116412_2025_2_4.

SOLDATENKO Igor S. – postgraduate student, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, email: i.soldatenko2001@yandex.ru

SITALOVA Victoria A. – Master's degree, Department of Public Administration and Financial Technologies, State University of Management, Russia, Moscow, email: vikasit999@yandex.ru

POLYNNIKOVA Valeria V. – Master's Degree, Department of Public Administration and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow, email: martozaavr2002@yandex.ru

Keywords: Transnistria, ontological security, historical politics, identity, unrecognized states

PRIDNESTROVIAN IDENTITY AS A MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF ONTOLOGICAL SECURITY

Abstract

The article examines the Pridnestrovian identity through the prism of the concept of ontological security. The article focuses on two directions of the formation of the Transnistrian identity: civilizational and civic. A special place in the work is given to the issues of the mnemonic confrontation between Moldova and Pridnestrovie.

References

1. Zhmilevsky V.D. Specific territories and features of their existence: A handbook on the international legal specifics of territories. Kazan: Buk. 2018. 128 p.

2. Astakhova S.V. Transnistria: The Situation around the Unrecognized Republic // Russia and New States of Eurasia. 2024. No. 2(63). P. 38–46.
3. Leonteva O.V. The pridnestrovien civic identity at present stage: main risks and challenges // Bulletin of the Pridnestrovian University Series: Humanities. 2024. No. 1(76). P. 282–288.
4. Babchenko M.S. The evolution of the Pridnestrovian identity in the context of the unresolved conflict with the Republic of Moldova // Science. Culture. Society. 2023. No.29(2) P. 56–66.
5. Voit I.A. The formation of the pridnestrovian people as a formation process of a pridnestrovian identity // Scientific notes of the Orel State University 2021. No. 4(93). P. 32–36.
6. Stepanov V. P. Ethnopolitical construction of civic identity on the two banks of the Dniester (1989-2014). Moscow; Tiraspol, RISI, 2015. 222 p.
7. Voronovich A.A., Felker A.V. In Search of the Past: The Memorial Landscape of the Unrecognized PMR // Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern European Countries. Actors, Institutions, and Narratives: A Collective Monograph / Ed. by A. I. Miller and D. V. Efremenko. St. Petersburg: European University Press. 2020. P. 572–590.
8. Lemeshevsky O.O. The concept of ontological security in political science: theoretical and applied aspects // Scientific Papers of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and Humanitarian Sciences 2024. No. 23-1. P. 97–104.
9. Ponamareva A.M., Rastegaev D.O. The international dimension of the problems of historical memory: Teaching materials of the INF Treaty No. 12/2025. Moscow: Russian Council for International Affairs. 2025. 52 p.
10. Semenenko I.S. National Identity // Identity: Personality, Society, Politics: Encyclopedic Edition. Moscow: Ves' Mir. 2017. P. 405–413.
11. Pantin V.I. Civilizational Identity // Identity: Personality, Society, and Politics. New Contours of the Research Field. Moscow: Ves' Mir Publishing House. 2023. P. 302–309.
12. Yakhshiyani O.Yu. Russian cultural (civilizational) code: identity and policy // Vestnik universiteta. 2019. No. 10. P. 52–58.
13. Yakhshiyani O. Yu., Omelchenko N.A. Russian cultural dominant idea and russian national identity // PolitBook. 2019. No. 3. P. 6–31.
14. Guidelines for developing working programs for the History subject for grades 5–9. Tiraspol: IROiPK. 2022. 149 p.
15. The Phenomenon of Pridnestrov`ya / N.V. Babilunga, S.I. Beril, et al.; 2nd edition, revised and expanded. Tiraspol: RIO of PSU. 2003. 336 p.

16. Bomeshko B.G. The Creation, Formation, and Protection of Pridnestrovian Statehood. 1990–1992. Bendery: Poligrafist. 2010. 520 p.

17. Lavrenov S.Ya. Moldova on the eve of a decisive choice: parliamentary elections–2025 // Post-Soviet continent. 2025. No. 2 (46). Pp.4–17.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025 г.

Принята к публикации 31.01.2026 г.

ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

В 2026 году наш учредитель и издатель, Институт стран СНГ, отмечает 30-летие со дня основания. Это важная дата в истории российского аналитического сообщества, занимающегося всесторонним исследованием постсоветского пространства и проблемами российской диаспоры. Приглашаем коллег и партнеров принять участие в юбилейных мероприятиях, информация о которых будет размещена на сайте института <https://i-sng.ru/>

Елена ЦАРЕГОРОДЦЕВА

Яна ЖИГУНОВА

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация

Информационная безопасность становится ключевым условием устойчивого развития экономики, поскольку цифровизация бизнеса сопровождается ростом числа кибератак на конфиденциальную экономическую информацию. На основе анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации в сфере информационной безопасности, статистических данных Росстата, Центрального банка России и компании Forbes, а также современных научных исследований и кейсов внедрения искусственного интеллекта (ИИ) показано, что традиционные методы защиты не обеспечивают должного уровня защиты экономических данных. Выявлено, что государство последовательно формирует комплексную систему противодействия экономическим преступлениям, однако масштабы киберпреступности остаются значительными. Обоснована ключевая роль искусственного интеллекта как стратегического инструмента выявления и предотвращения нелегальных операций за счет анализа больших данных, применения алгоритмов машинного обучения, генеративных моделей, биометрических технологий и

ЦАРЕГОРОДЦЕВА Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, Россия, Иркутск, email: elenaporpova86@mail.ru, SPIN-код: 6113-6771, ORCID: 0009-0006-2661-3616

ЖИГУНОВА Яна Анатольевна – кандидат технических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, Россия, Иркутск, email: y.zhigunova@internet.ru, SPIN-код: 6537-0369, ORCID: 0009-0009-4551-7197

Ключевые слова: информационная безопасность, защита экономической информации, искусственный интеллект, киберпреступность, государственное регулирование, большие данные, машинное обучение

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_79

квантовых вычислений. Сформулированы рекомендации по интеграции ИИ-решений в практику государственного регулирования и корпоративных систем защиты экономической информации с учетом необходимости баланса между надежностью защитных механизмов и удобством их использования.

Государственная политика в отношении защиты экономической информации

Искусственный интеллект становится важным инструментом защиты экономической информации благодаря своей способности быстро обнаруживать угрозы, анализировать большие объемы данных и автоматизировать процессы безопасности. В условиях глобализации и цифровизации экономики роль ИИ в защите экономической информации приобретает особое значение. Эффективное противодействие киберугрозам способствует укреплению экономической безопасности, повышению уровня доходов бюджета и улучшению условий для честного бизнеса.

Актуальность темы исследования обусловлена развитием информационных технологий и ростом объемов экономических данных. В условиях цифровизации экономики увеличивается количество угроз, связанных с киберпреступностью, утечками конфиденциальной информации и кибератаками, что требует внедрения современных и эффективных методов защиты.

Авторами статьи проведено исследование роли ИИ в борьбе с не-

санкционированным доступом к экономической информации. Выявлено, что государство играет ключевую роль в борьбе с утечками конфиденциальной информации, реализуя широкий спектр мер и инструментов.

Во-первых, правительство принимает законы, регулирующие порядок обращения с конфиденциальной информацией и устанавливающие ответственность за нарушение конфиденциальности и правила ее защиты. Так, закон «О персональных данных» обязывает операторов персональных данных обеспечивать сохранность и неприкосновенность личной информации граждан¹. Кроме того, государство создает специальные ведомства и комиссии, занимающиеся контролем соблюдения законов в области защиты информации. Федеральная служба безопасности (ФСБ) и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций играют ведущую роль в разработке нормативных актов и координации усилий государствен-

¹ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ // Консультант Плюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 23.10.2025).

ных органов по охране конфиденциальных данных.

Во-вторых, государство поддерживает развитие инновационных решений для предотвращения утечек. Разрабатываются национальные стандарты криптографической защиты информации, обеспечивается сертификация программного обеспечения и оборудования, используемого государственными учреждениями и предприятиями критической инфраструктуры. Российским компаниям предоставляются гранты и субсидии на разработку отечественных антивирусных продуктов, систем мониторинга и предотвращения утечек (DLP-систем). Государство также стимулирует использование отечественного ПО и аппаратуры, снижая зависимость от зарубежных производителей.

В-третьих, сотрудники госорганов и организаций регулярно обучаются правилам работы с конфиденциальной информацией. Они проходят курсы повышения квалификации, направленные на формирование культуры информационной безопасности. Предприятия проходят обязательные проверки на предмет соответствия требованиям защиты данных. Организации обязаны назначать ответственных лиц за защиту информации, проводить внутренний аудит и регулярно обновлять инструкции по работе с конфиденциальными материалами. Нарушение установленных норм влечет наложение штрафов и привлечение виновных к административной ответственности.

Наконец, Российская Федерация участвует в международном сотрудничестве по вопросам защиты информации, обмениваясь опытом и технологиями с зарубежными партнерами. Создаются совместные рабочие группы и проводятся международные конференции, посвященные проблемам информационной безопасности. Активно развиваются двусторонние соглашения о взаимной помощи в расследовании преступлений, связанных с утечками конфиденциальной информации. Такое взаимодействие значительно усиливает потенциал борьбы с международными преступниками, стремящимися похитить коммерческие тайны и персональные данные.

Роль ИИ в борьбе с экономической преступностью многогранна и требует комплексного подхода, включающего эффективное государственное регулирование, современные технологии, международное сотрудничество, повышение правовой культуры населения, а также четкую организацию контроля и обучение персонала. Важным условием успеха остаются постоянное совершенствование механизмов контроля и адаптация к новым вызовам глобальной экономики [1]. В этом контексте эффективная защита от утечек конфиденциальной информации опирается на сочетание законодательных инициатив, технологических решений и управленческих мер. Россия последовательно реализует стратегию укрепления информационной

безопасности, защищая интересы бизнеса и граждан от незаконных посягательств на личные и государственные секреты [2].

Система на основе ИИ способна непрерывно контролировать поток транзакций, выделяя любые отклонения от нормального поведения. Это особенно важно для предотвращения мошенничества и неправомерного доступа к

финансовым ресурсам. Система анализирует каждый этап транзакции, включая отправителя, получателя, сумму перевода и географическое положение участников сделки. Такой мониторинг полезен для банковских учреждений, бирж и платежных сервисов, позволяя выявить потенциально опасные операции до момента их завершения.

Сотрудничество государства и ученых в сфере киберпреступности

В современной научной среде изучение искусственного интеллекта является приоритетным направлением, к которому приковано внимание множества исследователей. Среди наиболее активных и значимых ученых, работающих над развитием и применением ИИ, выделяются представители различных областей науки, чьи труды вносят существенный вклад в продвижение технологий [3; 4; 5]. Так, деятельность А. А. Гусева связана с продвижением цифровых технологий и развитием нейросетей [6]. В. П. Марьяненко является специалистом в области нейронных сетей и их практического применения – в частности, в медицине и промышленности [7]. О. А. Кузнецов исследует компьютерное зрение и распознавание образов, активно разрабатывая системы автоматического анализа изображений и видео [1]. Л. В. Такашвили участвовал в создании электронного генератора нейроноподобной ак-

тивности (искусственного нейрона) [8].

Ученые помогают формировать рекомендации по совершенствованию законодательства, разрабатывают системы на базе машинного обучения для выявления аномалий и подозрительной активности в информационных системах предприятий и финансовых организаций. Также для защиты экономической информации искусственным интеллектом используются инновационные технологии, такие как блокчейн. Современная наука помогает использовать методы глубинного обучения для анализа сетевого трафика и выявления мошенничества.

Исследования в области защиты экономической информации с применением ИИ ведутся в следующих институтах:

– Институт системных исследований РАН ведет разработки в области кибербезопасности, анализа угроз и автоматического обнаружения атак с использованием ИИ;

– Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН разрабатывает методы защиты информации, в том числе на основе машинного обучения и искусственного интеллекта;

– Московский физико-технический институт (МФТИ) проводит исследования в области кибербезопасности, криптографии и ИИ для обеспечения защиты данных;

– Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» ведет проекты по ана-

лизу финансовых потоков, выявлению мошенничества и обеспечению безопасности экономической информации.

В целом, сотрудничество государства с учеными в борьбе с киберпреступностью способствует созданию научно обоснованных стратегий, повышению эффективности контрольных мер и развитию инновационных технологий, что в конечном итоге способствует формированию прозрачной и легальной экономики.

Потенциал ИИ в качестве средства защиты экономической информации

По данным Росстата, в 2024 году наиболее подверженными кибератакам оказались следующие отрасли: торговля (83%), обрабатывающее производство (80%), сфера информации и связи (60%). Менее уязвимыми оказались финансовая отрасль и страхование (25%)².

По данным компании Forbes, в первом полугодии 2025 года доля несанкционированного доступа к экономической информации составила около 40% от всех взломов³. При этом взлом учетных записей пользователей и серверов уменьшился в 2 раза: с 15,1 до

7,1% [9]. За 10 месяцев 2025 года число преступлений, которые совершались с применением информационных технологий, сократилось на 5,5% по сравнению с предыдущим годом⁴.

По данным Центрального банка России, применение ИИ для сокращения преступлений различных секторов экономики становится эффективнее с каждым годом. Так, в сфере строительства доля раскрытия таких преступлений увеличилась с 35% в 2023 году до 43% в 2025. В торговле этот показатель вырос с 26% в 2024 году до 35% в

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.10.2025).

³ Доля хакерских атак для сбора данных об уязвимостях выросла более чем в пять раз // <https://www.forbes.ru/tekhnologii/543733-dola-hakerskih-atak-dla-sbora-dannyh-ob-uazvimostah-vyroslo-bolee-chem-v-pat-raz> (дата обращения: 24.10.2025).

⁴ России удалось преломить тенденцию роста онлайн-преступности // <https://d-russia.ru/rossii-udalos-prelomit-tendenciju-rosta-onlajn-prestupnosti-genprokuratura.html> (дата обращения: 24.10.2025).

2025. В сфере услуг – с 25% в 2024 году до 31% в 2025⁵.

Обзор данных показывает, что существующие методики в области информационной безопасности сегодня не в силах гарантировать полную сохранность данных и требуют кардинального переосмысления. Поскольку традиционные средства защиты информации (антивирусы, файрволы) часто не успевают реагировать на новые угрозы, современная экономическая система России требует внедрения новых технологий. К таким относятся, например, квантовые вычисления. Благодаря использованию квантовых технологий появляется возможность мгновенно распознавать попытки перехвата финансовых данных [9; 10]. ИИ-системы способны анализировать огромные массивы данных в реальном времени и выявлять аномалии, которые человек или классические программы могут пропустить.

К ключевым методам оценки потенциала ИИ в качестве средства защиты экономической информации относятся следующие:

1. Анализ документов и нормативно-правовых актов. Он включает систематизированный сбор и обработку информации из официальных документов, регламентирующих вопросы информационной безопасности и защиты данных и позволяет

установить требования, предъявляемые к применению ИИ в сфере защиты экономической информации.

2. Кейс-анализ проектов с успешной интеграцией ИИ-решений для защиты экономической информации. Он позволяет выявить лучшие практики и подходы для максимальной защиты данных, а также обнаружить ограничения используемых технологий.

3. Сбор и обработка количественных показателей эффективности внедрения ИИ-систем защиты экономической информации. Такой анализ показывает динамику изменений уровня безопасности и экономический эффект от использования ИИ. Так, благодаря внедрению ИИ-систем мониторинга и контроля в 2024 году число утечек данных в России снизилось в 10,5 раза⁶.

4. Применение классических методик анализа сильных и слабых сторон (SWOT). Это позволяет оценить факторы внешней среды и внутренние условия, влияющие на внедрение ИИ-систем для защиты экономической информации [4].

Искусственный интеллект как инструмент защиты экономической информации должен включать в себя следующие меры [11]:

– внедрение цифровых платформ и автоматизация контроля с созданием и развитием систем автоматизированного мониторинга

⁵ Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на новые финансовые услуги // https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/; Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.10.2025).

⁶ ИИ сократил преступность в России в десятки раз // <https://www.securitylab.ru/news/554763.php> (дата обращения: 21.10.2025).

сети и выявление аномалий поведения пользователей и устройств (например, системы автоматического анализа данных налоговых деклараций, платежных систем и банковских операций);

- применение алгоритмов классификации и шифрования данных, повышение уровня конфиденциальности и защищенности экономических данных путем автоматической сортировки и шифрования информации в зависимости от ее важности и чувствительности;

- использование больших данных и аналитических систем для выявления аномалий и подозрительных операций в реальном времени;

- применение искусственного интеллекта и машинного обучения для создания моделей выявления схем уклонения от налогов и иных нелегальных операций;

- расширение применения генеративных моделей для тестирования устойчивости систем;

- биометрическое распознавание и двухфакторная аутентификация, предотвращение несанкционированного доступа к важным экономическим данным и ресурсам организации [5];

- внедрение квантовых вычислений для повышения устойчивости систем защиты и ускорения анализа данных (по примеру Google, IBM и Microsoft);

- аналитика и оценка потенциальных угроз с помощью предсказательных моделей, раннее предупреждение возможных кибератак и обеспечение своевременной реакции на потенциальные риски;

- разработка платформ для совместного анализа и реагирования на риски нелегальной деятельности.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

В эпоху цифровых вызовов ИИ становится не просто инструментом, а стратегическим элементом кибербезопасности бизнеса. Несмотря на ежегодное снижение доли киберпреступлений за счет внедрения ИИ-систем, их объем остается значительным.

Благодаря использованию квантовых технологий появляется возможность мгновенно распознавать попытки перехвата финансовых данных. Искусственный

интеллект помогает анализировать огромные потоки информации, выявлять преступные схемы в режиме реального времени и автоматически внедрять меры по защите новых угроз.

Рассмотренные предложения по успешному применению искусственного интеллекта как инструмента защиты экономической информации требуют системного и комплексного подхода с регулярным обновлением моделей и соблюдения баланса между защитой и удобством пользователей.

Список литературы

1. Кузнецов О. А. Место информационных технологий в дисциплине «Методы оптимизации» // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации: материалы Десятой открытой Всероссийской конференции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012. С. 331-334.
2. Корнев Л. В. Методы биометрии при обеспечении информационной безопасности // Молодой ученый. 2022. № 17 (412). С. 358-361.
3. Баранов А. М. Информационная экономика: историко-методологические основания // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 2. С. 297-318.
4. Бекиев Я., Шыхыева О., Абдыева М., Тойлыев М. Методы шифрования и защита данных в условиях квантовых вычислений // Символ науки: международный научный журнал. 2024. Т. 1. № 11-1. С. 43-46.
5. Вицко Е. А., Марьяненко В. П., Попова М. И. Оценка и моделирование сбалансированного финансово-экономического развития федеральных округов в целях обеспечения экономической безопасности // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 9. С. 1148-1159.
6. Гусев А. А. Какие нейросети и как может использовать врач в своей ежедневной работе: практические рекомендации // Vestnik Urologii. 2025. №13(1). С. 99-108.
7. Марьяненко В. П. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование / Монография. М: ИНФРА-М. 2022. 414 с.
8. Сысоева М. В., Корнилов М. В., Такаишвили Л. В., Матросов В. В., Сысоев И. В. Реконструкция интегрированных уравнений системы фазовой автоподстройки частоты под периодическим внешним воздействием по скалярному временному ряду // Известия вузов. ПНД. 2022. Т. 30. № 4. С. 391-410.
9. Царегородцева Е. Ю. Проблемы экономической безопасности предприятий // Проблемы развития предприятий: теория и практика: Сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Пенза, 22-23 апреля 2025 года. Пенза: ПГАУ. 2025. С. 588-592.
10. Раткин Л. С. Квантовые коммуникации, криптография и стеганография для защиты данных в корпоративных информационных системах // Защита информации. Инсайд. 2024. № 1 (115). С. 8-11.
11. Плотников В. А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1 (52). С. 15-25.

TSAREGORODTSEVA Elena Y. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Irkutsk State Transport University, Russia, Irkutsk, email: elenapopova86@mail.ru

ZHIGUNOVA Yana A. – PhD in Engineering Sciences, Associate Professor at Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, email: y.zhigunova@internet.ru

Keywords: information security, protection of economic information, artificial intelligence, cybercrime, government regulation, big data, machine learning

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR PROTECTING ECONOMIC INFORMATION

Abstract

Information security is becoming a key condition for the sustainable development of the economy, as the digitalization of business is accompanied by an increase in the number of cyber attacks on confidential economic information. Based on the analysis of regulatory legal acts of the Russian Federation in the field of information security, statistical data from Rosstat, the Central Bank of Russia and Forbes, as well as modern scientific research and cases of the introduction of artificial intelligence (AI), it is shown that traditional methods of protection do not provide an adequate level of protection of economic data. It has been revealed that the state consistently forms a comprehensive system for countering economic crimes, but the scale of cybercrime remains significant. The key role of artificial intelligence as a strategic tool for detecting and preventing illegal transactions through the analysis of big data, the use of machine learning algorithms, generative models, biometric technologies and quantum computing is substantiated. Recommendations on the integration of AI solutions into the practice of government regulation and corporate economic information protection systems are formulated, taking into account the need for a balance between the reliability of protective mechanisms and the convenience of their use.

References

1. Kuznetsov O. A. The place of information technology in the discipline "Optimization methods" // Teaching information technology in the Russian Federation: proceedings of the Tenth Open All-Russian Conference. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 2012. pp. 331-334.
2. Kornev L. V. Methods of biometrics in ensuring information security // Young scientist. 2022. No. 17 (412). pp. 358-361.
3. Baranov A. M. Information economics: historical and methodological foundations // Historical and economic research. 2016. Vol. 17. No. 2. pp. 297-318.
4. Bekiev Ya., Shykhyeva O., Abdiyeva M., Toylyev M. Methods of encryption and data protection in conditions of quantum computing // Symbol of Science: international scientific journal. 2024. Vol. 1. No. 11-1. pp. 43-46.
5. Vitsko E. A., Maryanenko V. P., Popova M. I. Evaluation and modeling of a balanced financial-economic development of the federal districts in order to ensure economic security // Economics and management. 2025. Vol. 31. No. 9. pp. 1148-1159.
6. Gusev A. A. Which neural networks and how a doctor can use in his daily work: practical recommendations // Vestnik Urologii. 2025. No. 13(1). pp. 99-108.
7. Maryanenko V. P. Information network economics: structure, dynamics, regulation / Monograph. Moscow: INFRA-M. 2022. 414 p.
8. Sysoeva M. V., Kornilov M. V., Takaishvili L. V., Matrosov V. V., Sysoev I. V. Reconstruction of integrated equations of a phase frequency auto-tuning system under periodic external influence over a scalar time series // Izvestiya vuzov. MON. 2022. T. 30. № 4. pp. 391-410.
9. Tsaregorodtseva E. Yu. Problems economic security of enterprises // Problems of enterprise development: theory and practice: Collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference, Penza, April 22-23, 2025. Penza: PGAU. 2025. pp. 588-592.
10. Ratkin L. S. Quantum communications, cryptography and steganography for data protection in corporate information systems. Insid. 2024. No. 1 (115). pp. 8-11.
11. Plotnikov V. A. Structural transformations of the Russian economy under the influence of shocks and national economic security // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Economics and Management. 2023. No. 1 (52). pp. 15-25.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025 г.

Принята к публикации 26.11.2025 г.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. ЧАСТЬ III

Аннотация

Статья посвящена анализу дифференциации уровня жизни населения России в контексте угроз экономической безопасности. Работа является продолжением цикла исследований и направлена на оценку ключевых социально-экономических показателей, характеризующих уровень жизни населения, с использованием индексного метода и метода доверительных интервалов. В центре внимания находятся реальные денежные доходы населения, уровень бедности, децильный коэффициент, коэффициент Джини, а также соотношение среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума.

На основе проведенных расчетов выявлены основные тенденции изменения указанных показателей в динамике, а также определены зоны риска с точки зрения экономической безопасности. Дополнительно выполнено прогнозирование ключевых параметров уровня жизни с применением различных методов, что позволило сформировать альтернативные сценарии их развития в среднесрочной перспективе. Полученные результаты свидетельствуют о неоднозначности социально-экономической динамики: наряду с отдельными признаками улучшения сохраняются устойчивые риски, связанные с социальной дифференциацией и бедностью.

БИКБУЛАТОВ Денис Ринатович – аспирант кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, Москва, email: denisibikbulatov@gmail.com, SPIN-код: 8437-1275

Ключевые слова: экономика, экономическая безопасность, уровень жизни, бедность, дифференциация уровня жизни, социальное неравенство

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_89

Сделан вывод о необходимости активной и целенаправленной государственной политики в социальной сфере, ориентированной на снижение неравенства, повышение уровня жизни населения и минимизацию угроз экономической безопасности Российской Федерации.

Настоящее исследование является продолжением статьи «Дифференциация уровня жизни населения как угроза экономической безопасности России. Часть II» [1], в которой автор анализировал показатели, характеризующие социальную безопасность Российской Федерации. Для разработки мер государственной политики по снижению воздействия угроз на экономическую безопасность как государства, так и отдельных субъектов, необходимо провести оцен-

ку показателей¹, характеризующих исследуемый раздел экономической безопасности. Для оценки были использованы индексный метод и метод систем доверительных интервалов².

Реальные денежные доходы россиян, как было показано в предыдущей статье, не достигали порогового значения в 105% (то есть роста реальных доходов на 5% в год). Также стоит отметить, что 6 из 10 исследуемых лет имели падение реальных доходов населения (табл. 1).

Таблица 1.

Оценка реальных денежных доходов россиян, индексный метод

2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
96,78	95,19	94,68	97,12	98,18	98,29	96,44	99,4	96,89

Расчеты, выполненные с использованием индексного метода, показывают, что в течение всего исследуемого периода значение показателя реальных денежных доходов населения находилось в зоне умеренного риска. Это свидетельствует об отсутствии критических

угроз экономической безопасности по данному параметру, несмотря на нестабильную динамику. Минимальное значение индекса было зафиксировано в 2016 г. (94,68), максимальное — в 2021 г. (99,4), что указывает на частичное восстановление показателя в конце периода.

¹ Методологические пояснения гг. Росстат гг. https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Методологические%20поясненияуров_351979.html (дата обращения: 20.11.2025).

² 1. Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 N 542 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. N 915» гг. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382080/9f46411e35a8c31f9068ee0e9490210234e83e54/ (дата обращения: 20.11.2025).

Таблица 2.**Оценка реальных денежных доходов россиян, метод доверительных интервалов**

2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
99,2	96,4	95,5	99,8	101,7	101,9	98,6	103,9	99,4

Применение метода доверительных интервалов позволяет выявить более дифференцированную динамику угроз. В 2015–2016 гг. показатель находился в зоне значительной угрозы, что отражает резкое снижение реальных доходов населения. Начиная с 2017 г. наблюдалось постепенное улучшение

ситуации: в 2018–2019 гг. показатель перешел в зону умеренного риска, а в 2019 и 2021 гг. – в зону отсутствия угроз. Однако в 2020 и 2022 гг. вновь зафиксирован переход в зону высокого риска, что свидетельствует о сохраняющейся нестабильности доходов населения.

Таблица 3.**Оценка уровня бедности, индексный метод**

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
74,65	72,73	65,93	66,51	67,39	68,31	69,26	69,92	73,87	78,95

Индексы оценки уровня бедности, рассчитанные с использованием индексного метода, в основном находились в зоне значительного риска, соответствующей значениям от 50% до 75%. Нахождение показателя в данной зоне свидетельствует о неблагоприятной динамике и требует повышенного внимания к тенденциям его изменения.

Лишь в последний год исследуемого периода показатель перешел в зону умеренного риска (от 75% до 100%), что указывает на формирование положительной тенденции. Максимальное значение индекса было зафиксировано в 2022 г. и составило 78,95, минимальное – в 2015 г. (65,93).

Таблица 4.**Оценка уровня бедности, метод доверительных интервалов**

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3	12,1	11	9,8

Оценка уровня бедности с использованием метода доверительных интервалов показывает, что в 2015–2016 гг. показатель находился в зоне значительной угрозы экономической безопасности, достигнув максимального значения за

весь исследуемый период. В последующие годы наблюдалось постепенное снижение уровня бедности: с 2017 по 2019 гг. показатель находился в зоне высокого риска, в 2020 г. – в зоне умеренного риска, а с 2021 г. – в зоне отсутствия угроз.

Таблица 5.

Оценка децильного коэффициента, индексный метод

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
97,61	98,39	99,19	100	98,39	99,19	99,19	101,91	100	109,93

Расчеты децильного коэффициента с использованием индексного метода свидетельствуют о том, что в большинстве лет показатель находился в зоне умеренного риска. В 2016 г., а также в период с 2020 по 2022 гг. значение показателя соот-

ветствовало зоне отсутствия угроз, что указывает на относительное снижение дифференциации доходов. Максимальное значение индекса было зафиксировано в 2022 г. (109,93), минимальное – в 2013 г. (97,61).

Таблица 6.

Оценка децильного коэффициента, метод доверительных интервалов

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
7,3	7,2	7,1	7	7,2	7,1	7,1	6,9	7	6,5

По результатам оценки с использованием метода доверительных интервалов в начале исследуемого периода децильный коэффициент находился в зоне значительной угрозы. В 2014–2015 и 2017–2019 гг. показатель соответствовал зоне высокого риска. В 2020 и 2022 гг. он перешел в зону

отсутствия угроз, что указывает на улучшение ситуации. Минимальное значение коэффициента наблюдалось в 2022 г. (6,5), максимальное – в 2013 г. (7,3).

Оба метода сходятся в оценке 2022 года. Оба метода определяют значение показателя в зону отсутствия угроз.

Таблица 7.

Оценка коэффициента Джини, индексный метод

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
82,73	82,96	83,31	83,31	83,42	83,07	83,31	84,01	83,66	85,23

Индексы оценки коэффициента Джини в течение всего исследуемого периода находились в зоне умеренного риска. Это свидетельствует о сохраняющемся уровне

социального неравенства без резких колебаний. Наибольшее значение показателя было зафиксировано в 2022 г. (85,23), наименьшее – в 2013 г. (82,73).

Таблица 8.**Оценка коэффициента Джини, метод доверительных интервалов**

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
0,417	0,415	0,412	0,412	0,411	0,414	0,412	0,406	0,409	0,396

Результаты оценки коэффициента Джини с использованием метода доверительных интервалов показывают, что в начале исследуемого периода показатель находился в зоне значительной угрозы. В 2014–2015 и 2018–2019 гг. он соответствовал зоне высокого риска, в 2017 и 2021 гг. – зоне

умеренного риска. В 2020 и 2022 гг. показатель перешел в зону отсутствия угроз, что отражает некоторое снижение уровня неравенства.

Оба метода оценки сходятся в том, что показатели 2017 и 2021 гг. находятся в зоне умеренного риска возникновения угрозы.

Таблица 9.**Оценка соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, индексный метод**

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
92,84	91,15	86,66	87	87,34	88,62	88,89	88,01	91,97	88,38

Индексы оценки соотношения среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума в течение всего периода находились в зоне умеренного риска. Максимальное значение

показателя было зафиксировано в 2013 г. (92,84), минимальное – в 2015 г. (86,66), что свидетельствует о длительном сохранении разрыва между доходами и базовыми потребностями населения.

Таблица 10.**Оценка соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, метод доверительных интервалов**

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
351,6	340,5	311,9	314,1	316,2	324,3	326	320,4	345,9	322,8

Оценка показателя с использованием метода доверительных интервалов выявляет значительную волатильность. В 2015 г. показатель перешел в зону значительной угрозы, после чего в 2016–2019 гг.

наблюдалось постепенное улучшение. В 2020 г. вновь зафиксирован рост риска, в 2021 г. – переход в зону отсутствия угроз, а в 2022 г. – возвращение в зону высокого риска.

Рис. 1. Оценка уровня бедности субъектов Российской Федерации в 2022 г., метод доверительных интервалов

Данный рисунок демонстрирует оценку уровня бедности по всем регионам России при помощи метода систем доверительных интервалов, составленных на основе показателей внутри Федерального округа, на 2022 г. Большинство регионов России (31 субъект) входит в зону отсутствия угроз экономической безопасности. Тем не менее, сопоставимое число регионов (30 субъектов) входит в зону наличия умеренного риска возникновения угрозы экономической безопасности. 17 субъектов входят в зону с наличием высокого риска возникновения угроз экономической безопасности³. Семь субъектов входят в зону наличия

значительной угрозы экономической безопасности внутри своего Федерального округа. Стоит отметить, что в европейской части России отсутствуют угрозы экономической безопасности и умеренный риск возникновения угрозы имеется у одинокого количества субъектов (по 21 субъекту в каждой зоне). Двенадцать субъектов имеют высокий риск возникновения угроз, 4 субъекта (Республика Марий Эл, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия и Смоленская область) имеют значительную угрозу экономической безопасности. В азиатской части России у 10 регионов отсутствует угроза экономической безопас-

³ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума гг. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftab_2-1.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 20.03.2025).

ности, у 9 имеется умеренный риск возникновения угрозы, у 5 имеется высокий риск возникновения угроз, у 3 регионов (Еврейская автономная область, Республика Тыва и Курганская область) имеется значительная угроза экономической безопасности.

Таким образом, наблюдается неоднозначность оценки уровня жизни населения. С одной стороны, ряд показателей демонстрирует положительную динамику, достигая или приближаясь к пороговому значению. С другой стороны, имеется ряд показателей, далеких от порогового значения или имеющих негативную тенденцию. Показатель уровня бедности в ряде регионов имеет критический уровень, или демонстрирует негативную тенденцию.

Для эффективной государственной политики в социальной сфере необходимо выявить угрозы и сформировать меры по снижению угроз экономической безопасности. Также формированию государственной политики способствуют расчеты прогноза основных показателей, характеризующих социальную сферу.

Расчет прогноза показателей позволяет определить тенденцию, сформировавшуюся в рамках исследуемого периода. Экстраполяция данной тенденции на будущие годы позволяет оценить динамику показателей при наличии статуса-кво. Иными словами, прогноз позволяет определить будущие значения показателя, если в данной сфере не будет происходить значительных изменений как позитивных, так и негативных.

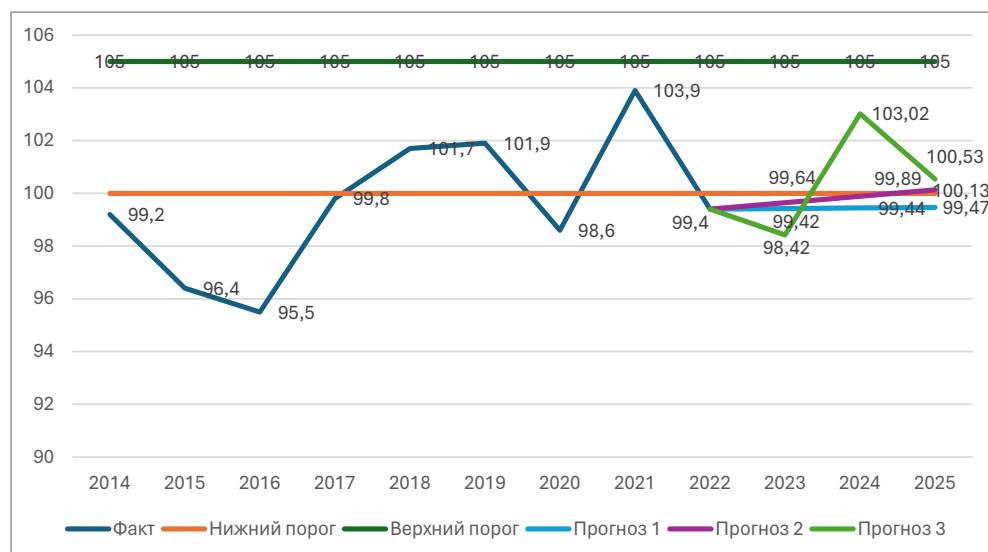

Рис. 2. Прогноз реальных денежных доходов россиян

Прогноз динамики реальных денежных доходов населения, рассчитанный с использованием различных методов, указывает на разнонаправленные сценарии развития. Прогноз, основанный на среднем коэффициенте роста (здесь и далее – прогноз 1), отражает умеренный сценарий и предполагает постепенное улучшение показателя с достижением роста доходов в 2024 г. Прогноз, полученный методом скользящей средней (здесь и далее – прогноз 2), носит более пессимистичный характер и предполагает достижение положительной динамики лишь в 2025 г. Прогноз, рассчитанный с применением корреляционно-регрессионного анализа (здесь и далее – прогноз 3), не фиксирует роста реальных доходов в прогнозируемом периоде, однако указывает на замедление темпов их снижения.

Оценка прогнозных значений реальных денежных доходов населения с использованием метода доверительных интервалов показывает,

что при реализации умеренного и пессимистичного сценариев показатель в 2023–2024 гг. остается в зоне высокого риска возникновения угроз экономической безопасности. В рамках сценария, основанного на методе скользящей средней, прогнозируется переход показателя в зону умеренного риска к 2025 г. Оптимистичный сценарий предполагает временный выход показателя в зону отсутствия угроз в 2024 г., однако в 2025 г. прогнозируется его возврат в зону умеренного риска, что свидетельствует о нестабильности прогнозируемой динамики.

Таблица 11.

Оценка прогнозных значений реальных денежных доходов россиян, метод доверительных интервалов

	2023	2024	2025
Прогноз 1	99,42	99,44	99,47
Прогноз 2	99,64	99,89	100,13
Прогноз 3	98,42	103,02	100,53

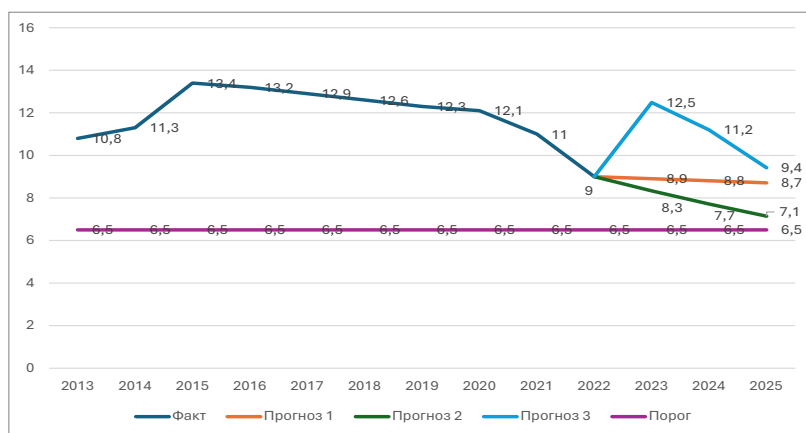

Рис. 3. Прогноз уровень бедности

Прогноз уровня бедности демонстрирует различия в темпах и направлениях изменения показателя в зависимости от применяемого метода. Сценарий, основанный на среднем коэффициенте роста, характеризуется плавным и медленным снижением уровня бедности. Прогноз, рассчитанный методом скользящей средней, предполагает наиболее выраженное приближение показателя к целевому значению, при котором к 2025 г. разница между фактическим и целевым уровнями сокращается до минимальных значений. Прогноз, полученный с использованием корреляционно-регрессионного анализа, указывает на краткосрочное ухудшение показателя в 2023 г. с последующим снижением уровня бедности в 2024–2025 гг.

Результаты оценки прогнозных значений уровня бедности с применением метода доверительных интервалов показывают, что при реализации сценариев, основанных на

среднем коэффициенте роста и методе скользящей средней, показатель в 2023–2025 гг. находится в зоне отсутствия угроз, что свидетельствует о благоприятной динамике. В рамках корреляционно-регрессионного сценария в 2023 г. прогнозируется резкий рост уровня бедности до зоны значительного риска, однако в последующие годы показатель снижается и возвращается в зону отсутствия угроз. Вместе с тем значение показателя в 2025 г. остается выше уровня 2022 г., что указывает на сохраняющиеся риски.

Таблица 12.
Оценка прогнозных значений
уровня бедности, метод
доверительных интервалов

	2023	2024	2025
Прогноз 1	8,9	8,8	8,7
Прогноз 2	8,3	7,7	7,1
Прогноз 3	12,5	11,2	9,4

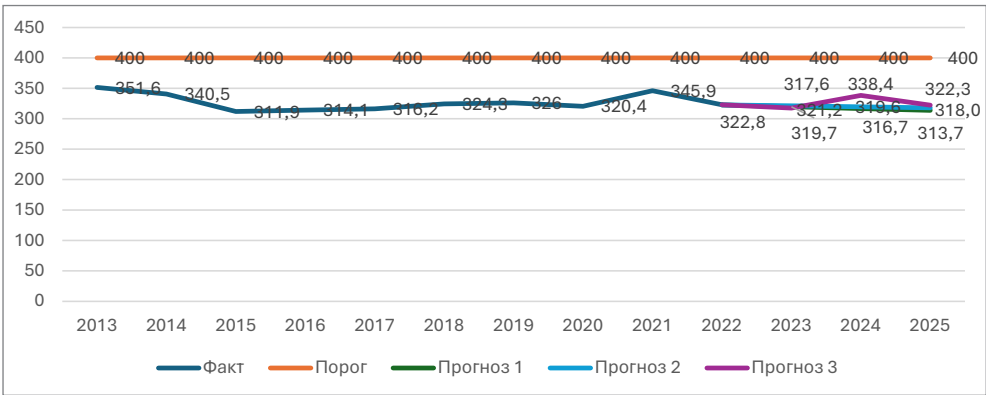

Рис. 4. Прогноз соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума

Прогноз соотношения среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума свидетельствует о преобладании неблагоприятной динамики при большинстве сценариев. Прогнозы, основанные на среднем коэффициенте роста и методе скользящей средней, предполагают снижение показателя и его удаление от порогового значения. В рамках корреляционно-регрессионного сценария динамика носит неоднозначный характер: после краткосрочного улучшения прогнозируется последующее ухудшение показателя.

Оценка прогнозных значений с использованием метода доверительных интервалов показывает, что при реализации умеренного и пессимистичного сценариев показатель в 2023–2024 гг. находится в

зоне отсутствия угроз. В рамках корреляционно-регрессионного сценария в 2023 г. прогнозируется переход показателя в зону значительного риска, в 2024 г. –временное улучшение и выход в зону отсутствия угроз, а в 2025 г. –повторное ухудшение с возвращением в зону значительного риска.

Таблица 13.

Оценка прогнозных значений соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, метод доверительных интервалов

	2023	2024	2025
Прогноз 1	319,7	316,7	313,7
Прогноз 2	321,2	319,6	318,0
Прогноз 3	317,6	338,4	322,3

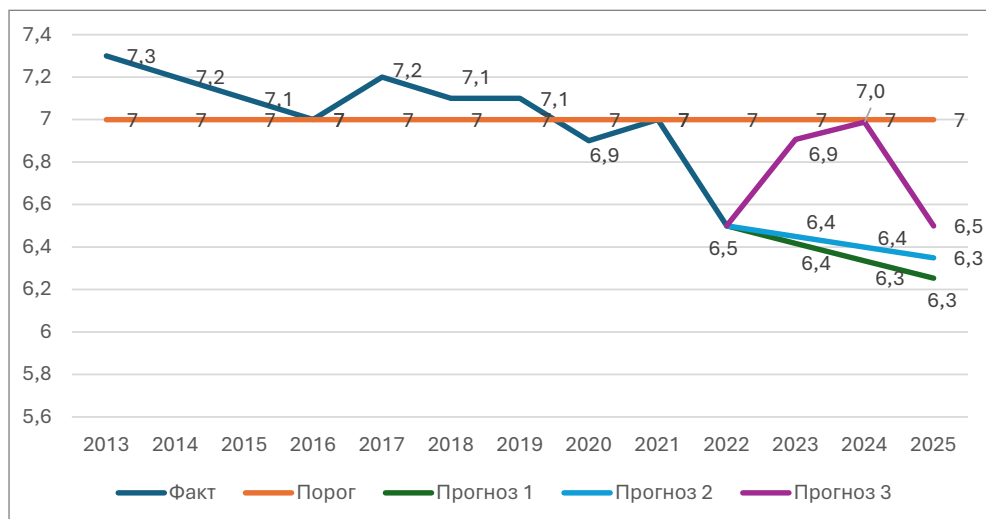

Рис. 5. Прогноз децильного коэффициента

Прогноз децильного коэффициента, рассчитанный различными методами, в целом указывает на снижение дифференциации доходов населения. Прогнозы, основанные на среднем коэффициенте роста и методе скользящей средней, демонстрируют схожие значения показателя при плавной нисходящей тенденции. Корреляционно-регрессионный сценарий предполагает рост показателя в 2023–2024 гг. с последующим резким снижением в 2025 г., что отражает нестабильность прогнозируемой динамики.

Оценка прогнозных значений децильного коэффициента с использованием метода доверительных интервалов показывает, что при реализации сценариев, основанных на среднем коэффициенте

роста и методе скользящей средней, показатель в прогнозируемом периоде остается в зоне отсутствия угроз. Корреляционно-регрессионный сценарий предполагает рост показателя в 2023 г. в пределах зоны отсутствия угроз, переход в зону умеренного риска в 2024 г. и возвращение в зону отсутствия угроз в 2025 г.

Таблица 14.
Оценка прогнозных значений децильного коэффициента, метод доверительных интервалов

	2023	2024	2025
Прогноз 1	6,4	6,3	6,3
Прогноз 2	6,4	6,4	6,3
Прогноз 3	6,9	7,0	6,5

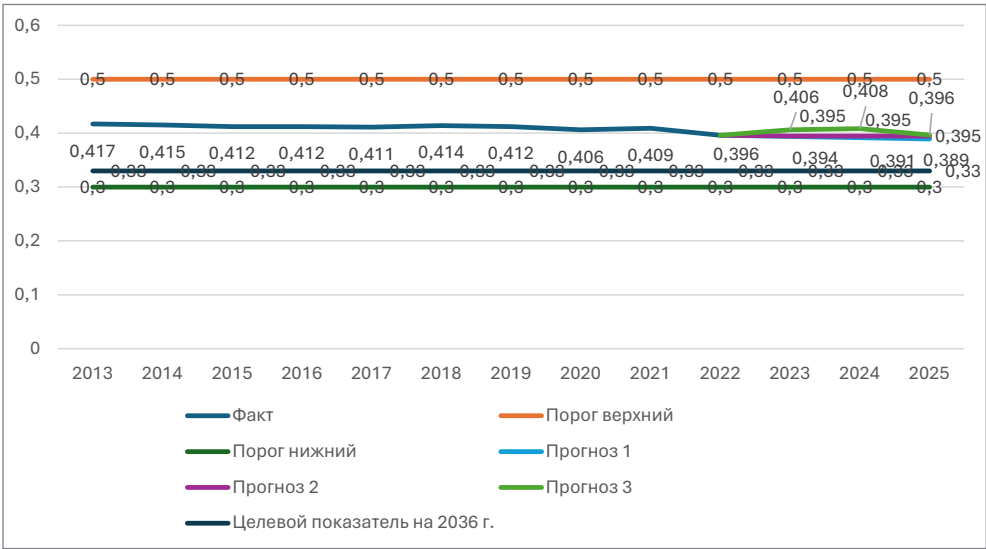

Рис. 6. Прогноз коэффициента Джини по России

Прогноз динамики коэффициента Джини демонстрирует разнонаправленные сценарии изменения уровня социального неравенства. Сценарий, основанный на среднем коэффициенте роста, предполагает постепенное снижение показателя к 2025 г. Метод скользящей средней указывает на сохранение стабильного уровня неравенства в течение всего прогнозируемого периода. Корреляционно-регрессионный сценарий предполагает рост коэффициента в 2023–2024 гг. с последующим снижением и возвращением к уровню 2022 г. в 2025 г.

Таблица 15.

Оценка прогнозных значений показателя коэффициента Джини, метод доверительных интервалов

	2023	2024	2025
Прогноз 1	0,394	0,391	0,389
Прогноз 2	0,395	0,395	0,395
Прогноз 3	0,406	0,408	0,396

Оценка прогнозных значений коэффициента Джини с использованием метода доверительных интервалов показывает, что при реализации умеренного и пессимистичного сценариев показатель остается в зоне отсутствия угроз на протяжении всего прогнозируемого периода. В рамках корреляционно-регрессионного сценария в 2024 г. прогнозируется переход показателя в зону умеренного риска, однако в 2025 г. он возвращается в зону отсутствия угроз, что

указывает на ограниченный характер прогнозируемого роста неравенства.

В целом результаты прогнозирования социально-экономических показателей демонстрируют неоднозначные сценарии развития уровня жизни населения в среднесрочной перспективе. По большинству показателей умеренные и инерционные сценарии предполагают либо постепенное улучшение, либо сохранение текущего состояния без выхода за пределы зон высокого или умеренного риска. Оптимистичные сценарии, рассчитанные с использованием корреляционно-регрессионного анализа, в ряде случаев фиксируют краткосрочное улучшение показателей и временный переход в зону отсутствия угроз, однако такие изменения носят нестабильный характер и не закрепляются на протяжении всего прогнозируемого периода. Пессимистичные сценарии указывают на возможность ухудшения отдельных параметров, прежде всего уровня бедности и соотношения доходов с величиной прожиточного минимума, что свидетельствует о сохранении уязвимости социальной сферы. В совокупности полученные прогнозы подтверждают необходимость активного государственного вмешательства и реализации целенаправленной социальной политики, ориентированной на снижение дифференциации уровня жизни и минимизацию угроз экономической безопасности.

Список литературы

1. Бикбулатов Д.Р. Дифференциация уровня жизни населения как угроза экономической безопасности России. Часть II гг. Постсоветский материк. 2025. № 2 (46). С.109–123. [https://doi.org / 10.48137/23116412_2025_2_109](https://doi.org/10.48137/23116412_2025_2_109)
2. Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Модин Е.В. Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности гг. Управленческое консультирование. 2016. № 5. С. 102–111.
3. Сергеева Н.М., Соловьева Т.Н. Дифференциация уровня бедности и управление им в регионах России гг. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. С. 119–124.
4. Беляев С.А. О дифференциации уровня бедности в регионах ЦФО гг. Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 27–30.
5. Наджафова М.Н. О проблеме бедности в регионах ЦФО гг. Наука и практика регионов. 2019. № 1 (14). С. 43–48.

BIKBULATOV Denis R. –postgraduate student at the Department of Political Economy and the History of Economics at the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, email: denisibikbulatov@gmail.com

Keywords: economy, economic security, standard of living, poverty, differentiation of the standard of living, social inequality

DIFFERENTIATION OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION AS A THREAT TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY. PART III

Abstract

The article examines the differentiation of living standards in Russia in the context of threats to economic security. The study continues a series of publications and focuses on assessing key socio-economic indicators that characterize the population's standard of living using the index method and the method of confidence intervals. The analysis considers real disposable incomes, the poverty level, the decile coefficient, the Gini coefficient, as well as the ratio of average per capita incomes to the subsistence minimum.

Based on the calculations performed, the main trends in the dynamics of these indicators are identified, and risk zones are determined from the perspective of economic security. In addition, forecasting of key living standard indicators is carried out using several methods, which makes it possible to construct alternative scenarios for their medium-term development. The results obtained indicate the ambiguous nature of socio-economic dynamics: alongside certain signs of improvement, persistent risks associated with social differentiation and poverty remain.

The study concludes that there is a need for active and targeted state social policy aimed at reducing inequality, improving living standards, and minimizing threats to the economic security of the Russian Federation.

References

1. Bikbulatov D.R. Differentiation of the standard of living of the population as a threat to Russia's economic security. Part II rr. The post-Soviet continent. 2025. No. 2 (46). pp.109-123. https://doi.org/10.48137/23116412_2025_2_109
2. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Modin E. V. Regional Differentiation of Social and Economic Development as Threat of Economic Security rr. Management consulting. 2016. № 5. P. 102–111.
3. Sergeeva N.M., Solovyova T.N. Differentiation of the Poverty Level and Its Management in the Regions of Russia rr. Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2022. Pp. 119–124.
4. Belyaev S.A. On the Differentiation of the Poverty Level in the Regions of the Central Federal District rr. Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2018. No. 4 (25). Pp. 27–30.
5. Najafova M.N. On the Problem of Poverty in the Regions of the Central Federal District rr. Science and Practice of Regions. 2019. No. 1 (14). Pp. 43–48.

Статья поступила в редакцию 09.01.2026 г.

Принята к публикации 02.02.2026 г.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ стратегий устойчивого развития, реализуемых в Европейском союзе, США, Китае и России. Методологическую основу исследования составляют методы сравнительного и статистического анализа. Научная новизна работы заключается в рассмотрении особенностей имплементации концепции устойчивого развития в России в контексте усиливающейся экономической и геополитической конкуренции между ведущими мировыми центрами силы – США, Европейским союзом, Китаем и Россией.

Показано, что в ЕС и США стратегия устойчивого развития тесно связана с курсом на достижение углеродной нейтральности и во многом носит идеологизированный характер, хотя причины этого различны. Китайская модель устойчивого развития имеет преимущественно прагматическую направленность и ориентирована на повышение конкурентоспособности национальных компаний на мировом рынке. В России стратегия устойчивого развития была утверждена на государственном уровне в 1996 году указом Президента Российской Федерации. В 1990-е годы, на фоне либеральных экономических реформ, роль государства в продвижении ESG-стандартов была ограниченной, и их внедрение в практику крупного бизнеса происходило преимущественно в 2000-е годы

КРАСАВИН Евгений Валериевич – аспирант Государственного университета просвещения, менеджер угледобывающей компании ООО «Эльга», Россия, Москва, email: krasavin-evgeniy@yandex.ru

Ключевые слова: ESG-риски, цели устойчивого развития, национальные цели развития, стандарты ESG, рейтинг устойчивого развития, национальные проекты

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_104

с целью повышения инвестиционной привлекательности и прибыльности компаний.

В последние годы, на фоне обострения отношений с западными странами, наблюдается значительное усиление роли государства в определении приоритетов устойчивого развития. Указы Президента Российской Федерации формулируют национальные цели развития, которые дополняют Цели устойчивого развития, принятые ООН, с учетом социально-экономических и институциональных особенностей России.

Введение

В августе 2015 года Организацией Объединенных Наций была принята концепция устойчивого развития. Документ под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» объединяет управленческие, социальные и экологические аспекты развития. В нем определены семнадцать целей устойчивого развития (ЦУР)¹. Национальные цели развития России закреплены указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства. Следует отметить, что эти цели не противоречат ЦУР, утвержденным ООН, а дополняют их с учетом российской специфики.

В качестве инструмента оценки соответствия бизнеса принципам устойчивого развития применяются рейтинги ESG (environmental, social, governance). На

сайте Центрального банка Российской Федерации ESG-факторы определяются как факторы, связанные с окружающей средой, обществом и корпоративным управлением².

Российская практика внедрения стандартов устойчивого развития существенно отличается от политики других крупных геополитических центров – Европейского союза, США и Китая. Политика устойчивого развития в России формировалась эволюционно: от инициатив бизнеса по внедрению ESG-стандартов в начале 2000-х годов к укреплению роли государства в определении приоритетов национального развития в последние годы. Эти изменения происходят в контексте трансформации мировой политической системы и усиления международной экономической конкуренции.

¹ Цели в области устойчивого развития // ООН // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 19.10.2025).

² Глоссарий терминов в области финансирования устойчивого развития и климатического регулирования // ЦБ РФ // <https://cbr.ru/develop/ur/faq/> (дата обращения: 20.10.2025).

Разнонаправленные стратегии устойчивого развития в международной экономической конкуренции

В Европейском союзе стратегия устойчивого развития выступает как идеологическая рамка, в которую бизнес должен вписываться даже в ущерб экономической эффективности. Такой подход приводит к значительным издержкам и, как следствие, к снижению темпов экономического роста стран ЕС.

Жесткость и сжатые сроки реализации «зеленой повестки» вызывают дискуссии среди государств-членов Союза. Так, Европейская комиссия планирует к 2035 году полностью прекратить производство и эксплуатацию автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Цель амбициозна, однако ее достижение потребует значительных затрат в переходный период. С учетом замедления экономической динамики Европы реалистичность полного перехода на электромобили к 2035 году представляется сомнительной. Представители ведущих автопроизводителей предупреждают о возможных негативных последствиях. Главный исполнительный директор BMW Оливер Ципсе на Парижском автомобильном саммите отметил, что «Европа не готова к такому переходу, поскольку он

приведет к массовому сокращению промышленности»³.

После обращений автопроизводителей и отдельных правительств в Европейскую комиссию было принято решение пересмотреть сроки введения запрета на автомобили с двигателями внутреннего сгорания в 2026 году. Однако экономические трудности вынудили правительство Италии предложить перенести дату пересмотра. Министр по делам бизнеса и предпринимательства Италии заявил, что пересмотр сроков позволит отсрочить вступление запрета в силу, уточнить отдельные положения или увязать переход с увеличением инвестиций, что сделает его более реалистичным⁴.

Ситуация в автомобильной промышленности иллюстрирует конфликт между экономической целесообразностью и идеологическими установками, лежащими в основе политики углеродной нейтральности Европейского союза.

В Соединенных Штатах Америки «зеленая повестка» является одной из ключевых тем внутренней политической борьбы. Для Демократической партии она представляет стратегический приоритет,

³ Запрет ЕС на продажи автомобилей с ДВС с 2035 г. приведет к кризису европейского автопрома – BMW // Общественно-деловой научный журнал «Энергетическая политика» // <https://energypolicy.ru/zapret-es-na-prodazhi-avtomobilej-s-dvs-s-2035-g-privedet-k-krizisu-evropejskogo-avtoproma-bmw/novosti/2024/14/15/> (дата обращения: 16.10.2025).

⁴ Запрет на автомобили с ДВС: Италия призывает к пересмотру // Euronews // <https://ru.euronews.com/my-europe/2024/09/26/berlin> (дата обращения: 16.10.2025).

тогда как Республиканская партия занимает более критическую позицию. В период президентства Дональда Трампа США вышли из Парижского соглашения по климату, поскольку, по мнению администрации, его положения наносили ущерб национальной промышленности. После прихода к власти Джо Байдена США вновь присоединились к соглашению, а президент объявил о реализации масштабного инфраструктурного плана, предусматривающего развитие возобновляемых источников энергии на сумму около двух триллионов долларов в течение десяти лет. В то же время сторонники Трампа подчеркивают необходимость защиты национальных интересов через тарифную политику, снятие экологических ограничений и поддержку традиционных энергетических отраслей. Таким образом, американская стратегия устойчивого развития отражает политическую поляризацию и зависит от текущего баланса сил между партиями.

Китайская политика устойчивого развития имеет выраженный прагматический характер. При декларировании целей по переходу к «зеленым» стандартам страна сохраняет активное использование угля как основного источника энергии. Китайская модель направлена прежде всего на повышение конкурентоспособности национальных компаний на внешних рынках. Пе-

реход к экологически чистым технологиям рассматривается как инструмент промышленного лидерства. По данным О. Лысиковой, к 2024 году Китай стал мировым лидером в области чистых технологий: на его долю приходится около 80% мирового производства солнечных панелей, две трети электромобилей, ветряных турбин и литий-ионных аккумуляторов [1].

Активная государственная поддержка, включая субсидии и налоговые льготы, способствовала формированию крупных корпоративных конгломератов в секторе возобновляемой энергетики.

Эффективность китайской стратегии вызвала ответные меры со стороны западных стран. В 2024 году США ввели 100-процентную пошлину на китайские электромобили, обосновав это избыточными производственными мощностями Китая⁵. Европейский союз также предпринимает шаги по защите своего рынка от китайской продукции, включая солнечные панели и электромобили. Таким образом, политика устойчивого развития Китая, ориентированная на экономическую выгоду, становится фактором торговых противоречий между Китаем, ЕС и США.

В целом анализ показывает, что стратегии устойчивого развития различаются не только по инструментам реализации, но и по целевым установкам. Для ЕС приорите-

⁵ Байден объявляет 100%-ный тариф на электромобили китайского производства // The Guardian // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8cb3eb17-671cd235-af56de09-74722d776562/https/www.theguardian.com/business/article/2024/may/14/joe-biden-tariff-chinese-made-electric-vehicles (дата обращения: 16.10.2025).

том является достижение экологических показателей даже ценой экономических потерь; для США – политическая конкуренция и поиск баланса между «зеленым» курсом и индустриальными интересами; для

Китая – укрепление экспортного потенциала и промышленного лидерства через использование повестки устойчивого развития как инструмента глобальной конкурентной борьбы.

Эволюция повестки устойчивого развития в России

Российский подход к устойчивому развитию отличается от европейского и американского прежде всего приоритетом экономической целесообразности. Основной задачей отечественных компаний является привлечение инвестиций и улучшение социальной среды в регионах их деятельности, что рассматривается как фактор повышения эффективности и прибыльности бизнеса. За последние три десятилетия российский бизнес прошел путь от ориентации исключительно на получение прибыли в период «дикого капитализма» 1990-х годов до осознания важности социальной и экологической ответственности.

После распада СССР и проведения радикальных рыночных реформ роль государства в стратегическом планировании развития была минимальной. Преобладала идея, что рыночные механизмы самостоятельно обеспечат эффективное распределение ресурсов, а конкурентная среда устранит неэффективные предприятия. В условиях экспортно-сырьевой направленности экономики бизнес ориентировался на международные

стандарты и инвесторов. Поэтому стремление российских компаний к внедрению принципов ESG в начале 2000-х годов было связано прежде всего с желанием повысить инвестиционную привлекательность и получить доступ к внешним рынкам капитала.

Ситуация начала меняться в 2000–2010-х годах. Глобальный финансовый кризис 2008 года стал стимулом к созданию системы государственного стратегического планирования, призванной смягчать последствия внешних экономических шоков. Указ Президента Российской Федерации № 536 от 12 мая 2009 года «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» стал первым шагом в этом направлении, а принятый в 2014 году Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» закрепил институциональные основы новой модели управления развитием.

Постепенно усиливалась роль государства в реализации концепции устойчивого развития. Либеральная модель свободного рынка уступила место более сложной си-

стеме взаимодействия бизнеса, государства и гражданского общества. Повышение социальной ответственности компаний через контроль соблюдения трудовых прав, экологических норм и стандартов корпоративного управления стало важным инструментом государственной политики в области устойчивого развития.

В 2021 году был подписан Указ Президента Российской Федерации № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2]. В 2024 году этот документ был обновлен новым указом № 309, который установил дополнительные целевые ориентиры до 2036 года [3]. Среди приоритетных направлений национального развития определены сохранение населения, укрепление здоровья граждан, создание комфортной и безопасной среды, обеспечение экологического благополучия, технологическое лидерство и цифровая трансформация государственного управления.

Таким образом, российская стратегия устойчивого развития сочетает экономические, социальные и экологические цели, стремясь к их балансу. В отличие от европейской модели, где экологические задачи иногда реализуются в ущерб экономическому росту, российский подход предполагает сохранение макроэкономической устойчивости при одновременном повышении качества жизни и экологических стандартов.

Усиление санкционного давления со стороны западных стран спо-

собствовало росту роли государства в обеспечении экономической стабильности и развитии внутреннего рынка. Это отражается и на динамике «устойчивого финансирования». По данным рейтингового агентства «Эксперт РА», в 2023 году объем новых размещений в сфере устойчивого финансирования увеличился на 34% и составил 143 млрд рублей. Основными эмитентами выступали компании с государственным участием, что подчеркивает ведущую роль государства в развитии ESG-сектора [4].

В дальнейшем значение государства в реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) будет возрастать, поскольку многие задачи, например улучшение демографической ситуации, требуют долгосрочных и межсекторных усилий. Эти цели могут быть достигнуты только при взаимодействии государства, бизнеса и гражданского общества.

Долгое время продвижение принципов ESG в России обеспечивали дочерние структуры иностранных корпораций и консалтинговые агентства, помогавшие компаниям внедрять международные стандарты. После ухода значительной части зарубежного бизнеса интерес к ESG-повестке сохранился, а ее институциональное развитие продолжилось на национальном уровне. Российские рейтинговые агентства и аналитические центры начали формировать собственные модели оценки. Как отмечает старший вице-президент Сбера Татьяна Липская, «многие страны и корпорации после гло-

бальной гонки за ESG сфокусировались на внутренних потребностях и локализации целей устойчивого развития»⁶.

Важную роль в реализации национальных целей играют национальные проекты. Для их оценки в 2019 году была создана организация АНО «Национальные приоритеты». Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) разработал собственные индексы устойчивого развития – «Ответственность и открытость» и «Вектор устойчивого развития», которые применяются для оценки корпоративной отчетности⁷. Центральный банк Российской Федерации, в свою очередь, концентрируется на управлении ESG-рисками и разработке финансовых инструментов, включая зеленые облигации, ипотеку и кредиты⁸.

Несмотря на активное развитие национальных инструментов, единая методология оценки устойчивого развития пока отсутствует. Как отмечают Д. Жатикова и П. Щербаченко, российские рейтинговые агентства используют различные подходы, что затрудняет сопоставимость данных [5].

Тем не менее интерес к ESG продолжает расти, особенно в сырьевом и финансовом секторах. В числе лидеров по внедрению стандартов устойчивого развития отмечена угледобывающая компания «Эльга», инвестирующая значительные средства в развитие региональной инфраструктуры, здравоохранение и образование⁹.

Россия также укрепляет сотрудничество со странами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в сфере устойчивого развития. В 2024 году в рамках ШОС был создан Центр по энергетике и устойчивому развитию, а 2025 год объявлен годом устойчивого развития. По словам специального представителя Президента Российской Федерации Бориса Титова, Россия намерена участвовать в формировании альтернативных механизмов реализации ЦУР с учетом национальных интересов¹⁰.

В целом российская политика устойчивого развития приобретает системный характер, интегрируя экономические, социальные и экологические приоритеты в рамках национального стратегического планирования.

⁶ Когда мы говорим об устойчивом будущем в контексте бизнеса, то здесь нет места абстракции (интервью Т. Липской) // Коммерсантъ // <https://www.kommersant.ru/doc/6745607?ysclid=m21y35kyvs301403238> (дата обращения: 15.10.2025).

⁷ Устойчивое развитие. Социальная ответственность // ESG-индексы и рейтинги РСПП в области устойчивого развития // https://rsp.ru/sustainable_development/ (дата обращения: 20.10.2025).

⁸ ЦБ РФ // Устойчивое развитие // <https://cbr.ru/develop/ur/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁹ Наш, суверенный ESG. Журнал «Эксперт» // <https://expert.ru/expert/2022/50/nash-suverenniy-esg/?ysclid=llw1ffdfj212410710> (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁰ РФ и Китай продвинул новые цели устойчивого развития ООН // ТАСС // <https://tass.ru/politika/21992771> (дата обращения: 10.10.2025).

Выводы

Проведенный анализ показывает, что стратегии устойчивого развития ведущих мировых центров силы – Европейского союза, Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики и Российской Федерации – существенно различаются по целям и механизмам реализации.

В Европейском союзе приоритетом является повышение качества жизни населения и охрана окружающей среды. Однако ориентация на жесткие экологические стандарты нередко приводит к росту издержек и снижению темпов экономического роста.

В Соединенных Штатах устойчивое развитие остается предметом внутривнутриполитических разногласий. Демократическая партия акцентирует внимание на «зеленом» переходе и климатической политике, тогда как Республиканская партия выступает за защиту национальной промышленности и снижение регулирующих ограничений. В результате стратегия США в этой сфере характеризуется непоследовательностью и зависит от политического цикла.

В Китайской Народной Республике цели устойчивого развития подчинены задаче повышения международной конкурентоспособности. Государственная поддержка и инвестиции в чистые технологии позволили Китаю занять лидирующие позиции в производстве оборудования для возобновляемой энергетики. Однако

такая политика вызывает ответные меры со стороны ЕС и США, стремящихся ограничить экспансию китайских товаров на свои рынки.

Российская модель устойчивого развития формировалась постепенно. На первом этапе ключевую роль играли рыночные механизмы и интересы бизнеса, ориентированного на международные стандарты и инвесторов. В дальнейшем, по мере укрепления институциональных основ стратегического планирования, возросла роль государства в определении национальных приоритетов. Современная российская стратегия направлена на достижение баланса между экономическими, социальными и экологическими целями, при сохранении макроэкономической устойчивости и технологического суверенитета.

Сотрудничество России со странами ШОС и БРИКС способствует формированию альтернативной модели устойчивого развития, учитывающей особенности национальных экономик и приоритет долгосрочной стабильности.

В целом можно заключить, что эволюция концепции устойчивого развития в России отражает переход от адаптации международных стандартов ESG к выработке собственных, ориентированных на национальные интересы и стратегические цели.

Список литературы

1. Лысикова О. Растущая роль «зеленых» технологий в контексте глобального перехода к устойчивому развитию. // Российский совет по международным делам (РСМД) // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/innovatsii-dlya-ustoychivogo-budushchego-klyuchevye-napravleniya-razvitiya-zelenykh-tekhnologiy-stra/> (дата обращения: 21.10.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 25.10.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 25.10.2025).
4. Катасонова Ю. Тренд на расширение экологических, социальных и управленческих инициатив в перспективе сохранится // Рейтинговое агентство Expert // https://raexpert.ru/press/articles/katsonova_vedomosti_jan2024/?ysclid=ml0o0ep3ho168832677 (дата обращения: 20.10.2025).
5. Жатикова Д. В., Щербаченко П. С. Методология присвоения ESG-рейтингов // Вестник университета. 2023. № 8. С. 105.

KRASAVIN Evgeniy V. – Postgraduate student at the State University of Education, manager of the coal mining company Elga LLC, Russia, Moscow, email: krasavin-evgeniy@yandex.ru

Keywords: ESG risks, sustainable development goals, national development goals, ESG standards, sustainable development ranking, national projects

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN RUSSIA UNDER CONDITIONS OF INCREASING INTERNATIONAL COMPETITION

Abstract

The article provides a comparative analysis of sustainable development strategies implemented by the European Union, the United States, China, and Russia. The methodological basis of the research includes comparative and statistical analysis. The study's novelty lies in examining the implementation of the sustainable development concept in Russia within the context of intensifying global economic and geopolitical competition among major centers of power.

The results demonstrate that the European Union follows an ideologically driven model focused on achieving carbon neutrality, which often leads to higher economic costs and slower growth. The United States exhibits political polarization in its approach: while the Democratic Party promotes environmental initiatives, the Republican Party prioritizes industrial competitiveness, resulting in policy inconsistency. China's sustainable development policy is characterized by pragmatism and export orientation; state subsidies and industrial incentives have turned the country into a global leader in clean technologies.

In Russia, sustainable development evolved from market-driven ESG adoption by large businesses in the early 2000s to a state-coordinated model integrated into national strategic planning. The Russian approach seeks to balance economic efficiency, social progress, and environmental protection, emphasizing technological sovereignty and long-term stability. Cooperation with BRICS and the Shanghai Cooperation Organisation reflects Russia's aspiration to develop alternative

frameworks for sustainable development that consider national interests and economic realities.

References

1. Lysikova O. The growing role of “green” technologies in the context of the global transition to sustainable development // The Russian Council on International Affairs (RIAC) // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/innovatsii-dlya-ustoychivogo-budushchego-klyuchevye-napravleniya-razvitiya-zelenykh-tekhnologiy-stra/> (accessed: 21.10.2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/21/2020 No. 474 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (accessed: 20.10.2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2024 No. 309 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (accessed: 25.10.2025).
4. Katasonova Yu. The trend towards expanding environmental, social and management initiatives will continue in the future. // Expert Rating Agency // https://raexpert.ru/press/articles/katasonova_vedomosti_jan2024/?ysclid=m1oo0ep3ho168832677 (accessed: 20.10.2025).
5. Zhatikova D. V., Shcherbachenko P. S. Methodology of assigning ESG ratings // Bulletin of the University. 2023. No. 8. p. 105.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025 г.

Принята к публикации 26.12.2025 г.

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ Г. НЖДЕ И Д. КАНАЯНА В НАУЧНОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА И АРМЕНИИ

Аннотация

В статье анализируются оценки мемориализации памяти Гарегина Нжде и Драстамата Канаяна в современной Армении в научных публикациях армянских, российских и азербайджанских авторов, а также в публицистических и интернет-ресурсах. Источниковую базу составляют научные статьи по политике памяти и исторической памяти о Великой Отечественной войне, материалы СМИ и комментарии пользователей. Применяются методы дискурс-анализа и сравнительного анализа. Показано, что превращение фигур, сотрудничавших с нацистской Германией, в национальных героев неоднозначно оценивается в академическом и публичном дискурсе и используется соседними государствами для обвинений Армении в «героизации фашизма». В то же время внутри страны Нжде и Канаян воспринимаются прежде всего как борцы за независимое армянское государство, что свидетельствует о смещении акцентов в политике памяти от общесоветского нарратива к национально-государственному.

ИЩЕНКО Оксана Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета, Россия, Сургут, email: ischenko_ov@surgu.ru, SPIN-код: 7193-6082

Ключевые слова: мемориализация, национальные герои, Г. Нжде, Д. Канаян, историческая память, коллаборационизм, Армения, независимое государство

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_115

Введение

После распада СССР в бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами, активизировалась наметившаяся ранее тенденция к созданию собственной истории, основанной преимущественно на описании борьбы титульного этноса за независимость и, наконец, ее получившую. В этом контексте история закавказских республик – Армении и Азербайджана, представляется ныне с каждой стороны как набор постоянных конфликтов, определяющих их отношения (или отсутствие таковых) в настоящем. Одним из немногих сохранившихся ключевых пунктов, объединяющих и республики Закавказья, и Россию, остается память о Великой Отечественной войне [1]. Однако репрезентация образа войны, как важного элемента исторической памяти, осуществляется ныне каждым государством в соответствии с национальными приоритетами [2, с. 60].

В современной Республике Армения действуют музеи и мемориалы, посвященные истории Великой Отечественной войны, улицы носят имена выдающихся военачальников: И.Х. Баграмяна, И.С. Исакова (Тер-Исаакяна), С.А. Худякова (А.А. Ханферянца) и др., а День Победы остается одним из самых важных государственных праздников. Большое внимание уделено событиям войны, участию в ней Армянской

СССР и представителей армянского народа в учебниках по истории Армении [3, с. 182].

Что же в таком случае выступает фактором, вызывающим критику армянской концепции Великой Отечественной войны со стороны других государств? Пожалуй, в первую очередь – отношение к таким противоречивым фигурам армянской истории, как Гарегин Тер-Арутюнян, более известный как Гарегин Нжде, и Драстамат Канаян («генерал Дро»), которые в Армении воспринимаются как герои, а в соседних странах – как коллаборационисты и пособники нацистов [4, с. 42].

Краткие вехи их биографии сходны. Оба участвовали в революционном движении на территории Российской империи как члены партии Дашнакцутюн, воевали в период первой мировой войны на территории Кавказа, эмигрировали после установления Советской власти в Армении. В годы второй мировой войны сотрудничали с Германией в надежде на создание независимой Армении, участвовали в формировании подразделений Армянского легиона вермахта, состоявшего преимущественно из военнопленных армян¹. По данным энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», Г. Нжде занимался вербовкой на территории Болгарии и завербовал более 30 агентов армянского происхождения, кото-

¹ Дро / Большая российская энциклопедия // https://old.bigenc.ru/world_history/text/2632018?ysclid=mge07e5ufa890600091 (дата обращения: 28.08.2025).

рые были переброшены в тыл Советской армии с целью ведения подрывной деятельности [5, с. 546]. В 1944 г. он был арестован и затем приговорен в СССР к 25 годам тюремного заключения. Скончался во Владимирской тюрьме в 1955 г. Д. Канаян в послевоенный период жил в Ливане и США, занимался делами армянской диаспоры за рубежом.

В 2000 г. останки Драстамата Канаяна были перевезены в Армению из США и с большими почестями перезахоронены в городе Апаране,

где в 1918 г. армянским войскам под его командованием удалось разбить силы турецкой армии². Прах Нжде был тайно доставлен в Армению из Владимира еще в советское время, а затем символично захоронен в трех местах республики, ставших объектами поклонения [6, с. 132]. В 2016 г. в Ереване Нжде был установлен памятник как «герою армянского национально-освободительного движения начала XX века, государственному и военному деятелю» [7, с. 5].

Отношение к мемориализации Г. Нжде и Д. Канаяна в России, Азербайджане и Армении

Оценка деятельности Гарегина Нжде и «генерала Дро» остается предметом дискуссий как в научной среде, так и на политическом уровне. Меж тем в современной Армении Г. Нжде признан национальным героем, о чем свидетельствует открытие ему памятников в области Сюник и Ереване, выпуск памятных монет и медали, переиздание его трудов, выход в 2013 г. фильма «Гарегин Нжде» в прокат, массовые переименования в честь Нжде улиц, площадей, парков, станций метро [8, с. 37-38].

В России открытие памятника Нжде получило негативную оценку, озвученную официальным предста-

вителем МИД РФ Марией Захаровой: «Наше отношение к Великой Отечественной войне все прекрасно знают. Наше отношение к каким-либо формам возрождения и героизации любых проявлений нацизма, неонацизма и экстремизма тоже все хорошо знают ... И для нас непонятно, почему установлен указанный памятник, ведь мы все знаем о бессмертном подвиге армянского народа времен Великой Отечественной войны»³.

Ответом на слова официального представителя МИД РФ стали резкие высказывания политического руководства Армении о том, что Нжде является национальным ге-

² Баш-Апаранское сражение: мемориальный комплекс «Возрождение» и могила Дро // SPUTNIK (Армения) // <https://am.sputniknews.ru/20180526/foto-memorialnyj-kompleks-i-mogila-dro-v-aparane-12263585.html> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Гарегин Нжде: национальный герой или военный преступник? // Вестник Кавказа – Аналитика (2 декабря 2017 г.) // <https://vestikavkaza.ru/analytics/Garegin-Nzhde-natsionalnyy-geroy-ili-voennyuy-prestupnik.html> (дата обращения: 28.08.2025).

роем армянского народа, поскольку всю жизнь он боролся за свободу Армении. В дальнейшем М. Захарова уточнила, что установка памятника Нжде является «внутренним делом Армении» [8, с. 44].

Мемориализация памяти Нжде была крайне негативно воспринята в Азербайджане. Президент республики И. Алиев на заседании глав государств-членов СНГ в Ашхабаде, затронув вопрос о памятнике Нжде, осудил Армению за «героизацию фашизма». Армянская сторона восприняла данное заявление как попытку «субъективной интерпретации и переписывания истории, целью которых является затмение героического вклада армянского народа в Великой Отечественной войне» [9, с. 406].

Однако в Азербайджанской Республике оценка Нжде как фашистского преступника и коллаборациониста остается неизменной. Об этом свидетельствует, в частности, публикация кандидата исторических наук, профессора Азербайджанского университета языков (Баку) О.Ю. Кузнецова, посвященная «доказыванию с исторической и правовой точек зрения существования в Армении ... государственной политики героизации нацизма в форме мемориализации памяти о коллаборанте и нацистском преступнике Гарегине Нжде» [8, с. 37]. В статье Нжде однозначно оценивается как пособник фашистов, сотрудничавший с руководством гитлеров-

ской Германии в качестве члена Армянского национального комитета. Обращено внимание в исследовании и на деятельность другого армянского коллаборациониста – Драстамата Канаяна (Дро). Оба они, по мнению автора, идя на сделку с фюрером, стремились к созданию независимого армянского государства, основанного на «нацистско-расистской идеологии» [8, с. 42-44].

В статье О.Ю. Кузнецова звучит и критика российских органов федеральной исполнительной власти, не дающих, по его мнению, должной оценки «существующей на протяжении последних двадцати лет государственной политики героизации нацизма в Армении и превращения этой страны в нацистское государство со всеми присущими ему атрибутами» [8, с. 37]. Объяснение этого автор статьи находит в том, что в России «также реализуется эта порочная практика, свидетельством чего является установка еще в 2012 году мемориального знака Нжде ... в городе Армавир Краснодарского края» [8, с. 44]. При этом О.Ю. Кузнецов игнорирует реакцию жителей Армавира, выступивших против размещения мемориальной доски «предателю рядом с настоящими героями», то есть рядом с памятными знаками двум маршалам, героям Советского союза – Ивану Баграмяну и Амазаспу Бабаджаняну⁴.

⁴ Жители Армавира просят убрать мемориальную табличку пособнику нацистов // Комсомольская правда – Кубань. 31 июля 2017 // <https://www.kuban.kp.ru/daily/26711.5/3735485/> (дата обращения: 28.08.2025).

Сходная отрицательная оценка увековечения памяти коллаборационистов представлена в публицистических текстах, размещенных на азербайджанских ресурсах в сети Интернет⁵.

Очевидно, что в данном случае для представителей азербайджанской стороны мемориализация памяти Гарегина Нжде выступает в качестве основы для предъявления обвинений Армении в построении нацистского государства, а России – в покровительстве армянскому руководству. О сложности отношений трех стран свидетельствует и тот факт, что демонтаж в Армавире мемориальной доски Нжде в ноябре 2019 г. был расценен некоторыми армянскими политиками как происки «азербайджанских лоббистов» и проявление «бессилия Пашиняна в защите интересов нашего народа в России»⁶.

В ряде российских исследований, например, в статье С.М. Марченко, Нжде однозначно представлен как коллаборационист, справедливо осужденный в послевоенный период за свои преступления. В частности, критически оценивая фильм армянского режиссёра Г. Кешишяна «Гарегин Нжде», в котором «из военного преступника и пособника фашистов создают яркий образ почти национального идола».

Автор статьи обращает внимание на то, что через подобные произведения «незаметно, дозировано, реальная информация подменяется искаженной, с целью героизации нацистских преступников и их пособников, изменяя ценностные установки современной молодежи» [10, с. 159-160]. По мнению А.А. Токарева, включение в число героев лиц, сотрудничавших с Третьим рейхом, свидетельствует о том, что «Армения формирует собственный национальный нарратив, включающий, как советские, так и антисоветские части» [11, с. 71-72].

При этом позиция армянской стороны по отношению к рассматриваемым фигурам чаще всего выглядит полностью противоположной. В исследованиях армянских ученых и высказываниях политиков на первый план выходит не коллаборационизм Нжде и Дро в годы войны, а их роль в деле создания независимого государства. Так, в интервью чрезвычайного и полномочного посла Республики Армения в России Олега Есаяна Гарегин Нжде назван «выдающимся сыном нашего народа» [10, с. 158]. Похожее мнение приводится в статье А.В. Енокяна: «Нжде является национальным героем армянского народа, который всю жизнь боролся за свободу Ар-

⁵ См., напр.: Батыев Б. Медаль имени армянского нациста «Дро»: кто получал и где они сейчас? // Caliber.az. <https://caliber.az/post/medal-imeni-armyanskogo-nacista-dro-kto-poluchal-i-gde-oni-sejchas?ysclid=mgf0cfvts729858422> (дата обращения: 28.08.2025).

⁶ Демонтаж мемориальной доски Гарегина Нжде в Армавире – отражение отношений власти Пашиняна с Россией // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. 3 декабря 2019 // <https://russia-armenia.info/node/63637> (дата обращения: 28.08.2025).

мении. Он не был ни фашистом, ни нацистом. Он сотрудничал с Германией, но только с целью недопущения нападения на Армению и нового геноцида со стороны союзника Германии – Турции» [9, с. 406]. Ю. Антонян также объясняет сотрудничество Нжде с фашистами его стремлением «таким

образом осуществить свои мечты по возвращению Западной (Турецкой) Армении и освобождению от большевиков Восточной (Советской) Армении» [6, с. 128].

Вполне понятно, что подобные утверждения только усиливают разногласия и в научной среде, и в отношениях между государствами.

Оценка деятельности Г. Нжде и Д. Канаяна в современной публицистике

Заочная дискуссия по поводу сохранения памяти нынешних национальных героев Армении разгорелась и в сети Интернет. Так, например, ресурс «Вестник Кавказа» ставит установление памятника Нжде в Ереване в один ряд со сносом советских памятников в Польше, приравниванием бандеровцев на Украине к героям Второй мировой войны и парадами ветеранов СС в Прибалтике, напоминая, что в Советской Армении Нжде считался коллаборационистом и одним из создателей Армянского легиона СС, принимавшего участие в оккупации Крыма и битве за Кавказ⁷.

В ряде других размещенных в Интернете материалов подчеркивается сотрудничество Нжде с гитлеровцами и близость проповедуемой им идеологии нацистской. Так, в тексте, представленном на ресурс-

се Проза.ру, имеется следующий фрагмент: «В ориентировке Второго управления НКГБ СССР об анти-советской деятельности армянской националистической эмиграции и о созданной германской разведкой зондеркоманде «Дромедар» под №1459 от 5 июня 1943 года говорится: «В Болгарии была создана армянская националистическая партия, наподобие гитлеровской, которую возглавил бывший поручик болгарской службы дашнак Нжде Гарегин»⁸.

Следует отметить, что в популярной интернет-энциклопедии «Википедия», особенно в ее англоязычной версии, деятельность Нжде представлена преимущественно в позитивных тонах [10, с. 158]. В сети ВКонтакте под фотографией могилы Дро в Апаране написано: «При всей неоднозначности его фи-

⁷ Гарегин Нжде: национальный герой или военный преступник? // Вестник Кавказа – Аналитика (2 декабря 2017 г.) // <https://vestikavkaza.ru/analytics/Garegin-Nzhde-natsionalnyy-geroy-ili-voennyy-prestupnik.html> (дата обращения: 28.08.2025).

⁸ Жани Ион. Как Нжде предавал Дро, чтобы спасти себя // Проза. Ру // <https://proza.ru/2023/08/27/1050> (дата обращения: 28.08.2025).

гуры, он является бесспорным героем нашего народа»⁹. Эта мысль поддерживается и большинством комментаторов.

Много интересной информации для анализа в рамках исследуемой темы содержит ресурс Armenia Today. В представленной на нем статье Рубена Гюльмисаряна оценка деятельности Д. Канаяна (Дро) звучит следующим образом: «Дро признавал некоторое сотрудничество с нацистами, но оправдывался тем, что в плену у гитлеровцев находилось до полумиллиона армян, которых он в прямом смысле спас от концлагерей и смерти. К тому же «Армянский легион» так и не был задействован, не вел никаких боевых действий, в том числе и против Советской Армии... Кто-то и сегодня осуждает Дро (и не только его) за связь с нацистами. Мол, раз пошел на сотрудничество, так вот тебе и клеймо на вечные времена, даром что не воевал никогда против своих, не запятнал себя предательством. ... Интересно, как повели бы себя нынешние «судьи», окажись они в 1941 году между даже не двух, а трех огней – готовую вторгнуться в Армению Турцию, чтобы довершить дело 25-летней давности, забывать не позволено. Они думали о своем народе, для которого главной угрозой всегда был турок. В 1940-ых турка остановил Сталинград» [12]. Смешение в одном тексте Армении, Турции, Германии и СССР свиде-

тельствует о попытках автора подвести геополитическое обоснование под собственные, весьма спорные тезисы.

Более взвешенным подходом отличается посвященная Д. Канаяну статья Ашота Сагратяна в газете «Ноев ковчег», но и в ней звучит мотив частичного оправдания коллаборационизма «генерала Дро», считавшего Гитлера «вполне приемлемым союзником в противоборстве со Сталиным». При этом автор отмечает, что военнопленные-армяне в большинстве своем не стремились вступать в ряды создаваемого Нжде и Дро Армянского легиона. Однако «Дро велел землякам жизни не щадить во имя и ради возвращения родному народу его родины и исконных земель. Скорее всего, призыв сработал. Нашлись и такие, кто готов был пойти и на диверсии в глубоком тылу, даже в Армении. ... Между тем Сталину не раз докладывали, что Дро в форме генерала вермахта с маузером своим не раз и сам ходил в атаки под Пятигорском и в Крыму. В 1942-м слышал об этом от офицеров СМЕРШ и мой отец», – пишет А. Сагратян. Далее он же приводит данные о том, что Дро, «делая вид, что служит немцам», активно помогал своим соотечественникам и в 1947 г. «на всемирном съезде партии «Дашнакцутюн» ... подробно отчитался о роде и характере своей деятельности в годы войны, приведя нео-

⁹ Могила Дро, Апаран // https://vk.com/wall-58152315_359099?ysclid=mgew6gbjfi462354423 (дата обращения: 28.08.2025).

проверяемые доказательства своего непосредственного участия в спасении сотен армянских жизней, включая коммунистов, избавив их от истязаний и пыток в концлагерях» [13].

Содержание комментариев к статье свидетельствует о том, что

немногочисленные высказывания о противоречивости фигуры Д. Канаяна теряются на фоне категоричных заявлений большинства: «Дро – Герой армянского народа. Он много полезного сделал», «Дро даже сейчас боится враги Армении. Слава Драстамату Канаяну!» [13].

Заключение

Анализ научной литературы и современной публицистики показывает ряд проблем, связанных с процессом мемориализации Г. Нжде и Д. Канаяна в современной Армении.

В целом в Республике Армения сохраняется уважительное отношение к памяти о Великой Отечественной войне, однако превращение коллаборационистов в национальных героев остро поднимает вопрос о недопустимости реабилитации нацизма [3, с. 184].

Позиция армянских властей относительно мемориализации памяти сотрудничавших с Гитлером в годы войны Гарегина Нжде и «генерала Дро» выражается как в практической деятельности (установка памятников, выпуск медалей, переименование улиц и т.д.), так и в официальных заявлениях. В частности, в ответ на критику, вызванную показом в Москве художественного фильма о Нжде, посольство Республики Армения в РФ выразило «свою глубокую озабочен-

ность в связи с попытками осквернения памяти борца за независимость Армении Г. Нжде со стороны определенных кругов, заинтересованных в очернении армяно-русских братских отношений»¹⁰.

Превращение Гарегина Нжде и Драстамата Канаяна в национальных героев связано прежде всего с приписываемыми им заслугами в борьбе за создание независимого армянского государства. Однако коллаборационизм обоих в научных статьях и публицистических текстах армянских авторов чаще всего либо упоминается вскользь, либо обосновывается необходимостью спасения соотечественников, попавших в немецкий плен и вынужденных идти на сотрудничество с врагом. Другим вариантом объяснения сотрудничества Нжде и Дро с Германией является попытка представить их патриотами, стремившихся не допустить нападения на Армению Турции. В некоторых публикациях полностью отрицается участие созданного ими

¹⁰ Новости Армении-NEWS.am // <https://news.am/rus/news/684453.html> (дата обращения: 28.08.2025).

Армянского легиона в военных действиях против советских войск.

Результаты проводимой в Армении политики памяти становятся особенно заметными при анализе взглядов молодых и людей среднего поколения – как жителей республики, так и армян, находящихся за ее пределами. Так, проведенное Г.Н. Геворкян в 2018 г. анкетирование проживающих в Москве представителей армянской диаспоры показало, что в числе выделяемых ими важнейших событий в истории армянского народа лидирующие позиции занимают принятие христианства, геноцид армянского народа в 1915–1922 гг. и война в Нагорном Карабахе, тогда как о Великой Отечественной войне вспомнили лишь несколько респондентов. В числе национальных героев Армении представителями диаспоры чаще всего назывался активный участник Карабахской войны М. Мелконян, а следом за ним – Гарегин Нжде. Только пятая часть опрошенных упомянула об армянах – маршалах СССР, внесших значительный вклад в Победу [14, с. 38-39].

Приведенные данные позволяют поставить под сомнение утверждение А.В. Енокяна и С. Маркедонова о том, что в современной Армении «знаки внимания со стороны власти к таким персонам, как Нжде, не привели к вытеснению этими персонажами героев Великой Отече-

ственной войны» [1; 9, с. 406]. Следует вспомнить и о том, что скандальный памятный знак Г. Нжде в Армавире был возведен по инициативе молодежного комитета при армавирском отделении Союза армян России¹¹, то есть для молодых людей Нжде, действительно, является героем.

В целом, в современных исследованиях по истории Армении очевидно смещение акцентов в оценке событий прошлого, когда на первый план выдвигаются национальные сюжеты, а не общесоветское единство [1]. В силу этого формирование образа борцов за независимость в лице Нжде и Дро, наряду с традиционно прославляемыми реальными героями И.Х. Баграмяном, А.Х. Бабаджаняном и др., свидетельствует о корректировке понимания сути Великой Отечественной войны как противостояния блоку фашистских стран всего советского народа, защищавшего единую Родину – СССР, к выдвигению на первый план идей защиты своего этноса и построения национального государства. Реализуемая таким образом политика мемориализации памяти героев в Армении выступает фактором сплочения собственного народа, но негативно воспринимается в соседних государствах, вызывая критику и острые дискуссии в научной литературе и современной публицистике.

¹¹ Жители Армавира просят убрать мемориальную табличку пособнику нацистов // Комсомольская правда - Кубань. 31 июля 2017. <https://www.kuban.kp.ru/daily/26711.5/3735485/> (дата обращения: 28.08.2025).

Список литературы

1. Маркедонов С. Политика и история: как меняется память о Великой войне в Азербайджане, Армении и Грузии // Евразия. Эксперт // <https://eurasia.expert/kak-menyaetsya-pamyat-o-velikoy-voynе-v-azerbaydzhanearmenii-i-gruzii/> (дата обращения: 28.08.2025).
2. Ковба Д.М., Грибовод Е.Г. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве // Дискурс-Пи. 2020. № 2 (39). С. 59-77.
3. Вклад союзных республик СССР в общую Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Борьба с фальсификацией истории / К.Ф. Затулин, И.С. Шишкин, А.В. Грозин [и др.]. М.: Издательство Прометей. 2025.
4. Наумов А.О. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № S6 (116). С. 41-45.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле. 2013.
6. Антонян Ю. Возвращение героя: новые культы «Древней» религии // Colloquium heptaplomeres. 2014. № 1. С. 126-135.
7. Атанесян Г. Христианская символика в городских памятниках постсоветской Армении // Культура и искусство. 2018. № 5. С. 1-5.
8. Кузнецов О.Ю. Государственная политика героизации нацизма в Армении и реакция МИД России: историко-правовой анализ // Sciences of Europe. 2019. № 40-3 (40). С. 36-44.
9. Енокян А.В. Историческая память о Великой Отечественной войне в Армении // Постсоветские исследования. 2020. № 5. С. 403-408.
10. Марченко С.М. Реализация в воспитательном процессе в военных вузах внутренних войск МВД России анализа современных тенденций героизации нацистских преступников и их пособников // Ученые записки университета Лесгафта. 2015. № 11 (129). С. 157-160.
11. Токарев А.А. Отрицание, встраивание, постепенное забвение: государственные стратегии по отношению к советскому наследию в Грузии, Армении и Азербайджане // Вестник МГИМО. 2017. № 5 (56). С. 60-80.
12. Гюльмисарян Р. Дро: похороненный в победном Баш-Апаране (28 мая 2020 г.) // Armenia Today // <https://armeniatoday.news/culture-ru/106837/> (дата обращения: 28.08.2025).

13. Сагратян А. Сердца нет у времени... // Ноев ковчег. 2013. № 5 (211). Март (16–31) // <https://noev-kovcheg.ru/mag/2013-05/11-12/> (дата обращения: 28.08.2025).

14. Геворкян Г.Н. Особенности коллективной памяти современной армянской диаспоры Москвы // Человек и культура. 2020. № 3. С. 33-42.

ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

В 2026 году наш учредитель и издатель, Институт стран СНГ, отмечает 30-летие со дня основания. Это важная дата в истории российского аналитического сообщества, занимающегося всесторонним исследованием постсоветского пространства и проблемами российской диаспоры. Приглашаем коллег и партнеров принять участие в юбилейных мероприятиях, информация о которых будет размещена на сайте института <https://i-sng.ru/>

ISHCHENKO Oksana V. – Surgut State University, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Public, Municipal and Personnel Management, Surgut, Russia, email: ischenko_ov@surgu.ru

Keywords: memorialization, national heroes, G. Nzhdeh, D. Kanayan, historical memory, collaboration, Armenia, independent state

MEMORIALIZATION OF G. NZHDEH AND D. KANAYAN IN THE ACADEMIC AND PUBLIC DISCOURSE OF RUSSIA, AZERBAIJAN, AND ARMENIA

Abstract

The article examines assessments of the memorialization of Garegin Nzhdeh and Drastamat Kanayan in modern Armenia as presented in academic publications by Armenian, Russian, and Azerbaijani authors, as well as in journalistic and online sources. The source base includes scholarly works on memory politics and historical memory of the Great Patriotic War, media materials, and user comments. The study employs discourse analysis and comparative analysis. It is shown that the transformation of figures who collaborated with Nazi Germany into national heroes is evaluated ambiguously in both academic and public discourse and is used by neighboring states to accuse Armenia of “glorifying fascism.” At the same time, within Armenia, Nzhdeh and Kanayan are perceived primarily as fighters for an independent Armenian state, which indicates a shift in memory politics from a shared Soviet narrative toward a nationally oriented one.

References

1. Markedonov S. Politics and history: how the memory of the Great War is changing in Azerbaijan, Armenia and Georgia // Eurasia. Expert // [https://eurasia.expert / kak-menyaetsya-pamyat-o-velikoy-voyne-v-azerbaydzhanearmenii-i-gruzii/](https://eurasia.expert/kak-menyaetsya-pamyat-o-velikoy-voyne-v-azerbaydzhanearmenii-i-gruzii/) (accessed: 28.08.2025).

2. Kovba D.M., Gribovod E.G. Features of the formation and implementation of the policy of remembrance of the Great Patriotic War in the post-Soviet space // Discourse-Pi 2020. No. 2 (39). Pp. 59-77.
3. The contribution of the Union Republics of the USSR to the common Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. Combating the falsification of history / K.F. Zatulin, I.S. Shishkin, AV. Grozin [et al.]. Moscow: Prometheus Publishing House. 2025.
4. Naumov A.O. Historical memory of the Great Patriotic War as a resource of “soft power” in modern Russia // Proceedings of the Altai State University. 2020. No. S6 (116). Pp. 41-45.
5. The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 6. The Secret War. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War. Moscow: Kuchkovo Pole. 2013.
6. Antonyan Yu. The Return of the hero: new cults of the “Ancient” religion // Colloquium heptaplomeres. 2014. No. 1. Pp. 126-135.
7. Atanesyan G. Christian symbolism in urban monuments of post-Soviet Armenia // Culture and Art. 2018. No. 5. Pp. 1-5.
8. Kuznetsov O.Y. The state policy of glorification of Nazism in Armenia and the reaction of the Russian Foreign Ministry: historical and legal analysis // Sciences of Europe. 2019. No. 40-3 (40). Pp. 36-44.
9. Enokyan A.V. Historical memory of the Great Patriotic War in Armenia // Post-Soviet studies. 2020. No. 5. Pp. 403-408.
10. Marchenko S.M. The implementation of the analysis of modern trends in the glorification of Nazi criminals and their accomplices in the educational process in military universities of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific Notes of Lesgaft University. 2015. No. 11 (129). Pp. 157-160.
11. Tokarev A.A. Denial, embedding, gradual oblivion: state strategies in relation to the Soviet legacy in Georgia, Armenia and Azerbaijan // MGIMO Bulletin. 2017. No. 5 (56). Pp. 60-80.
12. Gulmisaryan R. Dro: buried in victorious Bash Aparan (May 28, 2020) // Armenia Today // <https://armeniatoday.news/culture-ru/106837/> [accessed: 28.08.2025].
13. Sagratyan A. Time has no heart... // Noah's Ark. 2013. No. 5 (211). March (16-31) // <https://noev-kovcheg.ru/mag/2013-05/11-12/> [accessed: 08/28/2025].
14. Gevorgyan G. N. Features of the collective memory of the modern Armenian Diaspora in Moscow // Man and Culture. 2020. No. 3. Pp. 33-42.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025 г.

Принята к публикации 26.11.2025 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА П.Н. МИЛЮКОВА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ (2010–2020 ГГ.)

Аннотация

Статья посвящена анализу современного этапа историографии творчества П.Н. Милюкова. На основе историографического анализа показано, что расширение источниковой базы и ослабление политизированных оценок способствовали переходу от фрагментарных и оценочных трактовок к более комплексному рассмотрению взглядов Милюкова как историка, мыслителя и общественного деятеля. В статье выявляется сохраняющаяся фрагментарность новейшей историографии, проявляющаяся в раздельном анализе отдельных аспектов концепции П.Н. Милюкова и отсутствии синтетического подхода к ее осмыслению. Делается вывод о значительном эвристическом потенциале его наследия и необходимости дальнейшего комплексного изучения в контексте развития отечественной исторической мысли.

Введение

Историческое наследие П.Н. Милюкова – одного из крупнейших представителей отечественной исто-

рической науки и общественно-политической мысли конца XIX – первой половины XX в. – на протяжении

НУРИЕВ Эльнур Эльшадович – аспирант кафедры общей истории Государственного университета просвещения, Россия, Москва, email: ehlnur-nuriev@yandex.ru

Ключевые слова: П. Н. Милюков, отечественная историография, историография исторической науки, либеральная традиция, русская революция, европеизм и национальное своеобразие, историческая мысль России

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_128

длительного времени оставалось в центре внимания исследователей. Однако характер и направленность его историографического осмысления существенно менялись в зависимости от общественно-политического контекста и методологических установок эпохи.

Современный этап изучения творчества П.Н. Милюкова, условно формирующийся с начала 2010-х гг., отличается рядом принципиальных особенностей. Во-первых, заметным снижением политизированности интерпретаций и отказом от крайних оценок, характерных как для советской, так и для ранней постсоветской историографии. Во-вторых, практически полным введением в научный оборот корпуса источников, включая архивные материалы и эмигрантскую публицистику, что создало предпосылки для более взвешенного и комплексного анализа его научного наследия. В-третьих, значительным расширением проблемного поля исследований: наряду с традиционным интересом к взглядам Милюкова на русскую революцию и петровские реформы, в фокус внимания попали вопросы культурной истории, национального самосознания, внешней политики,

эмиграции и взаимодействия науки и политики.

В то же время, несмотря на количественный рост публикаций, современная историография творчества П.Н. Милюкова сохраняет внутреннюю фрагментарность. Отдельные аспекты его концепции изучаются изолированно, а интерпретации различных авторов нередко расходятся в оценке ключевых положений – прежде всего, проблемы европеизма и национального своеобразия России, роли государства в историческом процессе и характера русской революции. Это делает актуальной задачу аналитического обзора новейших исследований, направленного не столько на их перечисление, сколько на выявление доминирующих тенденций, дискуссионных узлов и нерешенных проблем.

Целью настоящей статьи является анализ современного историографического этапа изучения творчества П.Н. Милюкова, выявление основных направлений и интерпретационных подходов в работах отечественных исследователей последних лет, а также определение перспектив дальнейшего осмысления его научного наследия в контексте отечественной истории.

Источниковая и исследовательская база нашего этапа изучения творчества П. Н. Милюкова

Формирование современного этапа историографии творчества П.Н. Милюкова стало возможным

прежде всего благодаря существенному расширению и систематизации источниковой базы. К

началу 2010-х гг. в научный оборот были введены основные комплексы архивных материалов, связанных с научной и общественно-политической деятельностью историка, что позволило перейти от фрагментарного анализа отдельных аспектов его наследия к рассмотрению эволюции его взглядов в целом, в более широком интеллектуальном контексте рассматриваемой эпохи.

Особое значение для новейших исследований приобрели публикации переписки и рукописного наследия П.Н. Милюкова, а также археографические работы, реконструирующие контекст создания его ключевых трудов [1; 2; 3]. Эти материалы позволили уточнить хронологию формирования его концепций, выявить влияние научной среды и интеллектуальных дискуссий конца XIX – начала XX в., а также скорректировать ряд устоявшихся интерпретаций, сложившихся в предшествующей историографии.

Важным направлением источникового обновления стало обращение к эмигрантской публицистике П.Н. Милюкова, прежде всего к материалам газеты «Последние новости», выходившей в Париже в 1920–1940 гг. [4; 5]. В современной историографии она рассматривается как специфический тип источника, сочетающий черты политической публицистики и историко-философской рефлексии. Анализ этого корпуса позволил исследователям проследить, каким образом исторические представле-

ния Милюкова трансформировались под воздействием эмиграционного опыта, международной обстановки и развития советского проекта.

Наряду с расширением источниковой базы, в новейший период изменился и характер исследовательских работ, посвященных П.Н. Милюкову. Если ранее преобладали обобщающие или оценочные публикации, то в последние годы заметно возросло число проблемно-ориентированных исследований, сосредоточенных на отдельных аспектах его наследия: концепции русской революции, интерпретации петровских реформ, взглядах на национальный вопрос, культуре и внешней политике [6; 7; 8]. Такой подход способствует более глубокому анализу внутренних противоречий и многослойности его исторической концепции.

В то же время следует отметить, что несмотря на разнообразие тематических направлений, современные исследования зачастую развиваются параллельно, не образуя единого синтетического поля. Отдельные группы работ акцентируют внимание либо на научной, либо на политической составляющей деятельности Павла Николаевича Милюкова, что затрудняет целостное восприятие его как историка и мыслителя. Это обстоятельство обуславливает необходимость сопоставительного анализа различных исследовательских подходов и выявления общих методологических оснований.

Интерпретация ключевых идей П. Н. Милюкова в новейших исследованиях

Центральное место в новейшей историографии творчества П.Н. Милюкова занимает интерпретация его представлений об историческом пути России, соотношении европеизма и национального своеобразия, а также роли государства в историческом процессе. Именно вокруг этих проблем сегодня формируется основной массив дискуссий, выявляющих сложность и внутреннюю противоречивость его исторической концепции.

В ряде современных исследований Милюков предстает как последовательный сторонник европейского вектора развития России, рассматривавший отечественную историю в контексте универсальных закономерностей западноевропейского исторического процесса, но с существенным временным запаздыванием [6]. При этом подчеркивается, что его европеизм не носил догматического характера и не предполагал механического заимствования западных форм. Напротив, Милюков последовательно критиковал как абсолютизацию «русской исключительности», так и крайние формы западничества, стремясь к синтезу сходства и своеобразия исторического развития [3].

Особое внимание в новейшей историографии уделяется милюковской трактовке национального самосознания. Так, К.Н. Трунов отмечает, что, оставаясь приверженцем идеи европейского пути, Милюков придавал значительное значение

формированию национальной идентичности, связывая ее не с этническими или «кровными» признаками, а с социокультурными и историческими факторами [9]. В этом контексте он различал понятия «национальный» и «националистический», рассматривая последний как одностороннюю и потенциально деструктивную форму национального самоутверждения.

Значительный пласт современных исследований посвящен анализу взглядов Милюкова на роль государства в истории России. Авторы сходятся во мнении, что в его концепции государство занимало гипертрофированное место, что объяснялось особенностями исторического развития страны, прежде всего необходимостью мобилизации ресурсов в условиях постоянной внешней угрозы [10; 3]. В этом ключе интерпретируются и его оценки петровских реформ, которые рассматривались как насильственный, плохо подготовленный процесс модернизации, обеспечивший внешнеполитические успехи, но достигнутый ценой значительного напряжения и деформации общественных структур [6; 3].

Современные авторы, например, О.И. Митяева обращают внимание на то, что, критикуя абсолютистские методы петровской модернизации, Милюков не отрицал ее исторической необходимости, однако ставил вопрос о «цене прогресса», которая, по его мнению, в России

оказалась значительно выше, чем в странах Западной Европы. Такая постановка проблемы сближает его взгляды с более поздними историографическими интерпретациями, ориентированными на анализ социальных и культурных последствий модернизационных рывков.

Важным направлением новейших исследований стало осмысление концепции Милюкова культуры как синтетического феномена, включающего экономические, социальные и духовные компоненты. Культурологи И.А. Петрова и Д.С. Шаменкова подчеркивают его отказ от редукционистских схем и стремление рассматривать культуру как целостный «поток», формирующийся под воздействием множества факторов [8]. В этом контексте Милюков предстает как последовательный сторонник многофакторного подхода, сближающего его с ранними формами цивилизационного анализа.

В то же время интерпретации культурологических аспектов его наследия остаются неоднозначны-

ми. Так, в ряде работ православие трактуется как фундаментальный фактор формирования русской культуры, тогда как в других подчеркивается ограниченность его влияния и особая роль народного творчества, что порождает внутренние противоречия в реконструкции милоюковской концепции [8]. Эти расхождения свидетельствуют о сохраняющейся дискуссионности проблемы и отсутствии единого подхода к интерпретации культурно-исторических взглядов Милюкова.

В целом новейшая историография демонстрирует стремление рассматривать ключевые идеи П.Н. Милюкова не изолированно, а во взаимосвязи, подчеркивая их синтетический характер. Однако различия в исследовательских акцентах и методологических установках приводят к тому, что его концепция по-прежнему предстает в виде набора интерпретаций, а не целостной теоретической системы, что определяет необходимость дальнейшего аналитического осмысления.

П.Н. Милюков как историк революции и политики в оценках новейшей историографии

Особое место в новейшей историографии творчества П.Н. Милюкова занимает анализ его взглядов на русскую революцию и соотношение научной и политической составляющих его деятельности. Именно эти аспекты наследия историка традиционно вызывали наибольшие споры и в значитель-

ной степени определяли поляризацию оценок его фигуры.

Современные исследователи обращают внимание на целостность концепции русской революции Милюкова, в рамках которой события 1905 и 1917 гг. рассматривались как взаимосвязанные этапы единого революционного процесса

[11; 12]. Милюков характеризовал революцию 1905 г. как «пробную», а события 1917 г. – как ее окончательную, завершенную форму, при этом подчеркивая, что большевистская победа не завершила, а лишь продлила революционный процесс, открыв его новый, наиболее радикальный этап.

Исследователь В.В. Вострикова акцентирует также принципиальное различие, которое Милюков проводил между Февральской и Октябрьской революциями. Февраль он трактовал как «национальную» и в значительной степени рациональную попытку обновления политической системы, тогда как Октябрьская революция рассматривалась им как интернациональный по своим целям переворот, приведший к расколу нации и длительной гражданской войне [11]. Такая дихотомия, по ее мнению, отражает не только политические убеждения Милюкова, но и его историко-теоретическое представление о закономерностях революционного процесса.

Значительное внимание в современной историографии уделяется разработке Милюковым проблемы краха самодержавия. Р.Р. Фатхудинов отмечает, что он рассматривал падение монархии как результат системного кризиса, усугубленного условиями мировой войны, но при этом допускал возможность альтернативного развития событий при ином внешнеполитическом выборе, в частности заключении мира с Германией [12]. Подобная постановка вопроса позволяет рассма-

тривать его взгляды как попытку соединить структурный анализ с элементами контрфактического мышления.

Отдельным направлением новейших исследований стало осмысление эволюции политических взглядов Милюкова в эмиграции, особенно в 1930–1940-е гг. А.М. Матвеева подчеркивает, что, оставаясь непримиримым противником большевистского режима, Милюков в условиях нарастания внешней угрозы проявлял отчетливо выраженную государственно-патриотическую позицию, отвергая любые формы сотрудничества с врагами России [13]. Его реакция на Мюнхенское соглашение, а также сдержанная оценка советской внешней политики конца 1930-х гг. интерпретируются как проявление приоритета национальных интересов над идеологическими разногласиями.

В этой связи в новейшей историографии получает развитие тезис о несводимости либеральных взглядов Милюкова к антипатриотизму. Напротив, Б.С. Романов указывает на органичное сочетание в его мировоззрении либеральных и государственно-патриотических установок, что особенно отчетливо проявилось в годы Второй мировой войны [14]. Такая интерпретация способствует пересмотру устойчивых стереотипов, противопоставлявших либерализм и патриотизм в отечественной политической и исторической традиции.

Наконец, современные авторы все чаще обращаются к проблеме

соотношения научных и политических взглядов Милюкова, подчеркивая их взаимную обусловленность. Его собственное утверждение о том, что «Милюков-политик был отражением Милюкова-историка», рассматривается как ключ к пониманию логики его общественной деятельности и исторических построений [9; 10]. В этом контексте политическая практика Милюкова интерпретируется не как от-

клонение от научной позиции, а как ее практическое продолжение.

Таким образом, новейшая историография демонстрирует стремление к более взвешенному и многомерному анализу фигуры П.Н. Милюкова, рассматривая его одновременно как историка, политика и мыслителя, чьи взгляды формировались на пересечении научного анализа и исторического опыта эпохи.

Заключение

Анализ новейшего этапа историографии творчества П.Н. Милюкова позволяет констатировать качественный сдвиг в подходах к осмыслению его научного наследия. Современные исследования демонстрируют отход от политизированных и односторонних интерпретаций, характерных для предшествующих периодов, и стремление рассматривать Милюкова прежде всего как профессионального историка и мыслителя, чьи взгляды формировались в сложном интеллектуальном и общественно-политическом контексте конца XIX – первой половины XX в.

Важнейшим результатом этого этапа стало расширение источниковой базы и проблемного поля исследований. Введение в научный оборот архивных материалов и эмигрантской публицистики позволило реконструировать эволюцию исторических и политических представлений Милюкова, выявить их внутреннюю логику и противоречия. Современная историография вы-

шла за рамки узкого интереса к его оценкам революции и петровских реформ, включив в анализ вопросы культуры, национального самосознания, государственности и внешней политики.

В то же время проведенный обзор показывает, что новейшие исследования сохраняют определенную фрагментарность. Отдельные аспекты наследия Милюкова – европеизм и национальное своеобразие, роль государства, интерпретация революционного процесса, соотношение научной и политической деятельности – зачастую рассматриваются изолированно, без попытки их синтетического объединения. Это приводит к существованию параллельных, а иногда и противоречивых интерпретаций, не всегда соотносимых между собой в рамках целостной концепции.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется комплексный анализ исторической концепции П.Н. Ми-

люкова, ориентированный на выявление взаимосвязи ее отдельных элементов и их места в развитии отечественной исторической мысли. В этом контексте его наследие сохраняет значительный эвристический потенциал, позволяя не

только углубить понимание интеллектуальной истории России рубежа XIX–XX вв., но и по-новому осмыслить дискуссии о путях развития российской государственности, культуре и национальной идентичности.

Список литературы

1. Трибунский П.А. Документы. Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова. Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Москва-Рязань. Россия // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2010. № 3. С. 77–160.
2. Трибунский П.А. Выявление материалов по американской истории в русских архивах и П.Н. Милюков // *Американский ежегодник*. 2018/2019. С. 301–313.
3. Митяева О.И. Исторические и политические взгляды П.Н. Милюкова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. 2014. № 2. С. 81.
4. Малыхин К.Г. Милюков в 20-е годы: теория революции и оценка последствий русской революции 1917 года // *Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2012. № 5. С. 45–50.
5. Милюков П.Н. Социологические основы русского исторического процесса // *Последние новости*. 1932. 29 января.
6. Широкова Е. Павел Николаевич Милюков // *Белые страницы истории* // <https://belayaistoriya.mirtesen.ru/blog/43180093102/Pavel-Nikolayevich-Milyukov> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Самохина Г.А. Российские либеральные историки начала XX века о положении России в Антанте и национальных интересах страны // *Вестник Пермского университета. История*. Вып. 4 (27). 2014. С. 68–74.
8. Петрова И.А., Шаменкова Д.С. Особенности развития русской литературы в концепции П.Н. Милюкова // *Известия ВГПУ. Исторические науки и археология*. № 7. 2015. С. 280–287.
9. Трунов К.Е. П.Н. Милюков и кадетская стратегия решения национального вопроса в России в начале XX века // *Мир науки и образования*. 2016. № 1 (5). С. 17–32.
10. Волкова Н.К. П.Н. Милюков: историк, политик // *Вестник Российского университета кооперации*. 2015. № 2 (20). С. 126–135.
11. Вострикова В.В. Революционный процесс 1917 года в России в оценке либеральных политиков и идеологов начала XX века // *Гражданское общество в России и за рубежом*. № 4. 2017. С. 10.

12. Фатхудинов Р.Р. П.Н. Милюков о причинах краха самодержавия // Historical Sciencesi Colloquium-journal. № 5 (16). 2018. С. 28–30.
13. Матвеева А.М. Джингоист пробольшевизма. Идеино-политические воззрения П.Н. Милюкова накануне Второй мировой войны // Новые исторические перспективы. 2016. № 3. С. 11–18.
14. Романов Б.С. Умственное величие в российской политике // Приложение «Наука» к Независимой газете. 22.05.2023 г.

NURIEV Elnur E. – postgraduate student of the Department of General History of the State University of Education, Russia, Moscow, email: ehlnur-nuriev@yandex.ru

Keywords: P. N. Milyukov, Russian historiography, historiography of historical science, liberal tradition, Russian revolution, Europeanism and national identity, historical thought of Russia

TRANSFORMATION OF APPROACHES TO THE STUDY OF P.N. MILYUKOV'S WORK IN MODERN HISTORIOGRAPHY (2010-2020)

Abstract

The article analyzes the contemporary stage in the historiography of P. N. Milyukov's scholarly legacy. Based on a historiographical analysis, it is shown that the expansion of the source base and the decline of politicized assessments have facilitated a transition from fragmentary and evaluative interpretations to a more comprehensive consideration of Milyukov's views as a historian, thinker, and public figure. The article identifies the persistent fragmentation of recent historiography, manifested in the separate examination of individual aspects of P. N. Milyukov's concept and the absence of a synthetic approach to its interpretation. The conclusion emphasizes the significant heuristic potential of his legacy and the necessity of its further comprehensive study within the context of the development of Russian historical thought.

References

1. Tribunsky P.A. Documents. Correspondence between A.S. Lappo-Danilevsky and P.N. Milyukov. Solzhenitsyn House of Russian Abroad. Moscow-Ryazan. Russia // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. No. 3. P. 77–160.
2. Tribunsky P.A. Identification of materials on American history in Russian archives and P.N. Milyukov // American Yearbook. 2018/2019. P. 301–313.
3. Mityaeva O.I. Historical and political views of P.N. Milyukov // Vestn. Moscow time. un-ta. Ser. 12. Political sciences. 2014. No. 2. P. 81.

4. Malykhin K.G. Milyukov in the 20s: theory of revolution and assessment of the consequences of the Russian Revolution of 1917 // Izvestiya VUZov. The North Caucasus region. Social sciences. 2012. No. 5. P. 45–50.
5. Milyukov P.N. The sociological foundations of the Russian historical process // Latest news. 1932. January 29th.
6. Shirokova E. Pavel Nikolaevich Milyukov // White pages of history // <https://belayaistoriya.mirtesen.ru/blog/43180093102/Pavel-Nikolayevich-Milyukov> (accessed: 10.10.2025).
7. Samokhina G.A. Russian liberal historians of the early twentieth century on Russia's position in the Entente and the country's national interests // Bulletin of Perm University. History. Issue 4 (27). 2014. P. 68–74.
8. Petrova I.A., Shamenkova D.S. The peculiarities of the development of Russian literature in the concept of P.N. Milyukov // Izvestiya VGPU. Historical Sciences and Archeology. No. 7. 2015. P. 280–287.
15. 9. Trunov K.E. P.N. Milyukov and the Cadet strategy for solving the national question in Russia at the beginning of the twentieth century // The world of science and education. 2016. No. 1 (5). P. 17–32.
10. Volkova N.K. P.N. Milyukov: historian, politician // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2015. No. 2 (20). P. 126–135.
11. Vostrikova V.V. The revolutionary process of 1917 in Russia in the assessment of liberal politicians and ideologists of the early twentieth century // Civil society in Russia and abroad. No. 4. 2017. P. 10.
12. Fatkhudinov R.R. P.N. Milyukov on the causes the collapse of the autocracy // Historical Sciences Colloquium-journal. № 5 (16). 2018. P. 28–30.
13. Matveeva A.M. The jingoist of pro-Bolshevism. Ideological and political views of P.N. Milyukov on the eve of the Second World War // New historical perspectives. 2016.No. 3. P. 11–18.
14. Romanov B.S. Mental greatness in Russian politics // Appendix "Science" to Nezavisimaya Gazeta. 22.05.2023.

Статья поступила в редакцию 12.11.2025 г.

Принята к публикации 19.01.2026 г.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (2020–2025 ГГ.)

Аннотация

Статья посвящена анализу современной отечественной историографии российской политической элиты. В работе использованы методы историографического анализа, проблемно-хронологического и сравнительного подходов, а также элементы структурно-исторического анализа научных исследований. В результате выявлены основные направления изучения российской политической элиты, зафиксирован сдвиг от транзитологических и нормативных интерпретаций к анализу преемственности, структурной трансформации и адаптации элитного слоя в новейшей истории России. Показано, что современная историография рассматривает политическую элиту как устойчивый социально-властный слой, эволюция которого обусловлена длительными историческими процессами постсоветского развития. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и уточнении историографических подходов к изучению российской политической элиты, практическая – в возможности использования полученных выводов при подготовке исследований и учебных курсов по новейшей отечественной истории и истории постсоветского пространства.

ШИРОКОЖУХОВ Александр Александрович – аспирант Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: shirokozuhovaa@gmail.com

Ключевые слова: российская политическая элита, современная историография, новейшая история России, преемственность элит, трансформация элит, постсоветское развитие

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_139

Введение

В отечественной историографии проблема российской политической элиты традиционно рассматривалась в контексте постсоветских трансформаций, транзитологических моделей и наследия советской номенклатуры. Однако в последние годы в условиях углубления структурных изменений российского общества и государства наблюдается заметный сдвиг исследовательской оптики: внимание все чаще сосредотачивается не на смене элит как разрыве с прошлым, а на их исторической эволюции, преемственности и адаптации в рамках новейшего этапа отечественной истории.

Это актуализирует необходимость специального историографического анализа современных подходов к изучению российской политической элиты, выявления ведущих направлений, дискуссий и интерпретационных моделей, сложившихся в последние годы.

Целью настоящей статьи является анализ основных тенденций и проблемных узлов современной отечественной историографии, посвященной российской политической элите, с точки зрения ее исторического осмысления как устойчивого социально-властного слоя в новейшей истории России.

Преемственность и трансформация исследовательских подходов

В историографических работах 2020–2025 гг., посвященных российской политической элите, отчетливо прослеживается отход от представлений, доминировавших в 1990-е и начале 2000-х гг., когда элита трактовалась преимущественно как продукт радикального разрыва с советским прошлым. Современные исследования все чаще исходят из идеи исторической преемственности элитного слоя, фиксируя сохранение базовых механизмов рекрутирования и воспроизводства власти при изменении их институциональных форм.

Одним из ключевых направлений этого сдвига стало переосмысление номенклатурного наследия.

В работе К.Е. Петрова, М. Снеговой и Д.А. Чубарова показано, что, несмотря на смену поколений и формальный отказ от советской системы, социальное происхождение и ранние карьерные траектории продолжают оказывать влияние на положение представителей элиты в современной властной иерархии [1]. Авторы на основе эмпирических данных 2021 г. приходят к выводу о трансформации, но не исчезновении номенклатурной логики, что принципиально отличает их подход от более ранних интерпретаций, ориентированных на тезис «полного обновления» элит.

Сходную исследовательскую позицию занимают О.А. Коряков-

цева и А.Ю. Карпов, рассматривающие российскую политическую элиту как активного субъекта трансформационных процессов, а не как пассивный результат институциональных изменений [2]. В их работе подчеркивается, что эволюция элитного слоя определяется не только сменой политических режимов, но и исторически сложившимися практиками рекрутирования, которые адаптируются к новым условиям, сохраняя внутреннюю преемственность.

Значимый вклад в развитие историко-структурного подхода вносят А.В. Брега и Г.В. Брега, предложившие рассматривать современную российскую элиту через совокупность моделей ее структурирования, включая номенклатурные сети, патронажные пирамиды и гибридные формы внутриэлитных взаимодействий [3]. Принципиально важно, что эти модели интерпретируются авторами не как разрозненные теоретические конструкции, а как результат длительного исторического развития властных отношений в постсоветской России.

Отказ от бинарной схемы «советская элита – постсоветская элита» характерен и для исследований, посвященных динамике элитного состава в новейший период. Так, Д.В. Покатов подчеркивает необходимость различения понятий смены элит, эволюции и изменений внутри элитного слоя, указывая, что наблюдаемая мобильность носит преимущественно внутрисистемный характер [4]. Подобная трактовка позволяет включить процессы обновления элиты в рамки исторического анализа, не сводя их к краткосрочным политическим циклам.

В целом, современная историография демонстрирует устойчивый интерес к проблеме преемственности как ключевому объяснительному принципу. Российская политическая элита все чаще рассматривается не как временная конфигурация власти, а как исторически сформировавшийся социально-властный слой, эволюция которого обусловлена сочетанием советского наследия, постсоветских институциональных изменений и новых условий новейшего этапа отечественной истории.

Структура и динамика российской политической элиты

Одной из центральных тем современной историографии российской политической элиты становится анализ ее структурной конфигурации и динамики в условиях новейшего этапа развития государства. В исследованиях по-

следних пяти лет доминирует установка на эмпирическое описание изменений элитного слоя, что позволяет уйти от нормативных оценок и рассматривать трансформации элиты как исторический процесс, имеющий внутреннюю логику.

Существенный вклад в изучение структуры элитного слоя вносит Л.А. Иванова, анализирующая соотношение федерального и регионального уровней политической элиты [5]. Автор показывает, что в современной России сохраняется многоуровневая организация элит, при этом усиливается вертикальная координация между центром и регионами. Региональные элиты не исчезают как самостоятельный объект исследования, однако их политическая автономия в историографических интерпретациях все чаще рассматривается как ограниченная, что отражает изменения в механизмах государственного управления.

Проблема регионального изменения элиты также подробно рассматривается М.А. Мартыновым и С.Н. Чируном, которые подчеркивают, что региональные политические элиты сохраняют значимость прежде всего в административно-управленческой сфере, утрачивая при этом прежнюю роль в формировании самостоятельных политических стратегий [6]. В историографическом плане важно, что авторы трактуют эти изменения не как кризис региональных элит, а как результат их исторической адаптации к изменившимся условиям функционирования государства.

Отдельное направление исследований связано с анализом механизмов рекрутирования и мобильности элиты. В работах Д.В. Покатова на основе биографического и контент-анализа показано, что обновление элитного состава в 2010–2020-е гг. происходит преимущественно за

счет внутрисистемной мобильности, а не за счет притока принципиально новых социальных групп [4; 7]. Данное положение позволяет интерпретировать динамику элиты как форму исторической эволюции, а не как резкую смену поколений или социальных оснований власти.

Эмпирические исследования А.П. Хлынина дополняют этот вывод, фиксируя изменения социально-демографических и профессиональных характеристик властной элиты за период 2013–2023 гг. [8]. Автор отмечает рост управленческого и административного опыта как ключевого критерия элитного продвижения, что в историографическом контексте интерпретируется как усиление технократического компонента элиты. При этом подчеркивается, что данные изменения не разрывают преемственность элитного слоя, а трансформируют его функциональную структуру.

Важным аспектом современной историографии становится анализ профессиональных и образовательных характеристик элиты. Н.Н. Мещерякова и О.В. Крыштановская, опираясь на данные о качестве и типах образования представителей элитных групп, показывают, что в новейший период не наблюдается их деградации, как это нередко утверждалось в публицистике, а, напротив, происходит смещение в сторону прикладных и управленческих образовательных стратегий [9]. Этот вывод усиливает аргументацию о структурной адаптации элиты в условиях изменения задач государственного управления.

Дополнительное измерение динамики элиты связано с включением новых региональных и территориальных групп. В работе И.П. Джуляка и А.О. Шуликова, посвященной формированию политической элиты на Донбассе, показано, что процессы интеграции новых элитных групп в российское политическое пространство имеют собственную логику, обусловленную историческим контекстом и особенностями предшествующего институционального развития территории [10]. В историографическом плане данный кейс расши-

ряет представление о динамике элиты, выходя за рамки «старых» субъектов Российской Федерации.

В целом, проанализированные исследования характеризуются стремлением зафиксировать реальные изменения структуры и динамики российской политической элиты на основе эмпирических данных и исторического контекста. В историографии утверждается подход, согласно которому элитный слой рассматривается как изменяющийся, но устойчивый элемент социальной и политической структуры новейшей истории России.

Концептуальные и дискуссионные направления в изучении российской политической элиты

Наряду с эмпирическим изучением структуры и динамики российской политической элиты, историография новейших работ характеризуется заметной концептуальной дифференциацией. Исследовательское поле не сводится к единой интерпретационной модели, что позволяет говорить о формировании нескольких дискуссионных направлений, сосуществующих в рамках отечественной исторической науки.

Одним из таких направлений является институционально-структурный подход, ориентированный на анализ элиты как устойчивого социально-властного слоя. В рамках этого подхода элита рассматривается преимущественно через призму ее функций, механизмов воспроизводства и адаптации к

изменяющимся историческим условиям. Данная линия наиболее последовательно представлена в работах, посвященных моделям структурирования элиты и трансформации властных групп, где акцент делается на исторически сложившихся формах внутриэлитных отношений и управленческих практик [2; 3]. Для этих исследований характерен отказ от нормативных оценок и стремление к реконструкции реальных процессов эволюции элитного слоя.

Параллельно развивается направление, связанное с анализом новых сегментов элиты, формирующихся в условиях технологических и управленческих изменений. В работах Н.Н. Мещеряковой и О.В. Крыштановской вводится понятие «смарт-элиты», под кото-

рой понимается особая группа внутри правящего слоя, ориентированная на стратегическое планирование и цифровую трансформацию управления [11]. В историографическом контексте данный подход представляет интерес как попытка зафиксировать качественные изменения внутри элиты, однако он остается предметом дискуссии, поскольку эмпирические основания выделения подобной субгруппы еще недостаточно устойчивы.

Отдельную линию образуют исследования, в которых усиливается цивилизационно-историческая интерпретация элиты. В подобных работах российская политическая элита рассматривается как носитель особой историко-культурной традиции, восходящей к советскому и более ранним этапам развития российской государственности [12]. Для данного направления характерно стремление вписать эволюцию элиты в широкую историческую перспективу, однако при этом нередко усиливается нормативно-ценностный компонент анализа, что вызывает критику со стороны сторонников более строгого историко-эмпирического подхода.

Наконец, в историографии присутствует направление, ориентированное на проблематизацию моральных и идеологических аспектов деятельности элиты. В работах, посвященных бинарности идеологических позиций и девиациям элитного уровня власти, элита анализируется как источник противоречий между декларируемыми ценностями и реальными практиками управления [13; 14]. В рамках исторической науки данные исследования используются, как правило, не для объяснения структурных трансформаций элиты, а для выявления устойчивых мотивов и установок, проявляющихся в разные периоды новейшей истории.

Таким образом, историография последних лет демонстрирует не консенсус, а многообразие исследовательских подходов к изучению российской политической элиты. Сосуществование институционально-структурных, технологических, цивилизационных и нормативно-критических интерпретаций отражает сложность самого объекта исследования и указывает на незавершенность его исторического осмысления в рамках новейшего этапа отечественной истории.

Заключение

Проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что в 2020–2025 гг. в отечественной науке сформировался самостоятельный этап осмысления

российской политической элиты как объекта новейшей истории. Исследовательский фокус сместился от поиска разрывов и «смены элит» к изучению механизмов историче-

ской преемственности и структурной адаптации элитного слоя.

Современная историография демонстрирует устойчивую ориентацию на эмпирические данные и историко-структурный анализ, что проявляется в изучении рекрутирования, мобильности, региональных различий и функциональных изменений элиты. При этом элита все чаще рассматривается как относительно стабильный социально-властный слой, эволюция которого определяется не одномоментными политическими событиями, а

длительными историческими процессами постсоветского развития.

Одновременно сохраняется концептуальное разнообразие интерпретаций, отражающее сложность объекта исследования и незавершенность его исторического осмысления. Это свидетельствует о том, что проблематика российской политической элиты остается одним из перспективных направлений изучения новейшей отечественной истории и требует дальнейшего развития в рамках историографического анализа.

Список литературы

1. Петров К.Е., Снеговая М., Чубаров Д.А. Номенклатурные корни российской элиты: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 3, ч. 1. С. 93–122. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-93-122.
2. Коряковцева О.А., Карпов А.Ю. Российская политическая элита в трансформационных процессах современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 204–209. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-204-209
3. Брега А.В., Брега Г.В. Модели структурирования элиты в современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(486). С. 19–28. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_1_846_19
4. Покатов Д.В. Мобильность российской политической элиты: особенности, формы и этапы // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 5–18. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18.
5. Иванова Л.А. Современное состояние российских политических элит: соотношение федерального и регионального уровней // Вопросы элитологии. 2024. № 2. С. 62–80.
6. Мартынов М.А., Чирун С.Н. Региональные политические элиты: особенности функционирования в регионах РФ ресурсного типа // Власть. 2024. № 5. С. 116–122.
7. Покатов Д.В. Российская политическая элита: особенности и направления изменений базовых показателей в современных условиях // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 155–158.

8. Хлынин А.П. Трансформация властной элиты в современной России: 2013–2023 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 186–192.
9. Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Качество образования российской политической элиты // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 138–156. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-138-156
10. Джуляк И. П., Шуликов А. О. Формирование политической элиты на Донбассе до 2014 г. в составе Украины: общий контекст и предпосылки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 3. С. 182–190. EDN: TVFEVA
11. Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Смарт-элиты: контуры концепции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 4. С. 30–52. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.2.
12. Кислицын С.А. Роль политической, интеллектуальной и духовной элиты в становлении советской субцивилизации как закономерного этапа развития российской евразийской цивилизации // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 86–97. DOI: 10.18522/2687-0770-2025-1-86-97
13. Погорелый А.П. Бинарность идеологических позиций российской элиты как фактор отечественной истории // Человек и общество. 2022. № 1. С. 116–142. DOI: 10.34823/SGZ.2022.1.51752
14. Степанов К.В. Концепты «политическая элита» и «политическое лидерство» в контексте проблемы девиации элитного уровня власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 190–196. DOI:10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196

SHIROKOZHUKHOV Alexander A. – Postgraduate student of the Russian State Social University, Moscow, Russia, email: shirokozhuhovaa@gmail.com

Keywords: Russian political elite, contemporary historiography, contemporary history of Russia, elite continuity, elite transformation, post-Soviet development

MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN POLITICAL ELITE (2020–2025)

Abstract

The article examines contemporary Russian historiography on the political elite of Russia in the period 2020–2025. The study employs methods of historiographical analysis, the problem-chronological and comparative approaches, as well as elements of structural-historical analysis of scholarly works. As a result, the main directions in the study of the Russian political elite are identified, and a shift is recorded from transitological and normative interpretations toward an analysis of continuity, structural transformation, and adaptation of the elite stratum in the recent history of Russia. It is demonstrated that contemporary historiography increasingly interprets the political elite as a relatively stable socio-power group whose evolution is determined by long-term historical processes of post-Soviet development. The theoretical significance of the study lies in the systematization and clarification of historiographical approaches to the study of the Russian political elite, while its practical significance consists in the possibility of applying the findings in further research and in teaching courses on contemporary Russian history and the history of the post-Soviet space.

References

1. Petrov K.E., Snegovaya M., Chubarov D.A. The nomenclatural roots of the Russian elite: 30 years later // Ideas and Ideals. 2022. Vol. 14. No. 3, part 1. pp. 93–122. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-93-122.

2. Koryakovtseva O.A., Karpov A.Y. The Russian political elite in the modern transformation processes // State and municipal administration. Scientific notes. 2022. No. 3. pp. 204-209. DOI:10.22394/2079-1690-2022-1-2-204-209
3. Brega A.V., Brega G.V. Models of elite structuring in modern Russia // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2022. Issue 1(486). pp. 19-28. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_1_846_19
4. Pokatov D.V. Mobility of the Russian political elite: features, forms and stages // Management issues. 2022. No. 5. pp. 5-18. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18.
5. Ivanova L.A. The current state of Russian political elites: the ratio of federal and regional levels // Questions of elitism. 2024. No. 2. pp. 62-80.
6. Martynov M.A., Chirun S.N. Regional political elites: peculiarities of functioning in the regions of the Russian Federation of the resource type // Power. 2024. No. 5. pp. 116-122.
7. Pokatov D.V. The Russian political elite: features and directions of changes in basic indicators in modern conditions // Socio-humanitarian knowledge. 2024. No. 12. pp. 155-158.
8. Khlynin A.P. Transformation of the power elite in modern Russia: 2013-2023 // Socio-humanitarian knowledge. 2024. No. 1. pp. 186-192.
9. Meshcheryakova N.N., Kryshtanovskaya O.V. The quality of education of the Russian political elite // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 12. pp. 138-156. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-138-156
10. Julyak I. P., Shulikov A. O. Formation of the political elite in Donbas before 2014 as part of Ukraine: general context and prerequisites // State and municipal administration. Scientific notes. 2025. No. 3. pp. 182-190. EDN: TVFEVA
11. Meshcheryakova N.N., Kryshtanovskaya O.V. Smart elite: contours of the concept // Sociological science and social practice. 2023. Vol. 11. No. 4. pp. 30-52. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.2.
12. Kislitsyn S.A. The role of the political, intellectual and spiritual elite in the formation of the Soviet subcivilization as a natural stage in the development of the Russian Eurasian civilization // Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Societies. science. 2025. No. 1. pp. 86-97. DOI:10.18522/2687-0770-2025-1-86-97
13. Pogorely A.P. Binary ideological positions of the Russian elite as a factor of national history // Man and society. 2022. No. 1. pp. 116-142. DOI: 10.34823/SGZ.2022.1.51752
14. Stepanov K.V. Concepts of "political elite" and "political leadership" in the context of the problem of deviation of the elite level

of power // State and municipal administration. Scientific notes. 2024. No. 3. pp. 190-196. DOI:10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

Принята к публикации 17.01.2026 г.

ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

В 2026 году наш учредитель и издатель, Институт стран СНГ, отмечает 30-летие со дня основания. Это важная дата в истории российского аналитического сообщества, занимающегося всесторонним исследованием постсоветского пространства и проблемами российской диаспоры. Приглашаем коллег и партнеров принять участие в юбилейных мероприятиях, информация о которых будет размещена на сайте института <https://i-sng.ru/>

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК» *

1. Для публикации в журнале принимаются статьи одной из рубрик:
 - Политология
 - История
 - Экономика
 - Особое мнение
2. В журнале печатаются статьи, ранее не опубликованные в других изданиях.
3. Все рукописи авторов проходят независимое рецензирование, в соответствии с результатами которого редакционная коллегия решает вопрос об их опубликовании.
4. Объем статей ограничен 14 страницами (включая рисунки, таблицы, список литературы). Авторы должны предъявлять высокие требования к языку рукописи.
5. Статьи принимаются в редакцию в электронном виде.
6. К статьям прикладывается выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.
7. Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.
7. Подавая статью для публикации, автор заведомо соглашается, что его материалы, в соответствии с требованиями ВАК, будут размещены в открытом доступе в сети Интернет.
8. Гонорары за публикации не выплачиваются.
9. Автору или авторскому коллективу положен один бесплатный экземпляр журнала.
10. Редакция оставляет за собой право вносить изменения в текст статей с целью приведения его в соответствие с нормами русского языка и улучшения восприятия информации читателями. При этом редакция обязуется сохранять изначальный смысл высказываний автора.

* Полные требования к материалам и образец оформления статьи опубликованы на сайте <http://pstmaterik.ru/author-center/>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»

Статьи предоставляются в редакцию в электронном формате MS Word; шрифт – Times New Roman, кегель – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Отступы с каждой стороны страницы 2 см.

Перед основным текстом статьи должны быть представлены на русском и английском языках:

- название статьи заглавными буквами;

- сведения об авторе:

- фамилия, имя, отчество;

- ученая степень, звание, должность;

- полное название места работы автора и адрес (страна, город); При написании статьи авторским коллективом достаточно указания адреса ответственного автора.

- адрес электронной почты;

- SPIN-код;

- ORCID автора.

- аннотация (объем – 3–4 предложения, не более 200 слов);

- ключевые слова (5–8 слов по теме статьи).

Название статьи на русском языке должно соответствовать содержанию статьи. Англоязычное название должно быть грамотно переведено на английский язык, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Текст статьи должен содержать разделы: введение (актуальность), основное содержание работы, заключение. Основной текст может делиться на части, имеющие самостоятельные заголовки. Они выделяются полужирным шрифтом, выравниваются посередине. Точка в конце не ставится.

Таблицы и рисунки должны быть хорошего качества. Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Над таблицей указывается ее порядковый номер и название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом, например, **Таблица 1. Этнический состав Ханты-Мансийского округа на 2020 г.**

Рисунки нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Под рисунком указывается порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом (например, **Рис. 3. Динамика внешней торговли Казахстана в 2010–2020 гг.**).

Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях, статьи в общественно-политических газетах и журналах, авторефераты, диссертации, материалы конференций должны быть оформлены в виде внутритекстовых ссылок в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы через запятую с пробелом, например, [5, с. 43–49].

Ссылки на источники без авторства, статистические отчеты, архивные материалы, комментарии автора могут быть приведены в постраничной сноске. Используется шрифт Times New Roman, кегель – 10 пт.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.1. Оп.1. Д. 194. Л. 15.

² Укрепить консенсус по развитию и создать путь к совместному процветанию // <https://posol-knr-v-rf-rossiia-i-kitaj-sozdadut-put-k-sovmestnomu-prosvetaniuu.html> (дата обращения: 20.10.2018).

³ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.

Список литературы является обязательной составной частью статьи. Материалы без библиографического списка к публикации не принимаются. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте. Список литературы составляется по порядку упоминания источников в статье. Если источник имеет DOI, его следует указать в конце библиографического описания. Ссылки на газеты и журналы должны включать название издания, дату выхода, автора, название цитируемого материала, страницу, номер и год выпуска. При наличии Интернет-адреса указывается дата обращения.

Например:

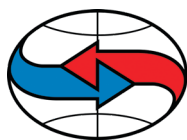
1. Ефремов М.Е. К вопросу об экономической стабильности. М.: Эксмо. 2009. 260 с.

2. Содержание и технологии образования взрослых: сб. науч. тр. // Институт образования взрослых / под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ. 2007.

3. Лэтчфорд Е. С Белой армией в Сибири. Российская газета. 2018. 9 сентября. С. 34–35 // <http://rg.ru/2018/09/09/east-front-narod-latchford.html> (дата обращения: 19.07.2020).

4. Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков: дис... канд. экон. наук. М., 2002.

Список литературы (References) должен быть грамотно переведен на английский язык. Например, Nechaeva A.M. Stages of development and features of Chinese outbound tourism // Problems of the Far East. 2008. No. 4 (July-August). Pp. 120–132.

The institute of the CIS countries

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

POST-SOVIET MAINLAND

№ 1 (49)

2026

Founder and publisher – Institute of Diaspora and integration (Institute of CIS countries)

Editorial board:

V.G. Egorov – editor-in – chief, doctor of economics, doctor of history, professor.

S.Ya. Lavrenov – chief editor, doctor of political science, professor.

O.V. Savina – editor.

A.A. Lvova – proofreader.

A.A. Gorbunov – design layout.

Editorial council:

K.F. Zatulin – chairman of the editorial council, first deputy chairman of the State Duma Committee on CIS affairs, Eurasian integration, and relations with compatriots, and director of the Institute of CIS countries.

A.V. Manoilo – doctor of political science, professor of the Department of Russian politics at Moscow state University M. V. Lomonosov.

V.V. Stoll – doctor of political science, professor of the department International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, editor-in-chief of the "Observer " magazine.

A. A. Markarov – doctor of political science, professor of Yerevan state University.

M.V. Konotopov – doctor of economics, professor, deputy. manager Department of Economic Theory, IE RAS honored worker of science of the Russian Federation.

O.D. Kuznetsova – doctor of economics, professor of the Department of economic theory of the Russian University of Economics G.V. Plekhanov.

S.A. Baibakov – doctor of historical sciences, professor at Moscow state University M.V. Lomonosov.

M.A. Olimov – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies of the Tajik national University.

G. Maitdinova – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies and foreign policy of the Russian-Tajik (Slavic) University.

M.A. Rakhimov – doctor of historical sciences, professor of the Coordination and methodological center of modern history of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

A.V. Abramov – candidate of political sciences, Associate Professor, Department of comparative political science Lomonosov Moscow State University, editor-in-chief of the Russian Social and humanitarian journal.

CONTENT

POLITICAL SCIENCE	4
KRAINOV G. N., PANOV A. I. GEOECONOMIC PROJECTS OF CHINA IN THE POST-SOVIET SPACE.....	4
DZHULYAK I. P., SHULIKOV A. O. YOUTH AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE DONBASS ELITE.....	15
KOSOV A. P. RELATIONS BETWEEN BELARUS AND NATO IN 2010 – FIRST HALF OF THE 2020S: FROM PARTNERSHIP TO CONFRONTATION	28
YUSHKOV I. P. INTEGRATION POTENTIAL OF PATRIOTIC YOUTH ASSOCIATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE UNION STATE: THE INSTITUTIONAL AND COMMUNICATIVE ASPECT.....	41
SEREBRYAKOV A. I. THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF THE DIGITAL DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY AND THE POSSIBILITIES OF ITS ADAPTATION IN RUSSIAN PRACTICE	53
SOLDATENKO I. S., SITALOVA V. A., POLYNNIKOVA V. V. PRIDNESTROVIAN IDENTITY AS A MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF ONTOLOGICAL SECURITY	66
ECONOMY	79
TSAREGORODTSEVA E. Y., ZHIGUNOVA YA. A. ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR PROTECTING ECONOMIC INFORMATION	79
BIKBULATOV D. R. DIFFERENTIATION OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION AS A THREAT TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY. PART III.....	89
KRASAVIN E. V. EVOLUTION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN RUSSIA UNDER CONDITIONS OF INCREASING INTERNATIONAL COMPETITION.....	104
HISTORY	115
ISHCHENKO O. V. MEMORIALIZATION OF G. NZHDEH AND D. KANAYAN IN THE ACADEMIC AND PUBLIC DISCOURSE OF RUSSIA, AZERBAIJAN, AND ARMENIA	115
NURIEV E. E. HISTORIOGRAPHY OF P.N. MILYUKOV'S WORK: FROM FRAGMENTARY INTERPRETATIONS TO COMPLEX UNDERSTANDING (2010-2020).....	128
SHIROKOZHUKHOV A. A. MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN POLITICAL ELITE (2020–2025)	139
RULES FOR SUBMITTING ARTICLES TO THE MAGAZINE "THE POST-SOVIET MAINLAND"	150
INFORMATION IN ENGLISH	153

Редакционная политика журнала

«Постсоветский материк» – ежеквартальный общественно-политический научный журнал, учрежденный Автономной некоммерческой организацией «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»). Основная задача издания – комплексный анализ процессов на постсоветском пространстве с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации. В журнале также публикуются материалы о дальнем зарубежье, имеющие прямое или косвенное отношение к постсоветскому пространству.

Журнал преследует ряд целей, среди которых ключевой является создание платформы для научного диалога. Издание стремится стать междисциплинарной научной площадкой для активного обмена идеями, исследовательскими методиками и результатами, поскольку взаимодействие ученых из различных областей знания способствует углублению понимания постсоветского пространства. Не менее важной целью является представление исследований, аналитических материалов и экспертных мнений, которые способствуют пониманию современных вызовов и перспектив развития постсоветских обществ. Также журнал содействует развитию образования и науки, публикуя материалы в открытом доступе под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License. Особое внимание уделяется поддержке молодых ученых и исследователей, для которых журнал служит площадкой для публикации своих работ, получения обратной связи и поддержки от опытных коллег. Наконец, «Постсоветский материк» стремится к укреплению международных научных связей и обмену научным опытом, способствуя тем самым глобальному научному прогрессу в изучении постсоветского пространства.

Журнал издается с 2014 года. Периодичность: 4 раза в год. Выходит на русском языке и распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ. Подписной индекс журнала в каталоге Пресса России: 40622. Подписку также можно оформить на сайте: <http://www.akc.ru/itm/postsovetskiy-materik>

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикаций. При рассмотрении статьи проводится проверка с помощью системы «Антиплагиат». В случае обнаружения некорректных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

При перепечатке материалов ссылка на «Постсоветский материк» обязательна.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК
Научно-аналитический журнал
2026 № 1 (49)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-55141
выдано 26 августа 2013 года.

Возрастная категория: 16+

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефон: +7(495) 951-21-50,

email: pstmaterik@mail.ru,

сайт журнала: www.pstmaterik.ru

Адрес издателя:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефон: +7(495) 959-34-51,

email: institute@materik.ru,

сайт издателя: www.i-sng.ru

Подписано в печать 25.02.2026 г.

Выход СМИ в свет 11.03.2026 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 3/Е.

Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект,
д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.